

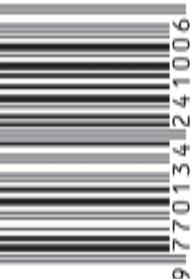
7 (649) июль, 2011

Из Перми в Турцию Под парусом

Рассказ о приключениях
уральских яхтсменов
на стр. 8

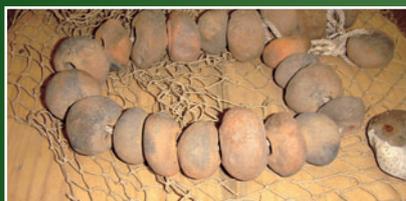

11007

97701341241006

«Оправдешные» рыбаки
Приисетья

Велосипедное путешествие
по Уралу. Башкортостан

Тайна «Двадцать пятого»

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ
КНИЖКА

- сплав по реке Белой (Агидель)
- агротуризм
- конно-верховой тур
- туры выходного дня
- корпоративный отдых
- экскурсии в пещеру Капова (Шульганташ) и в самые красивые уголки нашего района

Есть компания, но нет желания организовывать, звоните.

Не с кем выехать на природу, нет своей компании, не огорчайтесь, к нам приезжают только люди адекватные и приятные в общении, обращайтесь.

ООО «Каповатур»

предлагает активный отдых на Южном Урале

Откройте для себя Южный Урал,
узнайте много нового,
живите радостней!

Туры от 3 до 7 дней.

Цена от 3600 до 9600 руб.

Тел.: 8(34755) 3-44-99,
8-937-316-91-44
(Альбина, менеджер)

Сайт: www.kapovatur.ru
e-mail: kapovatur@gmail.com
icq: 430644212

Хотите сделать необычный подарок для семьи, мы будем вам рады.

Встречный ветер

Экспедиция
К. АВАЕВ
Под
парусом... 4

Путешествие
по Уралу.
Башкортостан
В. ОМЕЛЬЧЕНКО
Велосипедное
путешествие через
Южный Урал..... 14

Река времени

Далекое-близкое
И. ГЛАДКОВА
Тайна
«двадцать
пятого»..... 19

Легенды и были
Ю. ГОРБУНОВ
Белая Каменка
(Легенда)..... 36

Далекое-близкое
А. МУРЗИН
«Оправдешные»
рыбаки
Приисетья..... 24

Портреты
Н. ГЕЛЕВЕРОВ
Константин Реут —
жизнь
продолжается..... 40

Тропой поиска
В. КАРЕЛИН
Геннин и начало
Екатеринбурга... 32

Портреты
Ю. ДЕМЧЕНКО
Небыль и быль
об отце
Александре 44

Журнал в журнале

Аэлита

июль 2011

Главный редактор — М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов — Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго

Литературный консультант — В. Абоян.

Худ. редактор, верстка — Е.С. Горда.

Набор — В.М. Кадочникова.

Корректор — Л.В. Юсупова.

Интернет — Е. Марков.

Фото 1 полосы обложки — К. Аваев

Редакция, издатель — общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»

Редакционный совет —

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Пращкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет —

- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
  - Семен Спектор, заслуженный врач России,
  - Виктор Байдуков, свердловское отделение РГО
  - Виктор Христоробский, Председатель Курганского ро РГО
  - Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
  - Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
  - Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
  - Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
  - Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
- © ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Турганева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620014, г. Екатеринбург, а/я 479

тел. (343)295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru **www.uralstalker.com**

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28—30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

— Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646

— Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

— Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

— Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

— Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт.uralstalker.com», №7 подписан к печати 05.07.2011 года. Печать офсетная. Тираж 5000. Отпечатано в типографии «Артес», 620146, г. Екатеринбург, ул. Шаумяна, 15, (343) 379-99-08. Заказ №:

Под парусом

Путешествие по Уралу
ПЕРМСКИЙ КРАЙ

**Кирилл
Аваев**

47 лет, в прошлом военный летчик, сменил несколько профессий: автомастер, предприниматель, художник по дереву. В разное время увлекался дельтапланеризмом, гонками на выживание, яхтами. Отец троих детей, младшему месяцу.

СУДОВОЙ ХОД

Море нравилось мне всегда. И как место, где приятно купаться, и как бескрайний простор, по которому можно прийти в дальние страны, и как возможность пережить массу приключений, например: попасть в настоящий шторм, столкнуться с китом или, еще лучше, уцелеть после нападения акулы... Но раньше было несколько других вещей, которые нравились мне больше, чем море. Первая большая мечта была: летать! Когда налетался, родилась следующая: не летать! Дальше были другие мечты, которые рождались и умирали, будучи реализованными или нет... Когда сбывалась мечта приобрести собственный дом, я подумал, что очередь, видимо, дошла и до моря. Я запланировал быстро-быстро перестроить наш дом, чтобы в нем было удобно, и сходить на один рейсик: уехать куда-нибудь на Дальний Восток или Север и наняться на какой-нибудь корабль, все равно кем. Но быстро-быстро не получилось. А пока я долго-долго перестраивал дом, состоялось мое знакомство с Ивановым и Рабиновичем

и я уже хотел быть в море не все равно кем, а только капитаном собственной яхты. Ну, а яхту надо было еще и построить, опять же самому.

ПЕРВЫЙ ШЛЮЗ

Она построена и привезена из Березовского в Пермь: на все ушло пять лет. Длина — восемь метров, ширина — три. Железная. Водоизмещение — три тонны. Можно указать еще высоту мачты, массу балластного киля и площадь парусного вооружения, но для несведущих это пустые цифры, а сведущих этими цифрами все равно не поразить. Поэтому скажу просто: я хочу пройти на морской крейсерской яхте «Афера — 14» из Перми в Турцию. Поскольку из Перми можно уйти даже в Австралию, то советы пермских яхтсменов слушаю внимательно:

— Ты что, дурак? Какой тебе шлюз в одиночку? Смотри: вот ты туда зашел... Два человека должны перейти с лодки на шлюз с веревками, а два других на лодке эти веревки травить. Как ты хочешь проделать это один? Да тебя в шлюз в одиночку не пустят!

— Да засунь себе свое разрешение на прохождение трех шлюзов: тебя от туда выгонят!

Ближе к ночи на «Аферу» пришел Саша. Выпили.

— Пойдем со мной! — говорю.

— Пойдем!

— Я утром позвоню на шлюз, узнаю время шлюзовки и тебе позвоню.

— Конечно!

Утром звоню диспетчеру, он говорит:

— Вон там, на рейде, стоит «Алтай», видите?

— Да, что-то вижу.

— Увидите, что он пошел в шлюз, — сразу за ним!

Звоню Саше:

— Давай бегом! «Алтай» тронется, и мы — за ним. Я хочу прямо сейчас отойти, подойти поближе к шлюзу и подождать там.

— Понимаешь, — говорит протрезвевший Саша, — мне время сегодня в спортзале предоставили...

«Нормально, — думаю, — мечтал, хотел, «Аферой» все назвал: получи!». В яхтклубе другой Саша наблюдает

за моими приготовлениями. Он мне и завидует, и сочувствует. Спрашиваю у него:

— Ты бы как отходил?

Ему не понять, отчего я так волнуюсь. А дело не столько в отсутствии опыта, сколько в стоящем рядом со мной «Санодисси — 39»: любая царапина на ней стоит, наверное, как вся моя яхта плюс расходы на путешествие в Турцию.

— Да просто! — говорит Саша. — Дашь задний ход, конец я отдам. Потом уходишь влево. Потом газуй вперед и вон туда, к выходу.

Меня все-таки смущает ветер, который будет меня прижимать к «Санодисси».

— Ссышь? — спрашивает Саша.

— Посыкиваю! — честно говорю я.

— Знаешь, когда местные мужики узнали, что ты сварил лодку и, ничего не умея, собираешься в Турцию, сперва сказали: «Дурак!». А потом подумали и добавили: «Но как раз такие и доходят...»

Делаю все, как сказал Саша, получается. Выхожу из яхтклуба, ветер, волна, гложет мотор. Несет в пирс, спасибо, хоть не в лоб, а по касательной. Бросаю руль, отвязываю грот, тяну грота фал: грот наполовину поднялся каким-то мешком, но дует хорошо, яхта пошла, и этого достаточно, чтобы отрулить от пирса. Смотрю на мотор. Всего лишь отпал шланг питания, лучше надо было вставлять. Вставляю лучше, мотор заработал. Ухожу подальше от берега, ставлю грот и хожу под ним в ожидании начала движения «Алтая».

Страшно. Как я буду гнаться за этим «Алтаем», у него скорость, поди, раза

в три больше моей? Как я один буду в шлюзе тянуть веревки за четверых? А вдруг еще попрут меня оттуда? Накатываю сто для храбрости. Звонит Саша:

— Ты где?

— Да я посреди водохранилища, кроме меня, на воде еще пара лодок, но они несут по два паруса, я под одним гротом.

— А, вижу! Ну ты грамотно с отказом мотора разобрался, а что было?

— Да бензопровод.

— Ну давай, удачи!

Накатываю еще сто, звонит диспетчер:

— «Алтай» пошел, давайте за ним.

Убираю парус, пропускаю «Алтай», гонюсь за ним. Опять страшно, опять накатываю. «Алтай» — это толкач. Он толкает две баржи, сцепленные между собой бортами. Снова диспетчер:

— Швартуйтесь к нему левым бортом, он протащит Вас по всему шлюзу.

Мотор выключен, но ветер и волна строго в корму, меня несет. Как потом рассказали, алтайский капитан сказал по радиации диспетчеру: «Закрывайте скорей ворота, а то его о нас размажет!»

Еще не поняв толком, чем к чему швартоваться и как меня протащат, я осознаю, что два человека с моей лодки уже не должны никуда бежать с веревками, другие два не должны их травить, а меня одного, похоже, из шлюза не выгонят. На радостях накатываю, захожу в шлюз, где уже пришвартовался «Алтай». Мотор выключен, но ветер и волна строго в корму, меня несет. Как потом рассказали, алтайский капитан сказал по радиации диспетчеру: «Закрывайте скорей ворота, а то его о нас размажет!», но закрыть ворота шлюза «скорей» — утопия, и, кроме того, ветер не прекращается и тогда, когда они закрыты. Касаюсь борта «Алтая», бросаю конец. Носовой, сдуру. Его крепят, «Аферу» по инерции несет, корма отходит вправо... Рейлинг гнется, раздавленный носовой фонарь сыплется в воду, но я уже успел бросить кормовой.

Сиюю на палубе, «Афера» медленно опускается вместе с «Алтаем». Отлегло. Черт с ним, с фонариком. Первая шлюзовка, первое столкновение с настоящим кораблем, первый выход в одиночку... И за все это — один фонарик. Это же даром! Успех надо отметить, а то я совсем трезвый, хоть бутылка и кончилась. Так

▲ Постройка яхты
▼ Подготовка к старту

ведь она у меня не последняя. Приходят гости с «Алтая», на «Афере» наливают... Дяденька Ощепков, работник «Камводпути», так и говорил: «Наливать эти яхтсмены начинают уже в шлюзе!». Правда, потом добавил: «Но ты — путешественник! Тут дело другое! На тебе разрешение на прохождение трех шлюзов!»

Пермский шлюз — самый длинный, в нем шесть секций. Выхожу из него после обеда, за ним — хорошее течение и нет волны. Ставлю грот и прохожу всю Пермь. Иногда меня обгоняют суда, и я, чтобы пропустить их, делаю полный оборот на гроте. Ночую на какой-то пристани, допив вторую бутылку.

ПЕРВАЯ МЕЛЬ

Третий день пути. Штиль, иду на моторе. Скука. Часов в десять решаю, что пора выпить. Может сложится впечатление, что я — конченый алкаш: это не совсем так. Просто на лодке в одиночном походе выпивка — практически единственное занятие, позволяющее убить время. Представьте: целый день сидеть на жестком сиденье и рулить... Все места давно отсижены, на реку эту смотреть уже сил нет. А выпить на лодке в одиночку — целая процедура! Бросаю румпель и иду в каюту за бутылкой и стопариком. Пока хожу, лодка успевает уйти с курса: сажусь за румпель, подруливаю, опять иду в каюту за чем-нибудь съестным. Пока

все принесу, порежу, налью, постоянно отвлекаясь на румпель, — уже минут пятнадцать прошло. А когда выпьешь, можно и поболтать с умным человеком, а за разговором время летит быстрее...

В тот раз, только я успел все порезать и налить, как вдруг ощутил торможение, как будто кто-то ухватил лодку за киль. Но тут же отпустил. Хотя это и было со мной впервые, я сразу понял, что это. «Откуда она на судовом ходу? Слава богу, хоть проскочили! Может, скорость сбросить?». Но скорость сбрасывается сама, причем до нуля. Выключил мотор, смотрю по сторонам, понимаю, что произошло... Був я не видел, так как в глаза светило солнце: на юг ведь еду. На карте имеются два острова, между которыми я должен был пройти, но левый остров выпянутый и близко к берегу, он с берегом слился, и я его уже прошел, не поняв, что это он. А правее правого острова какие-то камыши из воды торчат. Я принял правый остров за левый, камыши за правый и ушел давно с судового хода. А ход вон: далеко слева буй, он теперь не на фоне солнца и хорошо виден. «Ну ладно, — думаю, — ничего страшного. Штиль, на снятие с мели у меня целый день, что-нибудь придумаем». Торможение было плавным, налитый стопарик не опрокинулся:

— Ну, за первую мель!

Вспоминаю, что Иванов с Рабиновичем, сев на мель, завозили на тузике якорь и с его помощью стаскивались, а вычитали они этот способ в справочнике Боба Бонда. У меня на борту такой тоже имеется. Читаю: «Главное — не поддаваться панике!».

— Ну, за отсутствие паники!

В справочнике описано несколько способов снятия с мели, но основная подсказка: на мели — мелко. Можно встать ногами на дно и попытаться столкнуть яхту на глубину руками. И как я сам не догадался? Но сдвинуть трехтонную лодку не получилось. Во-первых, не так уж и мелко: по горло. А во-вторых, дно такое мягкое, что когда я пытаюсь в него упереться, то ноги уходят по колено в глину и голова скрывается под водой. Придумываю свой способ, куда более действенный, чем способы Бонда: за корму разворачиваю лодку в обратную сторону, даю полный газ и поворачиваю мотор медленно сперва в одну сторону, потом в другую. Лодка водит носом туда-сюда и медленно-медленно ползет вперед... Снялись! Пытаюсь разогнаться, чтобы с разгону проскочить ту, первую мель, но не получается: снова сажусь:

— Ну, за вторую мель!

Снимаюсь, как и в первый раз, разворачиваюсь в сторону судового хода

и тихонько иду на малом газу. Снова мель. Снимаюсь, пробую левее: опять сел. Слез в воду, пешком нашел фарватер и вышел по нему на свободу. Дело шло к обеду: праздничному обеду в ознаменование четырехкратного успешного снятия с мели, причем методом имени меня, без подсказок Бобов, Бондов, Ивановых и Рабиновичей.

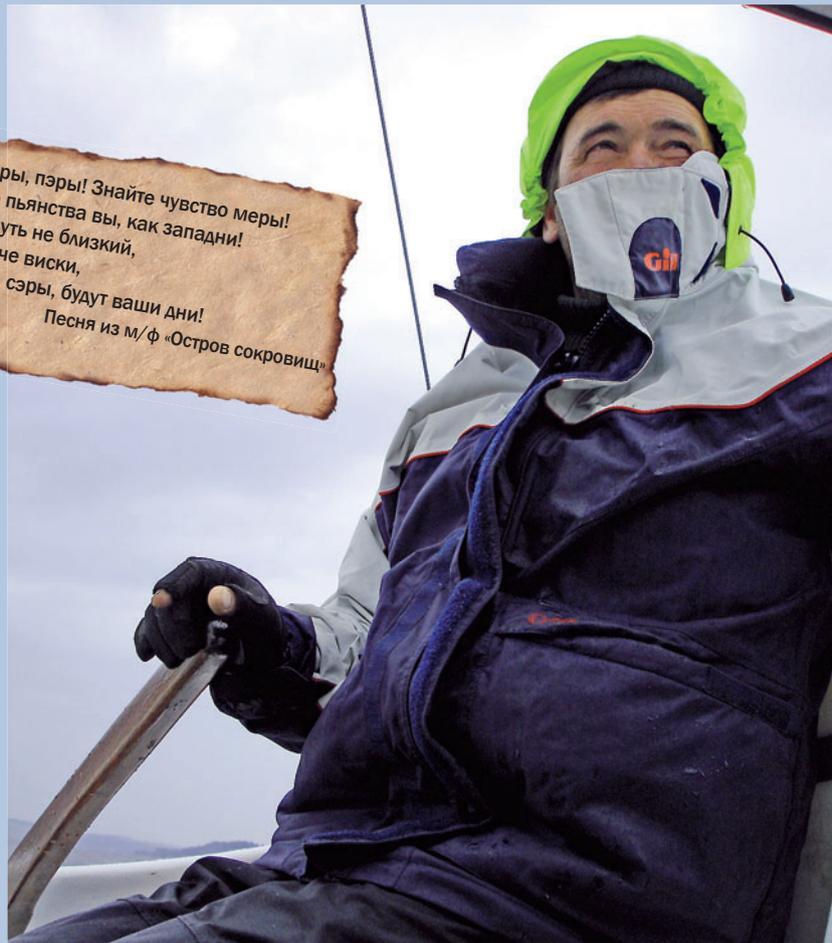
КАПИТАН МОРГАН

Наконец-то хорошо подул. Становилось в левентик и пытаюсь поставить грот, но ликтрос попадает в ликпаз и там застрекает. Для тех, кто посчитает такую лексику ненормативной, поясню: парус, поднятый не до конца, заклинило в этом положении. Так как загнал я его туда лебедкой, вытянуть обратно без нее мне не по силам. Руло на моторе, парус просто полощется на ветру и не только не тянет, но и действует на нервы. Думаю, что с этим делать. Конечно, парус надо срочно убирать, я ведь на реке: она все время куда-нибудь поворачивает, мели, суда и прочее, а я с таким мешком вместо паруса могу идти только полным курсом. По ветру, попросту говоря. Но еще хуже то, что не идти не могу. Приношу из трюма резиновую киянку, стучу по ликтросу: он не двигается, зато карман, в который он зашит, начинает отрываться. Дорываю его, привязываю к тросу веревку, пропускаю ее через блок и лебедкой вытаскиваю трос. Потом беру первый ряд рифов и ставлю парус: порванное место не мешает, первый раз за много дней идем под парусом.

Хорошо идем, двенадцать километров в час. Летим, радуемся... Беда подкралась незаметно: только я сел за-втракать, как вдруг закончилась водка. Когда отходил от Перми, я думал, что моего запаса до Турции хватит. Позже понял, что не хватит. Но чтобы вот так внезапно закончиться в самом начале пути! И как я теперь буду? Я ведь к ней уже так привык!

Думаю, что в этом меня поддержат почти все яхтсмены, да и не яхтсмены тоже: водка на борту необходима. Это и снятие стресса, и обогрев, и способ убить время. Согласен, слова «убить время» не очень благозвучны: это ведь мое время, часть моей жизни. «Убить время» значит: «сократить собственную жизнь». Ну ладно, назовем это не убиванием времени, а увеличением скорости. Какая разница, как ее увеличивать: проходя больше километров за единицу времени или делая незаметней саму эту единицу? Кроме того, ког-

Лорды, сэры, пэры! Знайте чувство меры!
Избегайте пьянства вы, как западни!
Ждет нас путь не близкий,
и чем крепче виски,
Тем короче, сэры, будут ваши дни!
Песня из м/ф «Остров сокровищ»

Думаю, что в этом меня поддержат почти все яхтсмены, да и не яхтсмены тоже: водка на борту необходима. Это и снятие стресса, и обогрев, и способ убить время.

да идешь один, без водки иногда просто невозможно уснуть. Ляжешь спать, а заснуть не получается: невольно прислушиваешься, что там за бортом. Что-то обо что-то трется... Не перетирается ли? Где-то орут деревенские. Явно пьяная компания. Не сюда ли идут? А выспаться-то надо! Вот и заставляешь себя встать и выпить грамм сто пятьдесят ее, проклятой! А то и больше. В общем, без нее — никак! Без нее — просто опасно... Если бы я был начальником Государственной Инспекции по маломерным судам, то непременно обязал бы всех инспекторов сразу после проверки документов на право управления судном непременно проверять наличие спиртного на борту. И если наличие отсутствует, то тут же лишать нерадивого судоводителя права управления. И никаких поблажек! Даже

депутатам и членам их семей! Смягчающее обстоятельство может быть только одно: все члены экипажа пьяны настолько, что не успеют протрезветь до ближайшего магазина. Или еще лучше: издал бы приказ, согласно которому инспектор, выявив отсутствие на борту положенного запаса спиртного, обязан был бы этот запас восполнить! А как же?! Кто же, как не инспектор ГИМС, окажет помощь терпящему бедствие экипажу? И инспектору хорошо: он наконец-то почувствует себя человеком, полезным обществу...

В тот раз, несмотря на двенадцать километров в час, очень хотелось еще прибавить. Сперва я облазил продуктовые рундуки в надежде, что одна бутылочка все же куда-то закатилась. Не закатилась. Начал мерзнуть. В лодке в то время был жуткий бардак.

Я не только не определился, какой рундук для чего у меня предназначен, но даже не закончил еще сборку внутренней отделки. Отдельные части ее, вперемешку с инструментом, продуктами и люциями, разбросаны по всей каюте, причем развал этот не исчезает, хоть я и пытаюсь с ним бороться, раскладывая вещи по «своим» местам: каждый раз, когда я ищю что-то, что не помню, где лежит, вся эта разнородная масса снова перемешивается. С полчаса побегал от руля в трюм и обратно, пытаюсь найти свой непромоканец. Перемешал в очередной раз все на лодке: безуспешно. Сижу, мокну от брызг, мерзну. Чай в термосе кончился, карданный подвес у моей плитки отсутствует: нового не нагреть, а время — только завтрак кончился!

И тут я вспомнил: у меня с собой — бутылка рома! Правда, не помню, куда запрятана. Литровая бутылка «Капитан Морган», которую мне подарили друзья! «Ром очень помогает от качки!» — говорили они да приговаривали: Это — не для пи-

тья, а для аптечки. А для питья можешь употребить, только когда перейдешь Черное море...». Происходящее вокруг с большой натяжкой можно было назвать штормом и от качки я не страдал, а до моря была еще не одна тысяча километров. Поэтому я, хоть и понял сразу, что Морган не только не перейдет моря, но даже не дойдет до него, все же целых пять минут убеждал себя, что это — не питье, а профилактика простудных и психических заболеваний, весьма опасных для путешественника. Особенно — для одиночки. И только потом начал бегать между рундуками и румпелем, перемешивая на лодке все, что еще не перемешалось при поисках непромоканца...

— Здравствуй, — говорю, — Морган! Ты тут еще не прокис, среди таблеток и мазей? Сейчас мы с тобой вдвоем! Ух! Как погоним!

— Я бы лучше до того берега моря потерпел... Непромоканец-то ты ведь нашел, пока меня искал! Теперь не замерзнешь!

— Ишь, чего удумал! Нечего перекладывать ответственность на других!

И понеслись...

ДИСЛОКАЦИЯ ФЛОТА

Чистополь. Иду в город. Если у нормального человека слово «кафе» ассоциируется с пивом и шашлыком, то у путешественника — исключительно с супом:

— У Вас суп есть?

— Солянка.

— Дайте две!

Осчастливив желудок, иду в аптеку: у меня проблемы с кожей. На губах и ушах она пришла в негодность

отсолнца, а на ногах и руках от нескольких ячмы, которой я по неопытности покрыл палубу и кокпит не на один раз, а на несколько. Вся поверхность яхты оказалась как будто покрытой наждачной бумагой номер восемь или десять. Как краснодеревщик, могу заверить, что это самый эффективный размер зерна для твердых пород. А я — парень не мягкий. Нахожу аптеку, покупаю какие-то мази... Еще мне нужны носки, у меня с ними совсем плохо. Но оказалось, что в Чистополе не лучше: обойдя весь центр города, я обнаружил пять ювелирных магазинов, один продуктовый и ни одного носочного. Захожу в продуктовый:

— А носков у вас случайно нет?

В магазине — две продавщицы: бабушка и девушка.

— Есть, но только две пары, — говорит девушка и как-то странно смотрит на бабушку.

Я догадываюсь, что это шутка:

— Одна пара на Вас, а другая — на Вас?

— Нет!.. Я купила мужу, а ему не подошли...

Купив носки мужа продавщицы, возвращаюсь на лодку.

Проснувшись на следующий день, понимаю, что настали критические дни. Я не хочу никуда идти. Я ненавижу эту реку. А так же и эту лодку, эту водку, этот «Доширак!» Ветер дует что надо, но его я тоже ненавижу! Какая Турция, какой Азов? Хочется напиться и никуда не идти. Или напиться и пойти опять есть солянку... Но сильнее всего — домой! Чтобы оттянуть выход, сортирую и складываю в одно место карты, которые валяются по всей лодке. Ненароком посмотрел на общую карту: совсем поплохело. Мне не дойти. Рядом с лодочной станцией — порт, подхожу к большим кораблям:

— У Вас прогноз погоды есть?

Ветер отличный — иди да иди, но если усилится — будет отличный парусный день, какой уже был у нас с Морганом. Но я устал, Морган скончался. Не хочу я парусного дня.

— Нет прогноза, он нам без надобности. Ты к диспетчеру сходи...

Чистопольский диспетчер обитает в старом деревянном домике, захожу:

— Здравствуйте! Можно узнать прогноз погоды?

— А Вы кто? — спрашивает меня как-то по-матерински диспетчер, очень приятная женщина.

— Да я тут иду...

— Подождите! — она начинает водить пальцем по огромной бумаге на своем столе. — Наверное, Вы — вот! — ее палец нашел наконец-то на планшете с заглавием «Дислокация

пирс в Полазне

флота» самую верхнюю строчку, в которой в колонке «название судна» написано: «Афера — 14».

— Да! — я искренне удивился тому, что «Афера» — не просто судно, а часть флота с присущей ей дислокацией, небезразличной диспетчеру Чистопольского порта.

— А что же Вы нам не звоните?!

— А надо?

— А как же! Вы ведь у нас в заявке!

Она пищит мне телефоны: свой, диспетчера Ульяновска, еще кого-то...

— Становитесь на ночевку — звоните! Отходите — звоните! Нужен прогноз — тоже звоните! И помощь, если что, запрашивать не стесняйтесь! А разрешение на следующие шлюзы у Вас есть?

— Нет.

Она договаривается с «Волгводпутем» о прохождении мной шлюзов в Тольятти и Балаково и даже узнает цену, которую мне придется за это прохождение заплатить: шестьдесят четыре рубля тридцать три копейки, кажется.

Отхожу. Я уже не хочу торчать тут до окончания кризиса. Я — часть флота. Я хочу немедленно сменить свою дислокацию, чтобы и чистопольский, и ульяновский, и другие диспетчеры делали поправки в своих планшетах, зорко следя за движением по вверенным им участкам судового хода «Аферы-14».

ПРОГНОЗЫ И ПОГОДЫ

Острая фаза кризиса миновала, на смену ей пришла хроническая. Я уже точно знаю: чем ходить одному — лучше всю жизнь сидеть дома. День за днем, с утра до ночи: мотор, купание, водка... Приключений не было слишком давно. Я чувствую, что за столь долгое спокойствие наградой должна быть настоящая беда. Что это будет? Скорее всего, конечно, шторм. Я уже почти две недели нахожусь в антициклоне — циклон должен быть уже где-то рядом вместе с атмосферным фронтом, который он гонит впереди себя. По два раза в день звоню диспетчерам, спрашиваю прогноз. Отвечают:

— Ветер: пять-семь метров в секунду, в грозе до тринадцати. Волнение: во-семьдесят на участках «пять»; «восемь»; «двенадцать». Сто — на участках таких-то и сто двадцать — на таких-то.

— Скажите, пожалуйста, а прохождение фронта в ближайшие сутки ожидается?

— Повторяю: ветер пять-семь метров в секунду, в грозе...

На который-то день, выучив прогноз наизусть, перестаю спрашивать.

Уральский следопыт, июль 2011

Барометр мой показывает давление того момента, в который он был установлен на яхту: видимо, при установке были допущены какие-то нарушения технологии.

Барометр мой показывает давление того момента, в который он был установлен на яхту: видимо, при установке были допущены какие-то нарушения технологии. Грубые: в нежном приборе что-то сломалось.

Прохожу Волжские водохранилища: штить, солнце. Купаюсь посреди самого большого — тридцать на семьдесят километров. С двух сторон берега чуть-чуть видны, а других — нет. Отплываю подальше от лодки: отлич-

ный получился бы кадр: зеркало воды до горизонта и «Афера»...

В Тольятти пришел ночью. Яхтсмены из Ульяновска нарисовали мне на лодии, где в Тольятти яхтклуб, но, во-первых, спяну, а во-вторых: ночь и кругом мели. Остановился напротив городской набережной: улица, фонари, ходят люди. Решаю переждать до рассвета: отхожу подальше от берега и засыпаю. Ветерок и течение за час-полтора подносят меня обратно к набережной, просыпаюсь, завожусь, отхожу подальше и снова сплю.

Переждать ночь у набережной мне не дал тот самый фронт, который я ждал уже несколько дней. Ветер пришел как-то сразу. Еще

не понимая, что это только начало, я подождал, что будет дальше. А дальше пришли волны со стороны Жигулевского моря. Ветер стал еще более серьезным, и я, не дожидаясь, пока придут более серьезные волны, пошел под правый берег — он должен меня от них защитить. Идти было шесть километров, и это был самый большой шторм, встреченный нами с «Аферой» на всем пути. Мы шли строго вдоль волн, и вода заливалась в кокпит через борт, хотя еще не перекачивалась через лодку. Несколько раз чуть не захлестнуло мотор, но все же не захлестнуло. Мы пришли под правый берег и там, в тишине, стали на якорь. А утром пришли в яхтклуб, предварительно сев на мель.

На зимовку «Афера» здесь и осталась. Она, конечно, могла идти и дальше, но я уже не мог. Кризис снова превратился из хронического в острый. Кроме того, я узнал, что стоянка в Тольятти стоит три тысячи рублей в месяц. Поскольку в Перми она стоит четыре, в Ульяновске — шесть, а в Новороссийске, как мне сказали, тридцать, я понимал, что чем дальше я летом уйду на юг, тем беднее буду жить зимой на севере.

НЕ НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

— Послушай, Кирия! Вот ты две недели ходил, рулил, ставил паруса, тянул веревки... И все один... Руки не натер?..
— Да нет. У меня же отличные яхтенные перчатки. Фирма «Gill»!

ХОЖДЕНИЕ ПО ШЛЮЗАМ

За июнь следующего года «Афера» прошла от Тольятти до Ейска. Очень скучный был поход, хотя шел я не один, а с Андрюхой и еще с нами немного прошли Дима и Сагит. Шлюзы, шлюзы... Но несколько ярких пятен все-же было...

У МЕНЯ ЕСТЬ ПЛОТ И БУЙ, ГИМСУ МЫ ПОКАЖЕМ ИХ

Кто ищет — тот всегда найдет!

Песня из х/ф «Дети капитана Гранта»

Заглавие, в отличие от эпитафии, не имеет отношения к содержанию главы. Если говорить об оснащении «Аферы» надувным спасательным плотом и аварийным радиобуем, положенными по правилам морским яхтам, то правильнее было бы сказать: «Нет плота и нет буй, не боюсь я ничего!». А заглавие — всего лишь несостоявшаяся SMSка Сагиту, который, собираясь в поход через Черное море, не сказал напрямую, но намекнул мне, что без буй и без плота не пойдет он никуда. Плот мне дали напрокат: хороший, импортный, просроченный. Сагит знал, что он просрочен, хоть я и переправил год окончания его срока действия с две ты-

сячи восьмого на одиннадцатый, но идти согласился. SMSку же про ГИМС я придумал еще до похода и собирался отправить ему сразу после того, как где-нибудь по до-

роге до Ростова, где Сагит планировал присоединиться к экипажу «Аферы», мне посчастливилось бы приобрести по очень сходной цене радиобуй. Но этого не случилось, SMSка так и осталась неотправленной.

А стала она заглавием лишь потому, что глава хоть и о другом, но о буйе: навигационном знаке, показывающем границу судового хода. Представляет собой этот знак железную бочку, плавающую на поверхности в вертикальном положении. К дну реки она прицеплена якорем, а наверху у нее — фонарик. Буи бывают разных цветов, но те, что участвовали в этой истории, почему-то все были красные. Хотя, если это и не так, то что, я уже и приврать немного не имею права? Так, для красного словца?

Где-то под Саратовом встречаем с Андрюхой буй, к которому какой-то корабль хорошо приложился. Он похож уже не на бочку, а скорее на смятую пивную банку. Похихикали мы и пошли дальше, и только потом сообразили, что это — неплохой сюжет для фильма... Спустил не одну неделю, когда шли целый день вдали от берегов и было совсем скучно, мы начали этот фильм снимать.

Я снимаю Андрея, он рулит:

— Это Андрей! Мы идем по Цимлянскому водохранилищу, у нас все хорошо!

— Кирия, буй! — вдруг говорит он и показывает вперед.

— Где? — спрашиваю я, не переставая снимать его.

— Да вот!

Я бросаю камеру в кокпит, она лежит и снимает специально красиво разложенные там веревки, а заодно записывает наши вопли:

— Давай влево!

— Влево?

— Нет, вправо!

— Может, лучше влево?

— Да какая разница!

— Ааааа... — орем мы оба, и в довершение сцены я бью по палубе сковородкой, имитируя звук столкновения с бумом.

Следующий кадр. Помятый, хоть и не так сильно, как тот, под Саратовом, буй:

— Дааа! Здорово буй помяли!

Дублей было много. Текст дополнялся, веревки раскладывались еще более красиво, пытались звук столкновения сделать поправдоподобней, стуча сковородкой то ближе, то дальше от камеры или подкладывая под удар что-то мягкое: целый день мы снимали это кино. К тому же нам для съемок все время нужны были погнутые буи, а они встречаются не так уж и часто. На каком-то дубле ручка от сковороды, наконец, отломалась и окончательный вариант второй сцены выглядел так:

— Здорово буй помяли!

— Дааа! ...И сковородку сломали! — камера перемещается с буя на обломки сковороды в моих руках.

На следующий день идем по Дону. Дон мне понравился больше всех других мест, пройденных «Аферой». Маленькая, по сравнению с Камой или Волгой, река, какая-то домашняя... По берегам — заросли, в них — отдыхающие. Есть рыба. Впечатление портят только танкеры и сухогрузы, которых на Дону нынче явно больше, чем коней. Они идут нескончаемым потоком, закладывая крутые виражи на поворотах реки.

В то утро я был трезв. Нет, правда! Сменяя на румпеле Андрюху, который уже устал там сидеть, как обычно, сказал ему:

— Иди, погуляй...

Пока трезвый капитан вел «Аферу» по судовому ходу, он побродил по палубе, разминая ноги, пришел на нос и стал смотреть вперед, обхватив штаг.

Не помню, куда я там смотрел и что видел. Скорее всего, я был вообще не там. Не видел я тот буй, в который шел. Трезвый впередсмотрящий, как потом выяснилось, видел, но думал, что капитан знает, что делает. Когда до буя оставалось метра два, Андрюха подал сигнал опасности:

— Ээээ! Йоооо!!!

Сагит

Я подумал, что он увидел танкер, вылетающий из-за поворота, и стал смотреть вдаль. «Бабам!»... Буй сильно отличается от сковородки.

— Ты что, — ору я, — дурак?! Стоишь там! Впередсмотрящий! Ни буя не видишь!

— А сам ты куда смотрел, капитан буюв?!

Орали мы до тех пор, пока не увидели отдыхающую на берегу компанию: они все видели, слышали и валились со смеху, показывая на нас пальцами.

СНОВА НЕ НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

Походы, как мы знаем, имеют необычный запах. Одни пахнут запахом тайги, другие порохом из дула... Еще в списке походных запахов фигурируют костер и Родина. Есть, наверное, и много других, но поход на «Афере» имел ярко выраженный запах «Доширака». Впрочем, как и вкус. Причем этим нерусским словом я обозначаю не продукцию какой-то определенной фирмы, а весь широкий спектр продуктов быстрого приготовления. Впрочем, я слышал, что до появления на российском рынке это дело называлось

«Досирак», а «Дошираком» стало только для того, чтобы название это смогло бы русским человеком к столу быть сказано. Так что «Доширак», выходит, слово исконно русское.

Перед сном кипятим воду: на «Доширак» и на чай одновременно. Донимает мошка, поэтому на крышке кастрюльки с кипящей водой лежит таблетка «Фумитокса». Сумерки. Разливаем кипяток по «Доширакам», и я, начиная есть, нащупываю в своей миске инородное тело:

— Что это?

Дима освещает фонариком:

— Фумитокс!

— Откуда?

— Ты же сам его на кастрюльку положил, от комаров! Выбрасывай все в реку, снова заварим.

— Да ладно... Доширак фумитоксом не испортишь!

Сагит прибыл на «Аферу» ночью. Он ехал в поезде до Ростова и по дороге звонил нам. Мы проходили как раз последние донские шлюзы и назвали ему населенный пункт, в который он должен был прибыть на такси, сойдя с поезда, не доезжая до Ростова. Затем надуть резиновую лодку, которую привез с собой, и ждать, пока не увидит

«Эй, на «Афере!» — кричали нам с проходящих круизных теплоходов, или: «Привет, аферисты!»

проходящую по реке «Аферу». Ждать пришлось пару часов, он успел не только познакомиться с деревенскими, но и напоить их, так что в путешествие его провожала не маленькая компания. После встречи мы встали на якорь и, конечно, употребили спиртные напитки. Сагит, хоть и привез с собой консервы, колбасу и прочую, весьма приличную закуску, заявил, что закусывать намерен «Дошираком».

— Ты что, — говорю, — с ума сошел?

— Да знаешь ли ты, — отвечает, — что «Доширак» — лучшая из закусок современности?

— Да? Не знаю.

— Причем именно сухой! Только недобитые буржуи закусывают «Дошираком» размоченным!

ГРАНИЦА

Где-то там она есть. Где точно — никто не знает. Даже пограничники. А может, знают, но не имеют права выдать военную тайну. В Азове мы

с Сагитом почувствовали, что она где-то рядом, и пошли спрашивать: «Где она и как ее пересекать?». Ответили нам примерно так:

— Азовское море — оно как бы ничье. Поэтому, чтобы выйти в него, надо что-нибудь оформить: или каботажное плавание, например в Новороссийск, или «закрытие границы». Самое простое — идти каботажно в Новороссийск, а границу закрывать уже там: там для этого есть специальная контора. А в Азове это сделать можно, но очень хлопотно. Надо обращаться к специальным агентам.

— Сколько стоит?

— Долларов сто.

— И, закрыв границу, мы можем идти прямо в Турцию?

— Да. Причем причалить к нашему берегу вы уже не имеете права.

— Совсем?

— Совсем!

— А если что случилось? Терпим бедствие?

— Терпите!
— А украинский берег?
— Туда вообще нельзя. Считаю, страна НАТО. Все отнимут, а то еще и посадят. Ну, не посадят, так крови попьют.

Агент предложил закрыть нам границу в Азове за девятьсот долларов. Мы оформили каботаж. В Ейске зашли на территорию судоремонтного завода, где уже стояли несколько яхт. Тут же к нам подъехал УАЗик с четырьмя вооруженными пограничниками и собакой и увез меня на заставу. Оказалось, что мы нарушили границу. Правда, сколько я ни спрашивал, военную тайну мне так и не выдали.

На следующий день границу нарушил Сагит. Единлично. Нам понадобился багор, и он поплыл за ним на резиновой лодке к катеру, стоявшему в ста метрах от нас. Тут же откуда-то появился огромный пограничный катер с мигалками и с сиреной и помчался к нему. Сагит быстро вернулся обратно на «Аферу», и катер ушел назад.

А НАЗВАНИЕ ХОРОШЕЕ

Когда я учился в военном летном училище, у меня был друг Игорь. Оба мы очень не любили армию, в основном за то великое множество глупых обязанностей, которым она каждого из нас наделила. Но мы с Игорем не роптали втихаря и не выступали открыто против этого дурдома. Мы неустанно придумывали и испытывали на себе нетрадиционные способы манкирования дебильных, на наш взгляд, служебных обязанностей. Обязанности, понятно, все время пытались нейтрализовать наши способы. Трудно сказать, кто в этом соревновании победил: мы или армия, но было весело, а к нам из-за этого приклеилась одна на двоих кличка: «аферисты». И конечно, когда на четвертом курсе я построил из обтекателя антенны от Як-28 «Инициатива» небольшой швертбот, Игорь написал на его борту: «Афера».

После училища наши дороги разошлись, хоть мы и попали служить в один полк. Он подался в сторону семьи дома и детей, тогда как я не свернул с пути «аферы». «Афера-2» был виндсерфинг, «Афера-3» — дельтаплан. Потом пошли коммерческие предприятия, машины для гонок на выживание, еще что-то... И каждой состоявшейся афере присваивался очередной порядковый номер.

Когда «Афера-14» прибыла в Пермь верхом на КАМАЗе, местные яхтсмены, обойдя вокруг небольшую железную лодку с не очень ровными бортами, сказали:

— А название хорошее...

Всю дорогу до Ейска мы радовали людей своим названием, и они отвечали нам тем же. «Эй, на «Афере!»» — кричали нам с проходящих круизных теплоходов, или: «Привет, аферисты!». Почти всей Каме, Волге, Дону и каналам я рассказал об Игоре, ЯКе-28 и дельтаплане. Только два человека на всех двух тысячах восьмистах километрах, пройденных нами, нехорошо отнеслись к хорошему названию.

Первым был диспетчер Волгодонского канала, к которому я пришел рано-рано утром за разрешением. То ли он еще не успел проснуться, то ли, наоборот, всю ночь дежурил... А может, человек такой смурной...

— Ну как же можно яхту так называть? Ведь это же мечта, — сонно рассуждал он. — Тут все должно быть красиво.

Сквозь сон он дал мне бумагу с телефонами диспетчеров всех, как ему показалось, Волгодонских шлюзов, сказал, что без радиии по каналам ходить не положено, и разрешил дальнейшее движение. Хотя и не сильно, но общее впечатление о «Волго-Доне» подпортил. А ведь мы и встретиться-то с ним не должны были, мы хотели зайти в канал еще вчера. Но вчера после обеда мы прошли мимо канала в сторону Астрахани из-за моей навигационной ошибки. Там вроде и ошибиться-то нельзя: прямо у начала канала стоит огромный Ленин, которого видно за много километров. Но памятник на мелкой карте не обозначен, а крупную достать я почему-то поленился. Хотя не я один виноват. Я как понимаю: поставили тебя на входе в канал, так ты на вход и показывай! А он, как обычно... В светлое будущее! Вот и шли мы часа полтора на Каспий вместо Азова, прежде чем я сообразил... А обратно — еще и против течения. Зато из-за смурного диспетчера я поговорил с людьми, которым название больше других понравилось. Дело в том, что он дал мне телефоны четырнадцати шлюзов, тогда как их там — пятнадцать. Выйдя из четырнадцатого, мы с Андрюхой, конечно же, воскликнули: «Ну, за свободу!»: впереди оставалось только одно гидротехническое препятствие — подъемный мост в Ростове, но у нас на него есть приспособление для опускания мачты, мы не боимся там застрять, ожидая своей очереди на прохождение.

После того, как мы воскликнули четвертый или пятый раз, я, достав очередную страницу карты, обнаружил на ней еще один шлюз. Сперва я подумал, что это какая-то неправильная карта, но, подняв глаза и посмотрев вперед, понял, что правильная. Звоню на предыдущий шлюз:

— Мы вот тут идем, идем! А тут шлюз!

— А как вы так идете и не знаете, что там — шлюз? — ржут мне в ответ. Слышно, что у них в помещении несколько человек: один так ржать не может.

— Так мы вроде все шлюзы уже прошли! А тут еще!

— Ха-ха-ха... И что?

— Телефон хоть их дайте!

— А по радиии?

— Нету у нас!

— Ха-ха-ха... Записывайте! А вы кто?

— Да мы же только что ваш шлюз прошли! Яхта «Афера — 14»!

— «Афера»?

— Ну да!

— Четырнадцать?

— Четырнадцать! — на том конце только хохот, они даже говорить не могут, хотя что уж такое я сказал?

За день до этого, вечером, связываюсь с диспетчером очередного, не помню какого шлюза:

— Придется подождать, — отвечает он, — примерно час.

— На ночь глядя мы не пойдем, будем ночевать перед вами. Тут за стеночкой можно до утра постоять?

— Там мелкогато, но попробуйте...

— А пристань напротив?

— Спросите, может, договоритесь.

Подходим к пристани, я иду в здание. Там, в комнате, забитой какой-то аппаратурой, за столом сидит мужичок жучковатого вида. Жучок, почувствовав верную добычу, вцепляется в меня немигающим взглядом и начинает медленно и громко, как будто забывает в меня гвозди, говорить:

— Стоянка. Стоит. Одна. Тысяча. Восемьсот. Восемьдесят. Пять. Рублей.

Слишком сильно сказано. Я даже на мгновение потерял способность двигаться. А он вдруг начал говорить быстро и тихо:

— Но можно и за тысячу, только без бумажки!

Обретя утраченные способности, иду на лодку.

— Стой! — орет он мне вслед. — А ты что предложишь? — И, поняв, что я не предложу ничего: — «Афера», такая-разэтакая!

Поруганная «Афера» в ту ночь ночевала у стеночки: мелко, но бесплатно.

Я назвал свою лодку в соответствии со сложившейся уже традицией. А не будь этой традиции... Я придумал немало других хороших названий для яхт, построенных специально для поиска приключений. Делюсь: «Полундра»; «Спасайся, кто может»; «Апокалипсис»; «Трындец!» «Трындец», кстати, отличное название не только для яхты, но и для боевого корабля. А еще лучше — «Полный трындец». Представьте: идет по морю корабль вероятного противника и встречает его, «Полного трындеца»... Натовский капитан спрашивает своего впередсмотрящего:

— Гей, хлопец! Побачь, шо там це таке?

— Так то ж «Трындец» к нам подходит, батько капитан!

— Вы там чи шо? Горылки обпылился? Якой впо трындец нам приходит?

— Полный, батько капитан, полный!

АФЕРА MUST GO ON!

Наверное, стоило пройти весь этот путь, чтобы понять, что я не моряк. Придя в Ейск, сказал, что море, путешествия на яхтах и сами яхты я ненавижу. И ноги моей на них больше не будет. Искренне сказал. И с этими словами «Аферу» продал. Точнее: я думал, что продал. Но она не продана. Покупатель оказался не скажу чем, так как ответить он мне не сможет. Она по-прежнему моя, по-прежнему «Афера». Зимует на пляже в Ейском яхтклубе. Продолжение я еще не придумал. **УС**

Велосипедное путешествие через Южный Урал. Кага.

Валерий Омельченко

Фото предоставлены автором

Ушли на базу

Утром погода не улучшилась. Было пасмурно, + 13 градусов, временами заряжал дождь. Встали мы ближе к восьми. Хозяйева усадьбы еще не показывались из избушки. Палатку нам собирать не надо было, поэтому на сборы времени ушло меньше, чем обычно. Не спеша вскипятили воду, попили кипяточку.

Выехали в начале десятого утра. Дорога была раскисшая, но ехать по размокшему гравию было вполне сносно. Лужи мы аккуратно объезжали, еще издали высматривая более плотные участки для проезда. Проехали село Бретьяк. Гравийное дорожное покрытие местами уходило в слой грунта. Из-за этого грязи прибавлялось больше. Но все же мы продолжали двигаться именно верхом

на велосипедах — проходимость была вполне терпимая. Временами нас обгоняли автомобили, даже вполне новые иномарки. Места проезжали очень красивые. Смешанные леса с не очень густым подлеском. Недалеко от села вдоль дороги уже паслись коровы. Как раз в это время по всей России уже несколько недель стояла сорокоградусная жара. Все выгорело, везде был либо желто-коричневый высохший фон либо черный на местах пожарищ. А здесь всюду было буйство жизни и сплошная зелень. И не было, в отличие от Западной Сибири, надоедливых кровососущих насекомых.

Хмурый день никак не отражался на нашем настроении. Двигались уверенно, не торопясь. Где-то в 5–6 километрах за Бретьяком был участок

Путешествие по Уралу
БАШКОРТОСТАН

сплошной грязищи. В глубокой разбитой колее этой раскисшей дороги застрял микроавтобус с семьей. Прямо у нас на пути. Сначала мы с Денисом попытались подтолкнуть машину, но она села еще глубже. Я был

Но совесть нас почему-то не мучила. Странно, почему?

Перед въездом в Белорецкий район за проявленный мной эгоизм Господь все же пригрозил мне пальцем. Был крутой спуск, местами с голыми скальными участками прямо под колесами, а в конце спуска поворот. Тормоза у моего велосипеда колодочные. И подтянуть я их забыл. На таких спусках скорость не должна превышать 15–20 км/ч, а меня несло до 38. Думал только о том, чтобы падать не через руль, а ногами вперед, а потом катиться по камням. Но Бог милостив. Даже к грешникам.

До села Верхний Авзян оставалось менее 10 км. Любуясь видами диких и почти нетронутых человеком мест, подстегиваемые мыслью о том, что скоро выедем на асфальт, мы катились, петляя между лужами, и чувствовали себя просто здорово.

После взятия очередного подъема нам открылся вид на Верхний Авзян. Алексей рванул вперед, Денис остановился меня подождать, пока я последним допыхтел до въезда в село.

Время было три часа после полудни. Тяжелый участок сегодняшнего пути был позади. Самое время перекусить.

После крутого ухабистого спуска в село начался долгожданный асфальт. Мы катили по центральной улице, которая вытянулась километра на три в восточном направлении. Местами были маленькие спуски. Ехать было одно удовольствие, невзирая на морозящий дождик. Хлопцы рванули далеко вперед, так что я потерял их из виду. Село заканчивалось, дорога крутым изгибом шла в гору. Я поднажал, чтобы догнать парней, и только в последний момент заметил их справа на автозаправочной станции. У велосипеда Алексея была пробита камера. Он как раз начинал ее менять, а парень с АЗС помогал ему в этом. Вдвоем они очень быстро справились с поломкой. Попутно парень рассказал нам о местах расположения турбаз в следующем поселении.

Через пару сотен метров асфальт закончился. Дорожная отсыпка была из довольно крупной, не очень укатанной щебенки. Велосипеды стали неустойчивыми, скользили по такому, казалось бы, жесткому, покрытию. С горы катиться было еще терпимо, а вот на подъемах пришлось понапрягаться. Такая дорога продолжалась 7–8 километров. У поселка Бельский асфальт продолжился и уже не заканчивался до конца нашего путешествия, если только мы сами не сворачивали с дороги.

Около 17.00 мы подкатили к перекрестку. Направо дорога уходила в глубину Южного Урала к районному центру Старосубхангулово (Бурзян). Прямо и налево дорога шла на город Белорецк. Слева от дороги расположилось село Кага. В нем было две турбазы: «Тенгри» и «Агидель». В этом селе изначально мы запланировали дневку. Надо было помыться и постираться. С перекрестка ничего не было видно. Мы не стали оглядывать по асфальту большущий пруд, а свернули налево, и по грунтовке двинулись в село.

Взяли штурмом очередной пригорок. С него открывался вид на это горное поселение, которое раскинулось в подножиях нескольких холмов.

Как подъехать к «Тенгри», мы не знали. Расспросили у прохожих место расположения и стали корячиться на самый высокий в селе холм. Именно там и оказалась турбаза. Подъехали мы к ней с тыла. Обошли медленно и очутились перед центральной усадьбой, которая оказалась административным зданием базы, столовой и спальным корпусом одновременно.

Велосипеды с поклажей оставили под березами возле здания, сами же пошли оформляться to reception. Сначала нас никто не спешил куда-то селить. Наши усталые физиономии и скромное поведение, скорее всего, произвели ошибочное впечатление на администратора Полину и ее спутницу. Нас, видимо, приняли за каких-то убогих бедолаг или немых бродяг без гроша в кармане, готовых спать на одном соломенном тюфяке тройным валетом. Мы их прямым текстом интеллигентно просили предоставить нам отдельный кабинет на троих, при этом даже цену не оговаривали. Прошло некоторое время. Посовещавшись, они повели нас в другой корпус, где никак не могли найти ключей, чтобы показать хотя бы одно помещение. Меня лично это начинало раздражать. Но двигаться дальше по маршруту было нежелательно. Время было около 6 часов вечера, за день мы проехали более 46 километров пути. Погода стояла пасмурная. Мы порядком подустали за предыдущие дни. Когда же вышеупомянутая Полина с ненавязчивой наглостью проговорила:

— Вас ничего не устраивает. Уже не знаю, что вам и предложить.

Денис Валерьевич, с неожиданным даже для нас спокойным до-

в кроссовках и, признаюсь, понимал, что если залезу в грязь по щиколотку, то кроссовки можно будет выбросить, а до того момента мне придется продолжать путь с мокрыми ногами. Как среднестатистический подлец, я бочком-бочком обвел велосипед вокруг застрявшего автомобиля и стал в стороне наблюдать. Но не таков был Денис Валерьевич! Он упорно пытался помогать этим бедолагам, которых занесли черти в такие дебри. Так прошло несколько минут. И с той, и с другой стороны подъехали старенькие легковушки. Водители легковушек, Денис, мужик из застрявшего микроавтобуса, вместе взявшись, героическими усилиями все же вскоре вызволили автомобиль из мерзкой канавы. Мы с Алексеем гордились, что среди нас есть такой благородный товарищ, как Денис.

окошко нашей опочивальни
в «Тенгри»

стоинством, с расстановкой, очень авторитетно, но без какого-либо высокомерия, ответил:

— Девушка, пока вы нам еще ничего не предложили. Мы за вами вот уже сколько времени ходим, но не увидели ни одного номера.

Тон, которым была сказана эта поворотная в данном событии фраза, возымел действие. Тумблер переключился. В течение нескольких минут нас оформили в 0,75-звездочный трехместный номер, при этом постельное белье просто оставили стопкой на одной из кроватей. Я сразу армию вспомнил. Хорошо, хоть полы не заставили мыть за наши же деньги. А последние оказались немалые. В номере, кроме кроватей, были еще две розетки и один выключатель. За проживание в этом незатейливом южноуральском бунгало с одного носа за полные сутки взимали 1100 рублей. За «помойку» в бане — 90 рублей за полчаса с одного обнаженного тела. За ужин — 150, обед — 200 рублей. За телесное облегчение в деревенском сортире денег не брали. Ура! Для ориентировки в ценах сообщаю, что в тот год у нас на Се-

вере буханка хлеба стоила 27–28 рублей, а один кВт/час — чуть больше рубля.

Парни сходили в магазин, закупились продуктами. У местной жительницы приобрели полторашку свежего из-под коровки молока. Помывшись, постиравшись, хряпнув по маленькой для аппетита и для релаксации, пошли на ужин. Надо отдать должное — кормили прилично и вкусно.

С утра занялись технической подготовкой велосипедов ко второму этапу путешествия.

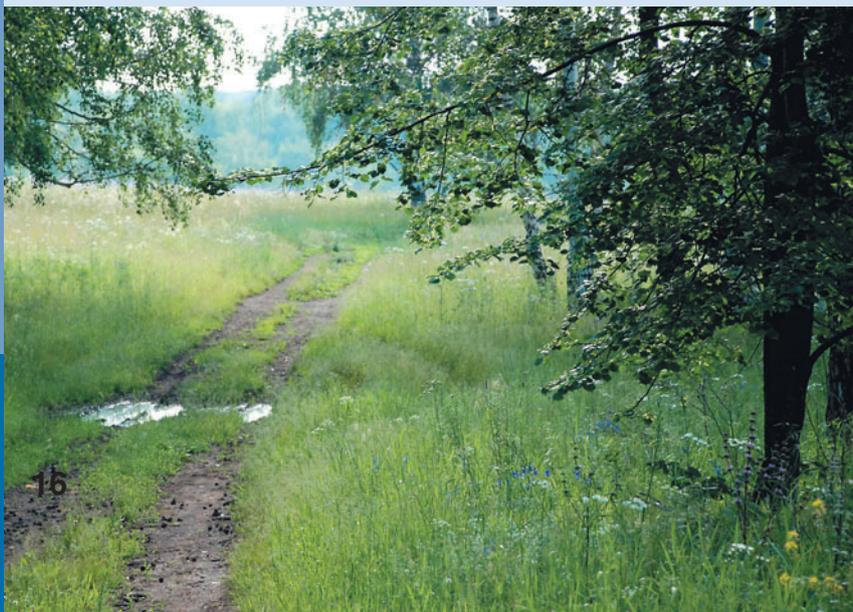
Перед обедом мы еще успели немного обзреть с холма долину, где протекает река Белая и расположено село. Вниз к реке не стали спускаться, потому что это заняло бы много времени. Просто прошлись по краю склона плоского холма, у подножия которого расположилась основная часть села. Поллюбовались пейзажами. Посетовали на жесткий запланированный график нашего путешествия. В окрестностях Каги было что посмотреть. Тем более что сервис турбазы предполагал множество различных маршрутов.

Белая

После обеда упаковались, спросили у персонала турбазы направление выезда на трассу до Белорецка. Покинули место нашей цивилизованной дневки еще до четырех часов дня. Погода стояла пасмурная, + 18 градусов. Ветер был небольшой и нам не мешал. Небо было «рваное», облака разных оттенков и величины шли низко и быстро, двигаясь с северо-запада, что указывало на прохождение над нами края атмосферного фронта. Дождя не было.

В эти полдня мы планировали добраться до большого села Узьян и там, на берегу водохранилища, заночевать. Летописная история этого села также начинается во второй половине XVIII века. Основано оно было демидовскими горнодобытчиками и металлургами. Имея запас времени, ехали не напрягаясь, любуясь окружающим пейзажем. Это был один из живописных участков нашего маршрута. Дорожное покрытие было почти идеально, особенно для матушки-России вне всяких похвал. Не хватало только солнечного света, чтобы добавить яркости в открывающиеся по обе стороны пейзажи.

До Узьяна доехали к 7 часам вечера. Перед селом не было подходящего места для ночевки. В конце Узьяна на карте было обозначено водохранилище на одноименной реке. Но берега были очень круты для установки палатки. Нашлись и другие причины, которые, как нам казалось, подвигли нас на продолжение движения. На самом деле, проехав всего-то 25,5 км, мы еще не успели устать. Поэтому нелегкая нас понесла дальше искать другое приветливое место ночевки. До ближайшей деревни по ходу движения было около 20 километров. Ехали быстро и уверенно. Местами

припускался дождь, но мы не обращали на это внимания.

Километров через 11–12 от выезда из Узына начались некоторые разногласия, без которых описание любых человеческих отношений представляет собой своеобразный идеализированный гротеск. Фактор усталости плюс постоянное общение в течение продолжительного времени, при различных взглядах на вещи, порождают несогласованность действий. Особенно, если изначально не оговорена соподчиненность на время проведения экспедиции. А у нас было равноправие. По крайней мере, я именно так понимал структуру нашей группы. Чтобы выйти из состояния разногласий в экспедиции, необходимо следующее: первое — собственные желания должны быть соподчинены интересам группы; второе — готовность каждого члена экспедиции идти на контакт и обсуждать проблему до ее окончательного решения, при этом проявляя уважение и доброжелательность ко всем членам экспедиции; третье — при решении проблемы должны быть определены решающие факторы и исключены ограничивающие. В данном случае проблемой стал выбор места ночевки. Ведь то, что было запланировано, осталось позади. Программа сбилась. Два раза мы останавливались в местах, где дорога и берег реки Белая подходят вплотную друг к другу. Спорили. Двигались дальше.

Миновало 21.00. Мы достигли деревни Азнагулово. Сквозь деревню протекала река Белая. Подходящего места для лагеря опять не находилось. Лес был по другую сторону до-

роги, но без сухостоя. Ровное место на берегу примыкало к крайнему в деревне двору и трассе. Это было нежелательно. Могли бы возникнуть проблемы с праздно шатающимися любопытными де-ревенскими жителями. Мы продолжили движение. Через 200–300 метров впереди уже виднелись последние дворы. Начинались сумерки. У Дениса начал прихватывать коленный сустав, как результат много раз повторяющегося движения. Ведь в среднем за день путешествия мы делали по 30 тысяч сгибаний-разгибаний. Откладывать разбивку лагеря было уже нельзя. Алексей проехал несколько десятков метров вперед.

Оставив велосипед возле Дениса, который остался на обочине трассы, я по переулку пошел на разведку. Через три двора переулок закончился. Впереди был выгон для скота, который через сотню метров заканчивался берегом реки Белая. Жаркая погода и выпас скота к середине лета не оставили на этом выгоне ни клочка зеленой растительности. Но это для нас было не главное. Последний двор на одной из сторон переулка, видно недавно, сильно пострадал от пожара. Люди съехали. Вокруг сгоревшей усадьбы стоял целый деревянный забор, местами не затронутый дождями. Это уже был потенциальный топливный ресурс. Выгон был ровный, река рядом. Оставалось последнее — питьевая вода. Возле крайнего от трассы двора собралась разновозрастная ребятня. Подойдя к ним, я обратился к старшему под-

ростку, чтобы тот спросил у взрослых насчет воды. Из двора вышла женщина средних лет. Я попросил ее дать нам воды с ведром, объяснив, что мы туристы и хотим переночевать у них на берегу, и пообещал, что ведро мы не будем ставить на костер, а вернем утром в целости и сохранности. Через минуту эта же женщина вынесла нам ведро, полное чистой колодезной воды.

К этому времени вернулся Алексей и мы пошли выбирать место для лагеря. Поближе к речке и там, где меньше было «заминировано» — о чем речь, думаю, понятно. Позади было 45,5 километра пути. Время — почти десять часов вечера. Темнело. Парни начали устанавливать палатку. Жизненная необходимость толкнула меня на «мародерство» — пошел за досками от забора. Выбор был неширок. Даже из того небольшого количества досок часть их местами была сырой, костер никак не хотел разгораться. Пригодилась запасенная Алексеем Ивановичем береста. Эта тонкая березовая кора горит лучше любой бумаги, дает достаточно жара, чтобы от ее пламени загорелись сыроватые дрова. В этот раз мы опять наварили гречневой каши, только не из трех пакетиков, а из четырех. Проголодался народ. Еле поместилась в котелке, когда размешивали с тушенкой. Зато сожрали все. Спасибо погоде — пока разбивали лагерь, готовили ужин, ели, пили чай — небо прояснилось, и не упало ни одной капли. Ближе к полуночи сквозь тем-

ные сумерки стали надвигаться мрачные тучи. Виднелось зарево молний, но гром слышен был только изредка. Мы связали три велосипеда вместе, приклонили к ним оставшиеся доски для костра и накрыли тентом.

Вдалеке вверх по течению Белой виднелся огонек костра. В его сторону по выгону прошла группа местной молодежи. Стемнело полностью. Мы забурились в палатку, как обычно, немного поговорив, стали медленно погружаться в сон.

Налетел шквал. Палатку начало трепать. Уже не до сна. Мы лежали и думали, выдержит или не выдержит палатка.

Молодые люди, скорее всего, не нашли тех, кого искали. С разговорами в метрах тридцати от лагеря прошагали в другом направлении. Мы опять стали медленно погружаться в сон.

Налетел шквал. Палатку начало трепать. Уже не до сна. Мы лежали и думали, выдержит или не выдержит палатка. Выдержала, значит, парни тщательно установили. За шквалом пошли молнии, гром, потом начался ливень, который продолжался несколько минут, а потом перешел в моросящий дождь. Его мерное постукивание по крыше палатки нас убаюкивало, и мы опять стали медленно погружаться в сон.

— Мужики, это у меня в голове колокольчики звенят или это на самом деле? — спросил я сквозь дремоту.

— Да. Я тоже слышу, как будто бы какой-то колокольчик звенит, — сказал Денис.

— Нет, Валерий Николаевич, это не кажется, это на самом деле колокольчик, — ответил Алексей.

Потом вроде стихло. Потом опять «дилинь-дилинь, дилинь-дилинь». Так ненавязчиво, как колокольчик прокаженного из фильмов о средневековье. В полудреме мы начали выдвигать различные гипотезы об источнике этих звуков: от блуждающих душ безвременно усопших человек до крупного рогатого скота, по тем или иным причинам не попавшего на ночь в хлев. Как только дилиньканье становилось тише, мы в который уже раз медленно погружались в сон. Чуть перезвон становился громче и неожиданней, мы опять на несколько секунд просыпались.

К утру дождь закончился. Промаявшись всю ночь, с первыми лучами солнца, просвечивающего сквозь стены палатки, мы повылазили наружу. Отдохнувшими мы себя не чувствовали. Голова гудела. Кроме ночных звуков живой и неживой природы, сказывалось низкое давление циклона. Навес над велосипедами и дровами так же, как и палатка, выдержал ночной шквал, благодаря чему у нас остались сухие дрова. Поставили чайник. Спустились к речке освежиться. Немного очухались. Выяснили, что этой, в прямом смысле слова, звенящей в ночи скотиной оказался пасущийся невдалеке конь. Выгон же, как-никак. Он хозяин, когда и куда хотел, туда ходил и колоколил.

Собирались медленно. Палатка была влажноватая, тент тоже. Пока все просушили и упаковались, было почти десять утра. Ведро я обещал отдать до восьми. Подъехали ко двору. Постучали несколько раз, никто не открывает. Ворота высокие, не глянешь во двор. Перекидывать новое ведро через ворота нехорошо, может погнуться или что-нибудь разбить. Только я начал перелезать через ворота, как бдительный сосед из дома напротив из какой-то щели завопил:

— Эй, куда полез!

— Да мы ведро брали, надо отдать, а никого нет, — разноголосицей ответили мы гражданину в засаде.

На внутренней части ворот оказался гвоздик, на который и было возвращено добрым людям ведро. **УС**

Тайна «Двадцать пятого»...

25 Mn

Инна Гладкова

Иллюстрации подготовил
Эдуард Гильман

*Коричневая пуговка
Валялась на дороге,
Никто не замечал ее
В коричневой пыли...*

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Инна Гладкова

Тележурналист, автор публицистических рассказов и эссе об истории Урала. Лауреат премии губернатора Свердловской области 2001 года за телесериал «Екатеринбургские тайны». Автор многих очерков в нашем журнале. В тандеме с ней работает ее супруг — **Эдуард Гильман**. Он — и первый дотошный читатель, и ответчик за иллюстративный ряд. Ныне супруги живут в Германии.

Тем, кто знает, чем заканчивается этот военного времени детский стишок про сверхбдительность, читать вообще дальше не обязательно. Более любознательных, интересующихся прошлым своей родины и нашего края, в сороковые-роковые в частности, не просто отошлем к интересному документу — воспоминаниям одного из главарей Абвера, но и процитируем некоторые любопытные строки.

Но прежде вспомним исторический декабрь 1941-го. Отборные немецкие дивизии снова брошены к Москве, но блиц-криг уже провалился. На оборону столицы вышли наши новые маневренные, с неуязвимой броней танки Т-34. Известие об этом просто взбесило Гитлера. Он распекал своих генералов, в бешенстве тыча пальцем в карту каких-то безлюдных русских земель на севере: «Из какой-то брони эти русские свиньи смеют их делать? Это, — орал он, — танковая бомба против Великой Германии!». За точность выражений фюрера не поручусь, но одно достоверно: в ту минуту в его ставке серьез-

но решалась судьба карьеров и шахт одного из важнейших на территории СССР месторождений полезных ископаемых, которое приказано было уничтожить срочно и любым способом.

Что же это за предприятие, секретное только для нас, своих? И еще сразу возникает другой вопрос: как и когда нацисты в Германии могли о нем пронюхать, да еще и заполучить детальнейшие карты территорий? Хотя только слепые и глухие политики на рубеже сороковых годов не хотели видеть, что книга Адольфа

Гитлера «Main Kampf» — это обширная программа варварского захвата новых сырьевых рынков. Что она уже вовсю «реализуется» в Европе, что военная машина фашистской Германии крутится в ускоренном режиме, ломая государства, уничтожая народы. На эти цели, само собой, изощренно работала секретная служба нацистской Германии — Абвер.

В опубликованных в 2000 году воспоминаниях «легендарного» оберштурмбаннфюрера СС Отто Скорцени находим данные о том, как использовались Абвером лю-

**Он распекал своих генералов,
в бешенстве тыча пальцем в карту
каких-то безлюдных русских земель
на севере: «Из какой-то брони эти
русские свиньи смеют их делать?
Это, — орал он, — танковая бомба против
Великой Германии!»**

бые сведения и, в первую очередь, архивы разведывательной службы Люфтваффе. «Документы этой организации, — писал он, — обладали впечатляющим количеством сведений по всем вопросам, которые могли нас заинтересовать. В частности, у них имелись стратегические аэрофотосъемки обширных пространств Евразии: с северо-востока на юго-восток до Аральского моря, на юг — до Месопотамии и Суэцкого канала. К сожалению, все эти фото- и аэрофотосъемки относились к 1940–41 годам, то есть были еще тех времен, когда Люфтваффе господствовала в воздухе на всех территориях и фронтах. Но в этих обширных архивах я все же

нашел богатейшую информацию о промышленном потенциале наших противников».

В разделе: «Линия Мажино и позиция Зигфрида» читаем сведения о работе немецкой разведки, скрупулезно собиравшей стратегическую информацию непосредственно об Урале: «Получив доступ к карточкам архива, мы узнали, что русские перевезли большинство своих новейших заводов на Восток и перепрофилировали находившиеся там предприятия. На Урале появился промышленный район, превышающий по площади территорию рейха в то время. Поскольку Люфтваффе могла совершать лишь ограниченное число разведывательных полетов над этими районами, нам пришлось ис-

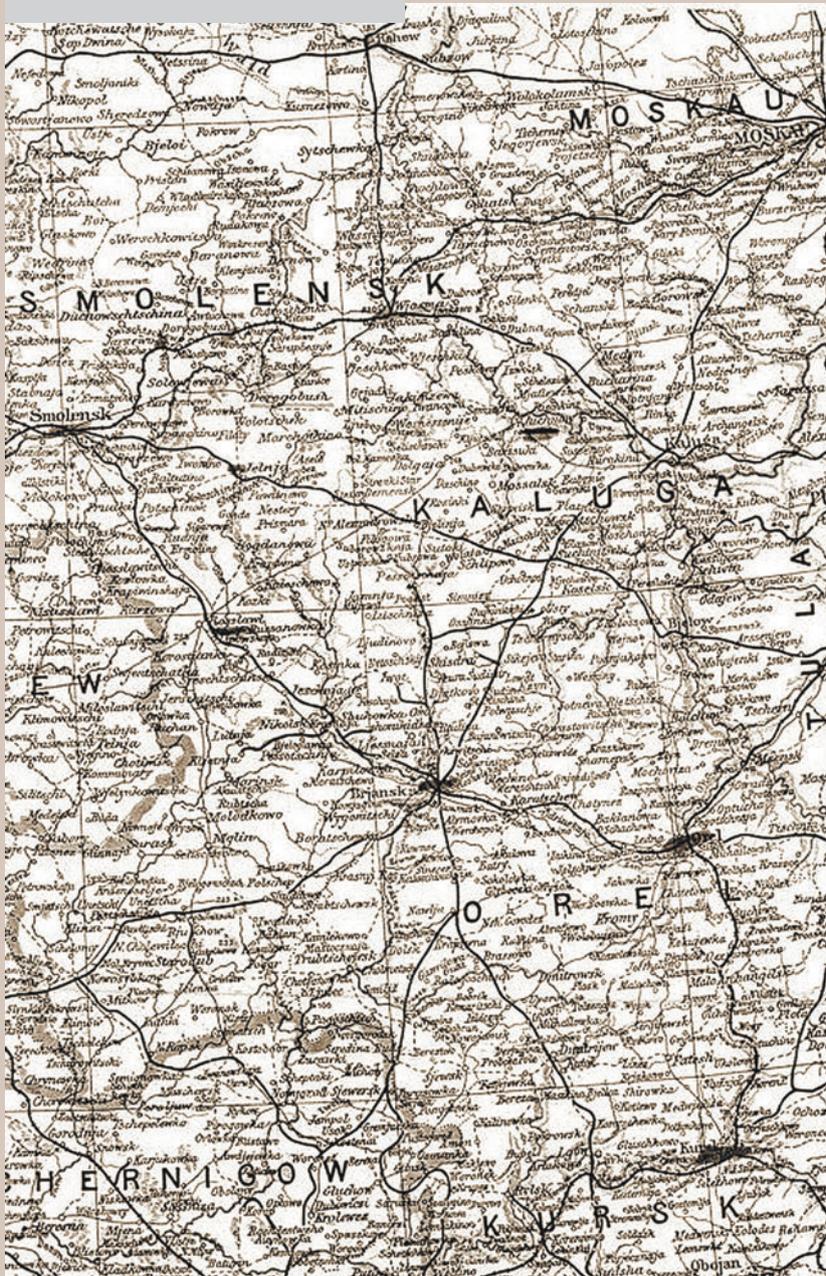
кать другие источники информации. Мы собирали и систематизировали тысячи показаний советских военнопленных, которые дополнялись сведениями, полученными от некоторых фирм — особенно немецких и французских, выполнявших в свое время работы в этих местах. Вскоре мы смогли нарисовать достаточно детальную картину в этом индустриальном конгломерате. И тогда я воочию увидел, какой объем подготовительной работы нам еще предстояло выполнить перед тем, как приступить к диверсионным операциям, которые имели бы разумные шансы на успех».

Отго Скорцени, его еще называли «человеком со шрамом на лице», любимчик Гитлера, откровенничает далеко не про все секреты Абвера. Но с чем не поспоришь, что абсолютно достоверно, так это способы создания топографической карты нашей страны. Есть подробности о том, как над ними работали, как выкрадывали данные из закрытых наших сейфов, как грамотно использовали разговорчивых болтунов засланные шпионы. Так что к моменту вторжения на территорию СССР немцы имели детальнейшие карты всех территорий нашей страны с указанием важных стратегических объектов. Перефразируем классика: «Имея перед глазами такое детальное пособие, географию можно и не учить!»

Передо мной одна такая карта, точнее фрагмент, где крупно читаются SMOLENSK, KALUGA, OREL, KURSK, PSKOV, а мелким, причём рукописным, но очень четким, тоже латинским шрифтом обозначено все — вплоть до небольших поселков, озерков, речушек, даже проселочных дорог, на которых разворачивались кровавые сражения Великой Отечественной на подступах к Москве. У меня даже сердце заныло, когда я читывалась в знакомые названия моей родной и сожженной войной Смоленщины. Указана даже маленькая железнодорожная станция Вадино, где погибла на той войне молодая красивая женщина, оставив трех малых детей — самый дорогой мне человек — моя мама...

Эти «русские секреты» сегодня можно получить в мюнхенской и других библиотеках. Они не из закрытых архивов. Теперь ими широко пользуются сотрудники немецких турбюро, когда отправляют в Россию группы туристов. А представленный в очерке фрагмент карты был не так давно подарен мне немцем преклонных лет, активистом немецкого союза

▼ Немецкая карта европейской части России

ветеранов войн. Одной из важных, порученных ему забот, сегодня является инспектирование состояния, восстановление и поддержание в порядке могил солдат и офицеров, захороненных не только во Вторую, но и в Первую мировые войны, но и в каких-то локальных конфликтах — от французского Вердена до русского Сталинграда, от Прибалтики до северной Африки...

В каждом немецком селении, как и у нас, стоит обелиск, где пофамильно названы погибшие в военных сражениях. Только в Германии за каждый клочок земли под строение, или для захоронения, даже для мемориальной стелы в казну кто-то должен платить: родственники или муниципалитет. К тому же «на века», как известно, остаются имена в основном полководцев, имена простых солдат со временем все-таки стираются и все труднее разглядеть, кто конкретно и за что принял смерть, поэтому на некоторых обелисках экономные немцы теперь пишут так:

«1914 год. На русский фронт ушло 108 солдат.

Домой вернулось 42».

На другом камне читаем:

«1939 год. На фронт ушло 1360 солдат.

Домой не вернулся никто».

А что? Жестокие, но умные послания потомкам!

Однако обратимся к началу нашего повествования. Вспомним про «пуговку» с подслушивающим жучком, которая валялась на дороге. Не группа ли шпионов-диверсантов под кодовым названием «Северная», обученная в специальном немецком центре, ее потеряла? Документально известно, что в ночь с 17 на 18 февраля 1944 года линию фронта пересек, не попав под огонь зениток, самолет, на борту которого было семь человек. Самолет поднялся с рижского аэродрома и взял курс на восток, в тыл Советского Союза. По планам германской разведки районом диверсионной деятельности этой группы должен был стать Средний Урал. Сошлось на некоторые данные из публикаций доктора исторических наук В.П. Мотревича.

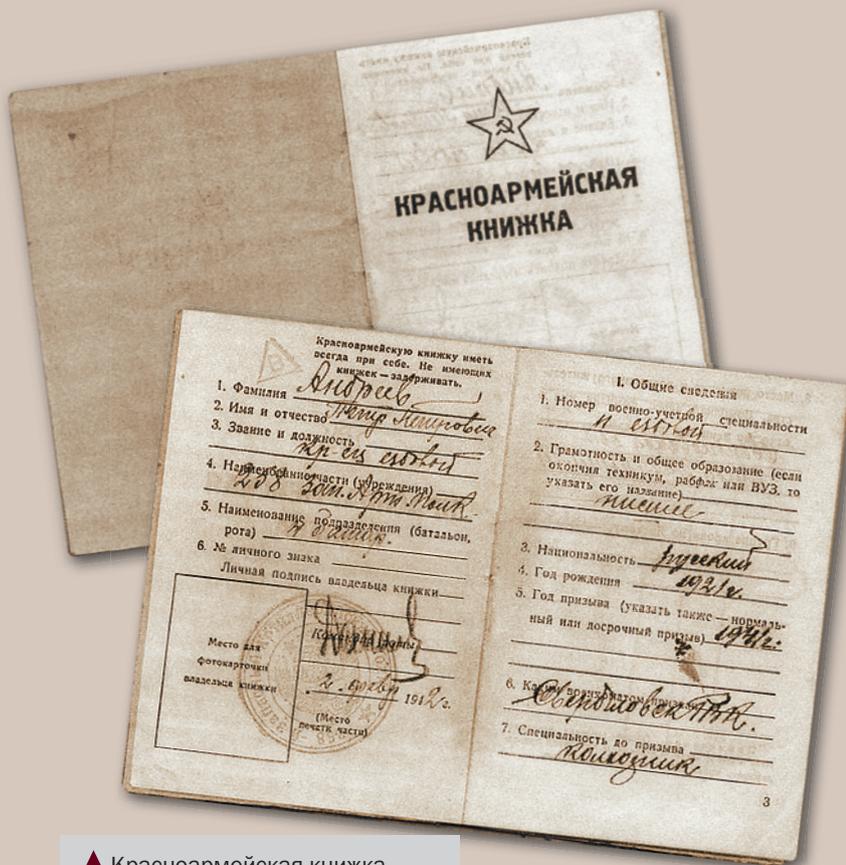
Экипирована группа была по первому разряду. Документы — паспорта, трудовые книжки, свидетельства об освобождении от воинской обязанности со штампами, разные справки — конечно, были фальшивыми, хотя специалисты Абвера изготовили их довольно грамотной. Все диверсанты имели красноармейскую форму, снабжены и маскировочной

одеждой немецкого образца. Кроме того, у них были спальные мешки, одежда, валенки, лыжи. Вооружены они были, как говорится, до зубов: автоматами, пистолетами «Вальтер», охотничьими ружьями. В достатке были боеприпасы, гранаты, ножи. Группа имела радиостанцию, взрывчатку, компасы, бинокли. А также запас продуктов на полтора месяца, аптечки, ранец с бельем и туалетными принадлежностями и по 500 советских рублей.

▲ Паспорт диверсанта Андреева, изготовленный Абвером

Диверсантов соответственно снабдили подробнейшими картами, на которых были обозначены практически все крупные оборонные предприятия Урала, выпускавшие танки, пушки, «Катюши», снаряды, бомбы и другую продукцию для фронта. Точно указанный на плане

▲ Красноармейская книжка диверсанта Андреева, изготовленная Абвером

наказания. Затем дело было пересмотрено и указанные лица за принадлежность к немецкой разведке получили от 8 до 15 лет ИТЛ с конфискацией имущества.

В 1967 году П. А. Андреев, проживавший в то время в Магаданской области, подал заявление с просьбой пересмотреть его дело и реабилитировать. По его мнению, он и его товарищи были осуждены незаконно, поскольку они сами явились в органы НКВД с повинной. Но просьба о реабилитации была отклонена.

Сообщений о том, что немецкая разведка не раз предпринимала усилия по дезорганизации работы народного хозяйства Урала, являвшегося в годы войны главным арсеналом страны, в прессе сейчас много. Мы же доскажем лишь ту историю, о которой обмолвились вскользь, для чего вернемся к событиям декабря 1941 года, к руднику Полуночное на севере Свердловской области, наличие которого так взволновало Адольфа Гитлера. Это и есть тайна «Двадцать пятого». Разгадка ее — в пределах школьной программы. Следует лишь открыть знаменитую

Диверсантов соответственно снабдили подробнейшими картами, на которых были обозначены практически все крупные оборонные предприятия Урала, выпускавшие танки, пушки, «Катюши», снаряды, бомбы и другую продукцию для фронта. Точно указанный на плане оборонный объект предписывалось уничтожить или серьезно повредить.

оборонный объект предписывалось уничтожить или серьезно повредить.

Все члены группы «Северная» были русскими по национальности, в прошлом все, кроме одного, являлись военнослужащими Красной Армии, при разных обстоятельствах оказавшимися в германском плену.

Возможно, эта семерка и нанесла бы урон, как предполагалось, каким-то из стратегически важных производств, если бы не вмешался случай. То ли пилот плутанул, или он спешил назад, потому что горячее в баках заканчивалось, но парашютисты, не долетев до объекта, приземлились далеко от намеченной цели — в Коми-Пермяцком автономном округе (Пермского края, тогда Молотовской области), в глухой тайге.

Людей, вещи и продукты сбросило по территории в несколько километров друг от друга. Один во время приземления повис на дереве, не смог освободиться и замерз. В результате сильного голода и обморожения еще двое диверсантов, в том числе и старший группы, покончили жизнь самоубийством, застрелившись из автоматов. Еще один член группы во время приземления сильно обморозил ноги, у него на-

чалась гангрена, и его застрелили. Труп зависшего на дереве сняли и захоронили, тела остальных из-за сильного голода съели. 5 июня 1944 года, то есть спустя четыре месяца после приземления в советском тылу, они, так и не осуществив никаких террористических актов, вышли из леса уже в Кировской области и сдались. Это были П. А. Андреев, Н. К. Грищенко и Н. М. Стахов. Было проведено серьезное дознание следователями «Смерш» Урал ВО, которые даже выезжали в те районы, где диверсанты отсиживались, там же нашли останки четверых и различное снаряжение.

Диверсантов, конечно, судили. Особое Совещание при НКВД СССР вынесло приговор: Андрееву — 20 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), остальным — высшую меру

таблицу элементов Дмитрия Ивановича Менделеева. На ней под номером 25 значится марганец. Мы его представляем в виде кристалликов, которые можно купить в аптеке. Если их бросить в воду, она примет красивый аметистовый цвет. В госпиталях этим раствором промывали плохо заживающие раны — это хорошее дезинфицирующее средство. У «Двадцать пятого» много и других профессий. Но одну следует произносить стоя, под звуки гимна страны: марганец — главная составляющая брони нашей Победы над фашистской Германией. Без добавок марганца листы стали, от снарядов даже самого мелкого калибра, превращались в решето.

Имя «Полуночное» этому месту могли дать только романтики. Север-

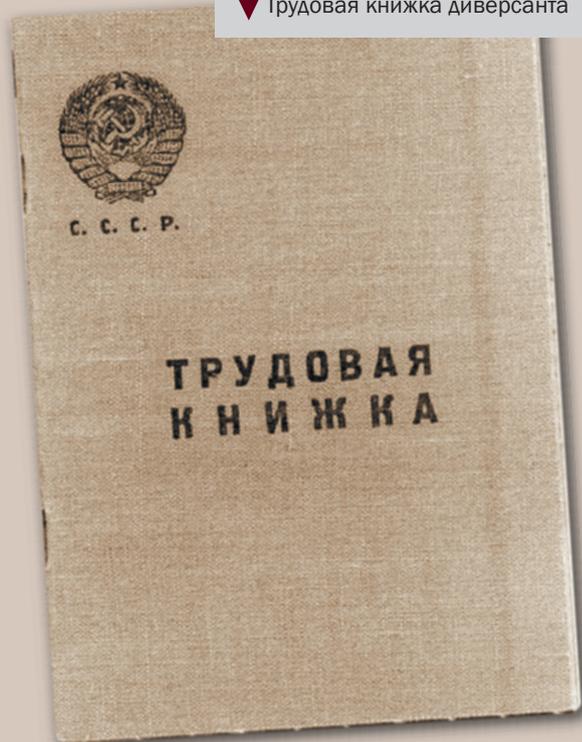
ные зимы здесь долгие, зато летом, если солнце прячется ненадолго, ночи на этой параллели очень даже белые, не хуже, чем в Питере. В 1920 году, изъеденная тучами мошки и гнуса, группа геологов под руководством Константина Матвеевича Кожевникова в тридцати километрах севернее Ивделя обнаружила залежи марганцевой руды. Но практический интерес к Полуночному, к его марганцевому месторождению, появился только в 1940-м, когда набирали мощность металлургические предприятия Урала. Рудник мог дать 270 тысяч тонн марганцевой руды в год.

Освоение месторождения включало сооружение железнодорожной ветки Ивдель — Полуночное. А кругом тайга и болотины. На чьих костях поднимались в то время стройки коммунизма? Известное дело — главными строителями были заключенные. И только здесь 1770 «зек-ков» на прокладке дороги подняли 300 тысяч кубометров земли, уложили 25 километров железнодорожных путей, сделали 200 метров искусственных сооружений и различных вспомогательных устройств. Нужно отметить, что все работы (за исключением добычи балласта) производились вручную.

Такими же ударными темпами велось строительство самого рудника. А тут еще грянула война. Беда подгоняла скорейший ввод в эксплуатацию Полуночного, потому что фашисты оккупировали Украину, во вражеском стане оказался главный марганцевый бассейн — Никопольский. В стране возникла острая проблема обеспечения заводов черной металлургии марганцевой рудой.

И первый марганец Полуночного страна получила в рекордно короткий срок — в августе 1941 года. Его по бездорожью к станции Ивдель доставили на грузовиках, и так возили колоннами еще целый год. Золотым был этот марганец! А к августу 1942-го, благодаря неимоверным усилиям строителей, железнодорожная ветка Ивдель — Полуночное подошла к карьеру: наконец, открылась возможность грузить руду прямо в железнодорожные вагоны.

▼ Трудовая книжка диверсанта

Гитлеровское руководство понимало, какое значение имеет уральский марганец для оборонной промышленности СССР и, в частности, для производства танков. Так что уничтожить Полуночное было в особых планах Гитлера. Авторы брошюры «Марганец Северного Урала» Г. Цаур и В. Камарский приводят данные об одной из таких попыток. Так, 11 ноября 1942 года эскадрилья немецких бомбардировщиков поднялась со смертельным грузом, но часть самолетов попала под зенитный огонь наших прифронтовых батарей, а те, кому удалось прорваться, сбились с курса.

В специальном номере киножурнала «Советский Урал» известный кинорежиссер Лев Ефимов приводит другой случай, когда группа диверсантов попыталась подобраться к руднику с моря. На этот раз она, вооруженная до зубов и с точными координатами, высадилась с подводной лодки, но детальные карты и компасы не помогли. Тундра встретила их неприветливо, могилу они нашли на Приполярном Урале.

У «Двадцать пятого» много профессий. Но одну следует произносить стоя, под звуки гимна страны: марганец — главная составляющая брони нашей Победы над фашистской Германией.

Всего четыре года, пока шла страшная и изнурительная война, рудник в Полуночном, открытым и подземным способом увеличив добычу в 16 раз, непрерывно доставлял металлургам бесценный и такой необходимый для броневых листов марганец. Возможно, без него путь к Великой Победе был бы куда более долгим и трудным.

С пятидесятых годов руды Североуральского марганцевого бассейна, хотя и имеют хорошую перспективу, не разрабатываются. Причина: сложные горнотехнические условия и отсутствие поблизости современного обогащательного предприятия. Карьеры и подземные выработки вскоре заполнила вода. Редкие в этих краях туристы принимают их за красивые природные озера.

Поселок Полуночное по-прежнему связывает с большими городами области железнодорожная ветка. Но кто всерьез помнит о былой воинской славе этой маленькой Точки на севере Урала? Краеведы обделили ее своим вниманием. В областной библиотеке имени Белинского хранится лишь подшивка ивдельской районной газеты «Северная звезда», где вместо рассказов о людях одни проценты: 145, 170, 200! Лишь изредка на страницы попадали портреты тех, кто каждодневно спускался в забой, чтобы, не взирая на каторжные условия и скудный пищевой паек, добыть и отправить на гора еще и еще одну тачку с рудой. Участники тех событий, в основном заключенные, мемуаров не оставили. Их судьбу очень точно определяют грустные слова:

*«И сказок о вас не расскажут,
И песен о вас не споют».*

А я, будь на то моя воля, на главной улице Полуночного, как на Уралмаше, на Уралвагонзаводе, на других заводах производителей — подняла бы на пьедестал главный памятник Победы — легендарный танк Т-34! **УС**

Традиционная мужская культура — явление весьма динамичное и, наверное, потому уязвимое. Сам характер мужских промысловых или ремесленных традиций предполагал доступ к природным ресурсам: водоемам, лесам, недрам. Когда же таковой стал ограничиваться, стала исчезать и традиция. Укрупнение деревень изъяло носителей традиции из их естественной среды, создав предпосылки для нововведений.

Рассмотрим сохранившиеся во второй половине двадцатого века в Приисетье рыболовные традиции. Этот пласт народной культуры, бесспорно, во многом утрачен, и, скорее всего, безвозвратно. К тому же этот промысел, как выяснилось, очень мало изучен. Большинство затрагивавших тему исследователей, как правило, интересовалась экономической стороной — самим промыслом рыбы,

ее переработкой или торговлей этим товаром.

Однако рыболовные традиции, пусть и беднея от поколения к поколению, продолжали существовать. Какое же место занимали они в мироустройстве приисетских поселенцев, большей частью, конечно же, земледельцев?

Изучение любой традиции в отрыве от ее носителей не может дать полной картины, поэтому постараюсь опираться лишь на личные впечатления от общения с рыбаками и участие в ловле.

Мир рыбака в моем родном селе Ковриге был истари окружен ореолом загадочности. Рыбаки вызывали уважение, находясь при этом как бы на некотором социальном удалении от не рыбаков.

Семьи, в которых были так называемые «оправдешные рыбаки»,

Алексей Мурзин

Алексей Никитич Мурзин окончил естественно-географический факультет Курганского пединститута. Работал учителем географии, директором Шадринского краеведческого музея. Сейчас — в Центре русской народной культуры «Лад». Член Русского географического общества. Автор книг, очерков и рассказов. В 2006 и 2009 гг. печатался в «Уральском следопыте». Дипломант конкурса «Золотое перо Руси» (2005, 2010). Член Союза писателей России. Живет в Шадринске.

«Оправдешные» рыбаки Приисетья

Фото Александра Дежнева

КУРГАНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

«Я езжу по рыбу, а не порыбачить...» — говорили рыбаки, если их спрашивали о том, почему они не ловят удочкой.

никогда не голодали. В голодную пору короткой весны и начала лета рыбак практически всегда обеспечивал пропитание и своей семье, и родственникам. Рыбу можно было обменять или даже продать. По воспоминаниям старожиллов, рыболовную продукцию не облагали налогами, так как она не поддавалась учету. Может быть, именно от желания скрыть результаты своего промысла приисетские рыбаки еще долго старались уйти на реку незаметно, а потом так же незаметно вернуться.

Большинство рыболовов совмещали рыболовство с обычными сельскохозяйственными работами и поэтому рыбачили по ночам. Наверное, именно от постоянной нехватки времени в Ковриге лов рыбы удочкой считался делом пустым, и занимались им только дети, дряхлые старики или старухи.

«Я езжу по рыбу, а не порыбачить...» — говорили рыбаки, если их спрашивали о том, почему они не ловят удочкой. Именно на этой почве известны конфликты рыбаков, пытавшихся объяснить инспекторам Рыбнадзора, почему они ловят браконьерскими орудиями.

Таких *оправданных* рыбаков было немного, но они очень редко возвра-

щались без улова. Причем перерывов в ловле практически не было. Ловили в любое время года. Повадки рыбы, ее реакцию на изменение погоды или уровня воды в реке изучали с детства, перенимая от старших и наблюдая, так сказать, в натуре. Чтобы обеспечить как можно более регулярный, постоянный улов, необходимо было иметь множество разных снастей и приспособлений. Некоторые из них лежали на *пятрах* (своеобразный второй этаж сараев и крытых дворов) почти весь год и вытаскивались, только когда приходило время, на одну-две недели. Такое разнообразие снастей и позволяло осуществлять круглогодичный непрерывный лов разными способами.

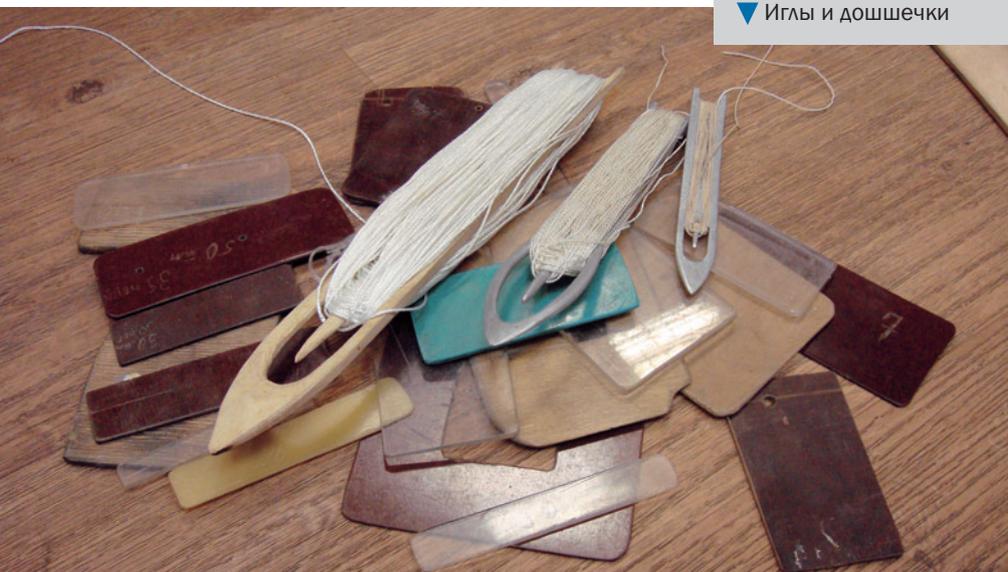
Снасти готовили сами, чаще зимой и, если не успевали, ранней весной, когда выход на лед уже опасен, а открытой воды еще нет. Это был единственный период, когда рыбак

не ходил по рыбу. Иногда вязание сетей, особенно так называемой *дилли*, поручали пожилым женщинам за натуральную плату, все той же рыбой. Насаживал сети рыбак сам, для этой цели в ворота и постройки напротив них вбивались большие гвозди, между которыми натягивались *тетивы* будущей режовой сети — *режовки*, в Центральной России известной как *мережка*. С помощью специальной иглы диль и два наружных ряда более крупной и грубой сети — *режи* привязывались в соответствии с размером ячеи к тетиве, на которую насаживались чаще берестяные поплавки — *гольки*.

Так же насаживались полотна сети и на другую тетиву, но вместо голеков туда заранее нанизывалось определенное количество грузил, сделанных из кирпичной глины и обожженных. Такие грузила покупали, иногда выменивали или пере-

▲ Керамические грузила
▼ Иглы и дощечки

саживали со старой сети, и, конечно, изготавливали сами. Позднее стали применять свинцовые грузила и даже стальные из втулок от сельхозмашин, но такие грузила старались заменить, от ржавчины портились сети. Автору не известен специальный термин для обозначения грузил, скорее всего, они так и назывались.

Для работы по насадке и починке сетных снастей рыбак надевал специальную одежду без пуговиц, выпутать которые из сети довольно не просто, и это затягивает работу, проходящую на холоде и без рукавиц. Поверх телогрейки надевали специальный халат с пуговицами на спине, с левой стороны в районе ключицы, к халату пришивалась пуговица, за нее, подобно известной в женском рукодельном инвентаре швейке, цеплялась при необходимости сеть, освобождая руки починающего ее рыбака. На свитере, который надевал для этой работы отец автора

Никита Федорович, была пришита пуговица от матросского бушлата, что интересно, в другое время свитера он не носил, т. е. для него это была как бы спецодежда.

Зимой плелись из распаренной лозы попутно с корзинами ловушки — морды, в колхозное время лозу почти повсеместно заменяли доступной тогда алюминиевой проволокой. Морда из такого материала имеет два важнейших преимущества: она не всплывает и не гниет. Название ловушки, как полагают, возникло от ее схожести с головой животного. Морда представляет собой конусообразно вытянутое плетеное сооружение, в основание которого вставлен более короткий конус.

Заниматься починкой и изготовлением снастей в другое время не было ни малейшей возможности. В первой половине XX века еще существовала традиция «уроков», когда дети в семьях рыбаков, до того как

получали разрешение на прогулку и игры, обязаны были навязать определенное количество дощечек — так называлось приспособление, необходимое для вязания сети, определявшее размер ячеи будущей снасти. Мерой детского наказания тоже были те самые дощечки, в том числе и в случае некачественной работы. Таким образом, в семьях рыбаков к обычному рукоделию, которое никто не отменял и там, прибавлялось еще и рыболовное.

По поводу снасти говорили: «Худа снасть, отдохнуть не даст...», в данном случае отдых, конечно, не рассматривался как простое отсутствие деятельности. С плохой снастью для обеспечения того же улова требуется много лишней работы.

Зимой и в начале весны строили новые или смолили и заливали водой старые лодки. Заливали, чтобы устранить небольшую возникшую от рассыхания течь, дерево разбухло, и течь прекращалась.

Лодки спускали на воду после вскрытия Исети. Чаще всего лодки так и зимовали у реки, прикованные цепями к ветлам или даже специально вбитым в берег стальным трубам на таком расстоянии, до которого не доходит полая вода. Практически все коврижские семьи имели у реки нижние овощные огороды, в них чаще всего и зимовали лодки. Лодку прислоняли к изгороди-пряслу, под тот борт, что оказывался на земле, подкладывали толстые поленья или короткие бревна, чтобы исключить контакт борта с грунтом.

Настоящие «рыбацкие» лодки были не у всех. Лодки, изготовленные для простой переправы на пастбище или сенокос, для рыболовных целей чаще всего не годились.

Свою лодку даже и во второй половине XX века рыбаки очень неохотно давали кому-либо, мало знакомым или ненадежным людям не давали вовсе. Рыбацкая лодка ценилась очень высоко. Потеря чужой лодки покрывала рыбака позором и ложилась на его плечи тяжким бременем. Он обязан был либо отыскать потерянную лодку, либо, если поиск не дал результата, приготовить материал для строительства новой лодки и, отложив все дела, помочь пострадавшему рыбаку как можно скорее построить новую лодку взамен потерянной. Давали лодки чаще родственникам, которым при случае напоминали, что пора бы построить свою, когда же молодой рыбак приступал к строительству, безвозмездно помогали ему — так передавалась

традиция. За рыбацкой лодкой следили, она тоже была как бы частью необходимого хозяйственного инвентаря.

Так Никита Федорович часто рассказывал случившуюся с ним в молодости историю, когда у него еще не было своей лодки, и он часто брал лодку родственника-инвалида Агафона Никитича. Утром, вернувшись с реки, он едва успел перед работой перетаскать домой улов, и в восемь часов был уже на работе. В обед пришел Агафон и заявил, что его лодки на берегу нет. Никита Федорович стал уверять, что лодку приковал на обычное место. Но дед продолжал настаивать, что лодки нет. Пошли посмотреть. Лодка была там, где отец ее и оставил. «Эта не моя, у меня была чистая», — заявил Агафон. Пришлось мыть. Так учили молодежь следить за лодкой и снастями. Если учесть, что одна нога Агафона Никитича была самодельным деревянным протезом, можно представить, какого труда ему стоила такая «учеба».

Рыбацкие лодки были уникальны. Материал для строительства заготавливался не один год. Подбирали широкую без сучков сосновую доску для днища, так же без сучков тонкие доски опалубки, завершающей борта. В окрестностях Ковриги не было сосновых боров, поэтому такой материал был особенно ценен. Дуги (шпангоуты) и носы (штевни) делали из специально подобранных кривых березовых комлей, найти подходящие было совсем непросто, чаще всего использовали березы со склонов оврага, изогнутые сползающими снегами. Такие дуги, в отличие от выпиленных из доски, можно было отшлифовать, так как в рыбацкой лодке не должно быть *задев* — торчащих гвоздей и заусениц на деревянных деталях. Сеть из такой лодки легко выскальзывала во время установки, что не только экономило время и силы рыбака, но, при ловле на *стрежи* (в реке на быстром течении), было жизненно необходимо. Затем лодку смолили, а позднее и окрашивали, не жалея краски, чтобы с ее помощью сгладить некоторые небольшие огрехи. Опалубку бортов так же вручную шлифовали шкуркой.

Массово выходили на Исеть до пахоты. Иногда в теплую погоду этот выход превращался в своего рода праздник с общей ухой и выпивкой, позднее он стал приурочиваться к первому или девятому мая.

Рыбу начинали ловить на самодельные сети-резовки. Безлодочные и, как правило, молодые рыбаки выходили

по вечерам с *саком* — специальной весенней снастью, способ лова которой напоминает ловлю сачком, отсюда и название. Ловят обычно нерестящуюся плотву, попадают окуни, реже щука. Ловля таким способом очень трудоемка, по *саковицу* — жерди, на которой закреплялась сетка, во время ее подъема над водой стекает вода, и даже очень осторожный рыбак постепенно оказывается мокрым. Ловить

можно лишь в определенных условиях, и тот, кто их не угадал, мог совершенно впустую проходить до ночи.

В протоки, соединяющие в это время пойменные водоемы, ставились уже упомянутые морды, а в более крупные, пересыхающие летом, русла устанавливали *витили*. Специального описания этих снастей приводить не будем, их уже прекрасно описал Л. П. Сабанеев.

Рыбацкие лодки были уникальны. Материал для строительства заготавливался не один год. Подбирали широкую без сучков сосновую доску для днища, так же без сучков тонкие доски опалубки, завершающей борта.

Ботка — ловля в мелкие резовки с помощью специального устройства ботала (металлического «стакана» конусообразной формы с зафальцованным краем на длинном черене — ботовище) стайной нерестящейся или кормящейся рыбы была широко распространена. Рыбак загоразивал сетью залив разлившейся реки и затем выгонял из него рыбу, создавая шум боталом, в перегородившую выход сеть. Если рыбак правильно угадывал момент лова, он за несколько *тонеи* (весь набор операций по выставлению, ботанию, выбору рыбы и сбору сети) наполнял лодку некрупной рыбой — «щепками», как называли такой улов (плотва, елец, подлещики).

Резовки оставались так же в протоках до окончания водополицы. Рыбу из них вынимали дважды — утром перед рассветом и вечером на закате. «Кто рано встает — того и рыба любит», — часто повторяли рыбаки, недосыпая.

После посевной и посадки огородных культур наступал летний сезон лова. В это время продуктивным способом являлось *обатывание* берегов — резовка со средним размером ячеи ставится под углом к берегу. Все операции по ее установке требуют максимальной осторожности, иначе напуганная рыба уйдет или затаится. Выставив сеть, а иногда и две, вначале более крупную, а через несколько метров мелкую, рыбак спускался чуть ниже по течению и, пугая рыбу боталом, начинал подгребать против течения к сети. Две сети позволяли ловить более эффективно. Резовка с крупной дилью пропускала мелкую рыбу дальше, задерживая ту, которая не могла бы попасть в выставленную далее сеть с мелкой ячеей, но более мелкая рыба оставалась именно во второй сети. Так, раз за разом, рыбак мог ботать до утра, уплывая за многие километры вверх по течению реки. «Рыбака тонеи кормит», — такую поговорку повторял рыбак, возвращаясь под утро к заждавшимся домочадцам.

◀ Наконечник ботала — стакан

Щепки ▼

Вылет поденки — мятлика — был сигналом к ловле леща еще одним оригинальным способом и все той же режовкой, только теперь уже с крупной ячеей.

Участников такой ловли должно быть не менее трех. С помощью лодки сеть протягивается от берега к берегу, при этом перевозится на противоположный берег и один из участников ловли. За привязанные к концам сети кольца с грузилом на конце крепятся длинные веревки. Течение подхватывает сеть и несет ее, а рыбаки, регулируя натяжение сети с помощью привязанных к кольям веревок, идут по берегам следом. Сеть плывет сама, поэтому такой способ лова называли *плавить*. Иногда, чтобы сеть не всплывала от сильного течения на поверхность, к нижней тегиве прицепляли дополнительные грузы в виде колец, выполненных из толстой стальной проволоки или даже прутка.

Скорость такого движения вполне сравнима с быстрым шагом. На некоторых участках даже приходилось бежать бегом, на других почти останавливаться, чтобы перебраться через топь. В таких случаях веревку слегка отпускали, иначе можно было просто упасть. Идущие по берегу следили, чтобы сеть не нанесло на отмели или чтобы она не отходила слишком далеко от берега, старались пускать ее перпендикулярно берегам, поперек реки. Удерживать сеть или направить ее против течения было практически невозможно, удавалось лишь невероятными усилиями немного замедлить движение сети, в случае, если ее наносило на *задеву* — затопленный куст, сваю и т. п.

Рыбак, оставшийся в лодке, держась за верхнюю тегиву, старался определить, куда попала рыба, и как можно скорее выпутать ее, пока она не намотала на себя кошель (вытянутую сквозь ячейку режы часть дили, в которой запутывается попавшая рыба). Если сеть наносило на *задеву*, именно он руководил снятием сети. Иногда снять сеть не удавалось, ее концы отрезали, потом их просушивали, а зимой навязывали до требуемой длины, но на текущий сезон сеть была уже потеряна.

Задевы вытаскивали из реки общими усилиями — это была общая беда — раньше лошадьми, а во второй половине XX века и трактором. Кто-либо из молодых рыбаков цеплял длинную крепкую веревку за предмет, лежащий в иле под водой и цепляющий сети, затем этот предмет вытягивали на берег.

Проход в три-четыре километра с такой сетью был очень быстрым и мог принести от десяти до сотни крупных лещей, одного-трех язей, несколько щук. Занимал он около пяти часов. За это время рыбаки успевали подняться вверх по течению, разобрать и уложить сеть, растянуть ее — это были самые трудоемкие операции, сам же лов, если он проходил без задев, воспринимался как награда за труд.

Принесенную рыбу нужно было почистить и выпотрошить сразу, в теплую ночь до утра она могла уже испортиться, затем ее заливали холодной водой в тазу или пересыпали солью.

С началом сенокоса самоловные сети снимали. «Прошел июнь — на рыбалку плюнь». Однако всегда оставалась часть рыбаков, чаще это были еще крепкие старики, не прекращавшие лов и в сенокосное время, и опять по ночам.

В жару, если выдавалось свободное время, молодежь, как бы развлекаясь, ловила под берегами налимов и раков. Ловили также и *неводом* — бреднем. Эти способы большинством рыбаков воспринимались как несерьезная забава. При этом собственные невода (бредни) были у очень многих. Насадить правильно невод получалось далеко не у всех, наверное, преемственность этой традиции во второй половине XX века была уже прервана. Популярностью пользовались лишь некоторые уловные невода. Старые рыбаки охотно давали их молодым, так как сами они, как правило, в воде не бродили.

В августе, когда ночи еще теплые, но уже довольно продолжительные, вновь начинали обатывать берега, а в старицы выставлять на самолов

режовки. В старицах в это время попадала рыба, большая часть которой могла погибнуть от зимних заморозов: карась, линь, лещ, язь, щука, плотва. Лодку нужно было перетаскивать из одного водоема в другой, что требовало немалой физической силы и отнимало драгоценное время убывающего дня.

В первой половине XX века и, видимо, раньше рыбаки оставляли лодки во многих продуктивных водоемах, как говорили, «жить». Утрату традиции породило воровство, начавшееся с приезжих чужаков, когда стало нарушаться правило «где взял, туда и положи». Лодки портили, сжигали, увозили на другие водоемы и бросали там. Борьба с подобными проявлениями варяжской удали для рыбака-крестьянина, ловящего ночами, а днем занятого на полевых или иных колхозных работах, даже и в летние календарные выходные, не было никакой возможности. Постепенно лодок в пойменных старицах не осталось, а отношение к чужакам на реке становилось все более враждебным. «Из-за них и ночевать приходится», — оправдывались многие рыбаки. И действительно: оставленные на ночь самоловные сети в случае, если где-то замечены приезжие, чаще всего городские рыболовы, нужно было караулить и в отношении улова, и как саму снасть.

Даже на время уборки полевых и огородных культур ловля рыбы не прекращалась полностью. «Вся ночь моя», — говорил рыбак, уходя в сумерках на реку. Лукавые хозяйки, уговаривая его не ходить, повторяли: «Рыба не хлеб, сыт не будешь». Помня, конечно, что именно рыба помог-

Дополнительные грузы ▼

▲ Крюк-кошка

ла пережить весну и скрашивала рацион летом, что она нужна будет и для праздничного пирога, и для свадебной ухи, и к поминальному столу, да и так порадовать домочадцев переменной. Возвращались рыбаки глухой ночью или под утро, и, конечно, с рыбой, обязательно оправдываясь: «Всю не выловишь».

Осенью, как и весной, во время обычного осеннего паводка, когда после дождей и при медленном испарении в реках поднимался уровень воды, выходили лучить рыбу. В такой ловле необходима была острога. Свою острогу берегли, как и всякую иную снасть. Ее редко изготавливали самостоятельно, чаще заказывали кузнецу. В середине XX века для лучения стали применять электрические светильники, например, фару от какой-либо машины, в качестве источника тока использовали установленный в лодку аккумулятор.

К зиме окончательно убирала летние самолосы.

По первому льду, достав специально подготовленную грубоватую, но очень функциональную, вырубленную из березового стволика с корневым наростом, дубину, шли глушить рыбу. Так добывали, прежде всего, щуку — самую не стойкую против такого орудия рыбу, попадались, конечно, и другие речные обитатели. Глушением занимались, в основном, более молодые рыболовы, но всегда под руководством старших. Идти на тонкий лед в одиночку считалось верхом безрассудства, обязательно кто-то должен был подстраховывать.

В декабре на льду стариц уже долбили отдушины, помогая рыбе избежать заморозов. На реках, когда окончательно затягивались полыньи, даже на стрежи норили режовки уже как зимние самолосы. Норить — от слова «нора». У берегов выдалбливались две большие проруби. Лед долбили пешней — специально выкованной стальной пикой, подобием лома, но с тяжелым и острым наконечником (чаще всего ее и делали из лома), на другом конце приваривали большую гайку, в нее продевали веревку, чтобы, в случае если пешня сорвалась в прорубь, ее можно было вытащить. Для вычерпывания кусков льда применяли большую совковую лопату с просверленными в ней отверстиями для слива воды, в черенке тоже было

отверстие, куда продевалась веревка. Иногда вместо лопаты применялся большой сачок из стальной сетки, наваренной на обруч из стального же прутка.

Между этими двумя прорубями по прямой через 1–1,5 метра долбили лунки. С помощью длинного шеста-жерди и ивового крюка через лунки пропускали от проруби к проруби длинную веревку. Затем к этой веревке привязывали сеть и протягивали ее подо льдом от берега к берегу. Концы сети привязывали к толстым колям, втыкая которые в донный ил, фиксировали сеть поперек реки. Веревки от верхушек кольев привязывались к кустам на берегу.

Раз в сутки или двои проруби отдалбливали и вытягивали сеть наружу. Выбрав рыбу, сеть затягивали обратно под лед. Для этого за оба кола привязывали по длинной веревке, большей по длине, чем ширина реки (не менее 50 метров каждая).

Веревки нужны были для многих рыболовных операций, их вили сами, часто в складчину, несколько рыбаков. Станок для витья веревок был общим, один на всю деревню, в XXI веке таких станков уже практически не осталось, кто-то, конечно же, не рыбаки, все их сдал в металлолом. А в середине XX века свивали сначала тонкие веревки из капроновых волокон, применяемых для упаковывания. Такие же волокна используются и сейчас для связывания санных тюков. Затем из тонких веревок вили более толстые. Вили, как правило, осенью, после полевых работ и пока не очень холодно. Чтобы капроновые веревки не скручивались, их нужно было растянуть, для этого призывали мальчишек. Веревки привязывали к велосипедам и так катались по степи. Раньше это делали на лошадах.

Зимой мороженой рыбы, не требующей специальных мер по сохранности, заготавливали очень много. Крупную, по словам старожиллов, складывали как поленицы, мелкую пересыпали снегом и хранили в специальных ларях. Рыбу использовали сами, продавали и обменивали. Если до весны зимнюю рыбу не успевали потратить, ее использовали на откорм свиньям и домашней птице.

До революции в Шадринске существовали и рыбные лавки, и магазины, куда везли и мороженую, и даже живую рыбу. В тридцатые годы рыбу принимал рыб-

ный завод, где ее вялили и коптили. Во второй половине XX века официальной торговли местной рыбой в Шадринске не существовало, но ее можно было сдать в сеть магазинов «Коопторга». Сейчас рыбу продают на рынке с лотков.

Именно вторая половина XX века стала переломной в передаче преемственности рыболовных традиций. Много молодежи покидало родные села, унося с собой и прививавшиеся им традиции. Появление личного мото- и автотранспорта, увеличив мобильность рыбаков, уничтожило понятия «наша река» и «наше озеро», к которым у старых рыбаков всегда отношение было трепетное, ревностное и даже мистическое. В «свою» реку не бросали палки, их при случае вылавливали, убирали с берегов, ведь это все — потенциальные задевцы. В нее так же не бросали бутылки, консервные банки и прочий мусор, ведь с бреднем бродили, как правило, босиком. Немыслимо было даже представить, чтобы рыбак вывез на берег реки навоз или другой дворовый «мусор». Возможно, отголоском языческого поклонения водной стихии существовал негласный запрет мочиться в воду рыбного водоема.

Даже во второй половине XX века многие оправдешные рыбаки не терпели шумных компаний с распитием спиртного во время ловли. Это допускатось лишь у костра, под традиционную рыбацкую уху, с дымком. Старые рыбаки также утверждали, что обычай таких посиделок зародился именно в результате вынужденного ночного бдения, когда на реке стали

появляться заезжие рыбаковы, после которых пропадают и лодки, и сеги.

А как же экологическое воздействие на рыбные популяции и биоценозы водоемов? Становится ли следование традиции причиной сокращения биологического разнообразия в зауральских реках и, прежде всего, в самой Исети? Вопрос, конечно, не простой и требующий опять же специального исследования. Если сослаться на мнение Л.П. Сабанеева, то получается, что столь эффективный лов вовсе не мешает воспроизводству рыбьего поголовья, а даже стимулирует его, высвобождая жизненное пространство для новых поколений, а лов во время нереста часто просто спасает икру и молодь от уничтожения выметавшей ее рыбой. Утверждение, конечно, не бесспорное, но и не безосновательное...

По мнению рыбаков, строгие меры по ограничению использования традиционных орудий лова не имели никакого практического значения, главной их целью было именно отлучение крестьян от реки, уничтожение рыболовства как вида хозяйственной деятельности, помогавшего сельскому населению продолжать чувствовать себя хозяевами собственной жизни, отвлекавшего его от производительного труда на благо Родины.

А рыба при этом неоднократно гибла в немислимых массовых количествах в результате вовсе не ее вылова, а вследствие неких, всегда загадочных, выбросов и утечек на предприятиях Каменска-

Уральского или Екатеринбургa. Такие массовые заморы молодежи и крупной рыбы происходили достаточно регулярно. Иногда, в конце восьмидесятих годов, почти ежегодно, и даже не по одному разу за лето, речные берега становились местом шумного пиршества речных птиц собиравших на дармовшинку умирающую рыбу, на берег ползли и раки.

Поэтому говорить о традиционных способах лова и, как следствие, традиционном отношении к реке как о причинах обеднения рыбных ресурсов, наверное, не следует. Лов подобными способами продолжался на Исети, по меньшей мере, со времени освоения ее монахами Далматовского Святоуспенского монастыря, основанного старцем Далматом в 1644 г. При этом численность популяций ценных пород оставалась достаточной даже и к середине XX века, когда и количество рыбаков, как утверждали старожилы, значительно уменьшилось, по сравнению, например, с началом того же века.

Надо полагать, что рыболовная традиция в Приисетье не исчезнет совсем, ее элементы и до сих пор существуют в тех селах, где остались потомки оправдешных рыбаков. Стремление занять свободную экономическую нишу вновь толкает лишившихся других средств существования бывших колхозников к освоению и использованию естественного и практически всегда востребованного ресурса реки.

Что привнесет и что уничтожит в этой мужской традиции XXI век, покажет время. **✎**

ГЕННИН и начало Екатеринбурга

Владислав Карелин

Иллюстрации предоставлены автором

Владислав Карелин

Заслуженный путешественник России, мастер спорта по туризму, действительный член Русского географического общества, уральский краевед, автор более 500 статей, в том числе в журнале «Уральский следопыт», начиная с 70-х гг. прошлого века.

По информации В. Татищева о подготовительных работах на реке Исети в 1721 г., Виллим де Геннин, прибыв на Урал и проверив ситуацию на месте, принял решение «строить вновь железные заводы для фабрик за 6 и для домен за 9 верст» от Уктуса. С самого начала и до конца 1723 г. он был мозговым генератором строительства и его приказным координатором.

Во время первого пребывания Татищева на посту руководителя уральских горных дел в 1720–1722 гг. в качестве административно-управленческого центра выступала структура, именуемая горное начальство, канцелярия горных дел, высшее

горное начальство. Геннин в принципе сохранил такое название. Но стал его использовать в виде слов немецкого языка: бергамт (горное ведомство), обербергамт (высшее горное ведомство). Н.С. Корепанов в своей книге «Геннин на Урале» на с. 55 пишет, что приставка обер появилась у бергамта только с 1 августа 1723 г. после переезда Геннина из Уктуса в Екатеринбург. Однако уже в письме к А.В. Макарову от 17 декабря 1722 г., опубликованном в «Уральской переписке с Петром I и Екатериной I», на с. 52 сам Геннин называет свое ведомство «обербергамтом».

Действующим исполнительным лицом в обербергамте, оформляв-

шем указания Геннина, был И. Ф. Патрушев. На более низшем руководящем уровне административные приказы на выполнение конкретных работ и контроль за их исполнением осуществляла уктусская заводская канцелярия, руководил которой Т. М. Бурцев. **Таким образом, в конце 1722 г. и начале 1723-го реальная структура управления подготовительными и строительными работами на площадке будущего Екатеринбурга была трехуровневой:**

- личное руководство Геннина,
- канцелярия обербергамта (горного начальства),
- уктусская заводская канцелярия.

Следует отметить, что во время поездок Геннина на другие уральские заводы при нем функционировала группа подьячих, оформлявших распоряжения Геннина, которая стала именоваться его походной канцелярией.

Судя по архивному документу, первым администратором на реальной строительной площадке будущего Екатеринбурга стал плотинный мастер Иван Мелентьев, который 3 января 1723 г. получил приказ от комиссара Бурцева: «Быть тебе на Исети реке, где будут строены новые заводы и при них фабрики и машины и давать меры, чтоб лес длиною и в отрубе у подрядчиков против их подряду, а у крестьян по реестру». Почти весь январь Мелентьев вел приемку «лесных припасов», привозимых крестьянами на две строительные площадки, одна из которых (нижняя) располагалась на месте современной городской плотины, а другая (верхняя) — на южном берегу реки Исети в районе нынешнего Верхисетского пруда. Количество привозимых бревен со временем возрастало. Поэтому с конца января Мелентьев вел приемку только на нижней плотине. А на верхней попеременно вели учет драгуны горной роты Архип Богатырев, Тихон Чернавской и Яков Вороников. Учетчики регулярно посылали доношения о выполненных работах в уктусскую заводскую канцелярию до середины марта. Доношения эти сохранились в архивных «делах».

В последние дни января 1723 г. указы Геннина о назначении руководителями строек получили: на верхней плотине — К. Гордеев, а на нижней — Н. Клеопин. В соответствующих ордерах было записано: «Ведать ... строение завоцкое ... того ради надлежит ... непрерывно туда

ездить и прилежно смотреть». Каздому предписывалось руководить выполнением конкретных работ (бить сваи под фундаменты, заготовить инструменты и пр.). Повелевалось также «на каждую неделю подавать рапорты». Двойное раздельное управление стройкой на двух плотинах длилось вплоть до образования Исетской заводской канцелярии в середине марта месяца.

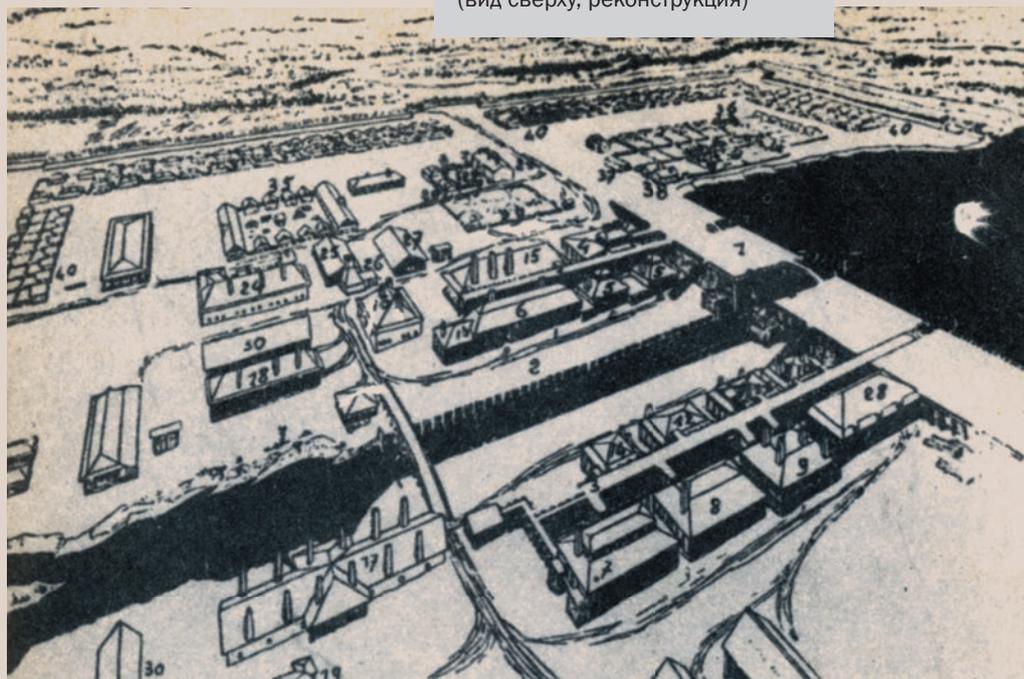
В своей книге «Первый век Екатеринбурга» на с. 13 Корепанов сообщает якобы о двух событиях: 25 марта на Уктус прибыл де второй батальон Тобольского полка, скоторым приехал и Ф. Б. Еварлаков, московский опальный дворянин, посланный в Сибирь и назначенный Генниным на следующий день управителем Исетской заводской канцелярией. Однако обе эти даты ошибочны, что подтверждается многочисленными архивными сведениями. 9 марта 1723 г. Еварлаков подал доношение, «чтоб работным скудным прислать хлеба». В тот же день он передал в обербергамт письмо, «чтоб подьячему Костромину отправлять за старого подьячего всякие дела». 11 марта из обербергамта «послан ордер Еварлакову о приеме хлебных припасов на дачу работникам». На следующий день «дан указ дворянину Еварлакову, чтоб ему быть во управлении строящихся Исецких заводов, а дан 12 марта». Наконец, добавлю, что Татищев 14 марта 1723 г. в Уктусе в письме на имя сибирского губернатора А. М. Черкасского, опубликованном в сборнике «Татищев В. Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг.», однозначно записал: «...Ныне 10-го

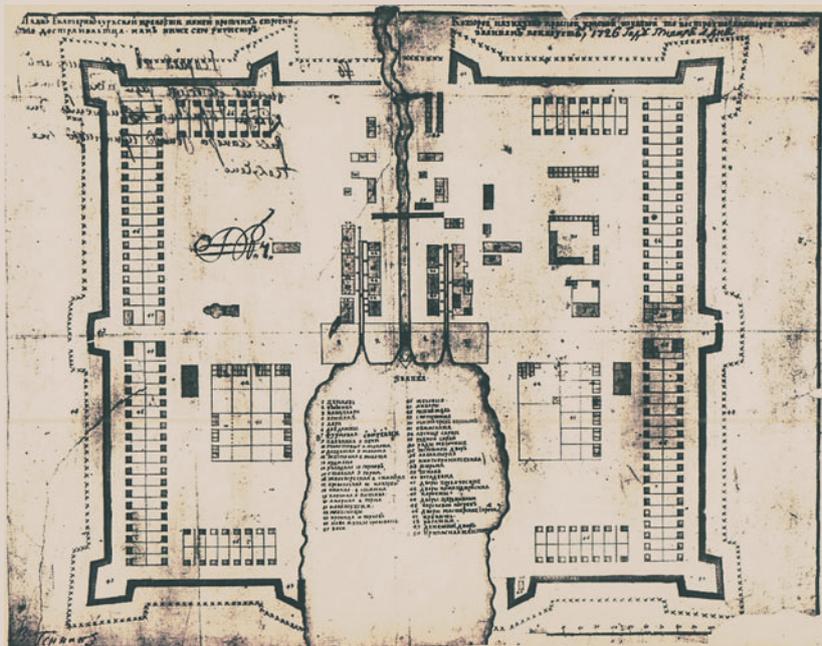
числа прибыл суда Федор Еварлаков и сказывает...».

Приведу дополнительно архивные факты, связанные с Брингаузом (Брингаузен), майором, командиром Тобольского полка, прибывшим в Уктус со вторым батальоном. 9 марта «подано [подано лично, а не прислано. — В. К.] доношение от мазора Брингауза, чтоб прислать с Демидова завода солдат, которые ему даны по словесному князя Гагарина». 10 марта «подано доношение Брингауза, что у него в полку офицеров и солдат». 11 марта из обербергамта «послан указ Брингаузу о собрании 200 человек солдат и о розоставке по караулам». Приведенные факты однозначно указывают на то, что второй батальон тобольских солдат вместе с Еварлаковым прибыл на стройку 9 марта 1723 г., а последний реально на должность комиссара екатеринбургских заводов заступил по указу от 12 марта 1723 г.

В соответствующем указе речь идет об Исетских заводах. И уже не упоминаются две плотины (нижняя и верхняя). Следовательно, в эти дни Геннин уже понял, что одновременно построить два завода затруднительно. И принял решение сосредоточить все производство на нижней плотине. Из сказанного вытекает и дата образования Исетской заводской канцелярии. 12 марта 1723 г. официально был объявлен управитель и начала функциониро-

▼ Екатеринбургский горный завод с крепостью, 1730 г. (вид сверху, реконструкция)

▲ План строящегося
Екатеринбурга. 1723 г.

вать новая административная единица — Исетская заводская канцелярия. Ради справедливости укажу, что Корепанов ссылался на реальный указ Геннина от 26 марта 1723 г., в котором Еварлакову подтверждается назначение комиссаром Исетских заводов. Но, игнорируя более ранние архивные материалы, Корепанов ошибочно называет 26 марта как дату вступления Еварлакова на должность управляющего Исетской заводской канцелярии. 26 марта Геннин еще раз подтверждает назначение Еварлакова управляющим Исетских заводов, расписывая подробно его обязанности. Такой повторный указ не удивителен, если учесть сообщение Геннина в письме к Макарову о лености Еварлакова.

По данным Корепанова, изложенным в его книге «Первый век Екатеринбурга» на с. 12 и 13, следует различать начало строительства крепости — 12 марта (якобы солдаты «заложили город», начали строить срубную на сваях крепость), и «начало заводского строительства» — 26 марта. В действительности обе эти даты не имеют отношения к строительству ни крепости, ни завода. Как показано в моей работе «Начало работ при основании Екатеринбурга», многочисленные архивные документы однозначно свидетельствуют о том, что уже в январе — феврале 1723 г. проводились строительные работы. Расчищали места под хоромы, били сваи, перевозили дома из Уктуса. Проводились земляные работы с использованием «дрово-

сечных топоров ... для рубки земли». Такие работы были массовыми. В них участвовали сотни крестьян из слобод и деревень, приписанных к заводу.

Рискну высказать одно предположение. Обе рассматриваемые даты — 12 и 26 марта — удивительным образом совпадают с двумя указами Геннина о назначении Еварлакова управителем (комиссаром) строящихся Исетских заводов. При этом дата назначения его на указанную должность воспринимается как дата начала функционирования Исетской заводской канцелярии, в свою очередь якобы трансформирующейся в начало строительства Екатеринбуржских заводов. Тот, кто оперировал первым указом от 12 марта, автоматически считал эту дату началом строительства. Тот, кто использовал второй указ от 26 марта, естественно принимал именно эту дату за начало стройки. Впрочем, обе эти даты не являются принципиальными и определяющими, так как начало строительства Исетских заводов относится к более раннему периоду — январю 1723 г.

Итак, начиная с середины марта административная структура управления оставалась трехуровневой. Однако вместо Уктусской на нижнем уровне функционировала уже Исетская заводская канцелярия.

С 8 мая 1723 г. Геннин обосновался на постоянное проживание на строительной площадке, о чем «говорит» одно из архивных дел, имеющее следующее название — «Книга записная указам, письмам и доношениям и приходящим и отходящим письмам на Исецких заво-

дах, мая со 8 числа 1723 г.». В мае на стройке работали сотни человек. Работали с переменою. Такие людские потоки контролировала земская канцелярия, которая находилась в Уктусе. И это создавало некоторое неудобство в переписке людей. Геннин своим указом от 12 мая приказал «Камисару Неелову, чтоб он приехал на Исецкие заводы со всеми земскими делами и подьячими». Проявилась нехватка денег на стройке. Геннин 20 мая повелел «казначею Якову Степанову, чтоб ему ехать из Уктуса в Исецкие заводы и со всею денежною казною на ямских подводах с провожатыми с гранадерами и с подьячими с делами». Обозначилась недостаточность продуктов и товаров первой необходимости. Геннин 10 июня «послал указ в Уктус к голове Семену Вахутину, чтоб ему ехать суда на Исецкие заводы со всеми делами и учинить главнейший таможенный сбор и чтоб которые будут проезжие с товарами татары и башкирцы и прочие высылать суда на новые Исецкие заводы, а уктусские жители, которые торгуют товарами или съестными припасами, выслать всех немедленно на Исецкие заводы».

Таким образом, к середине июня 1723 г. все управленческие структуры, от которых зависело принятие конкретных оперативных решений, размещались уже на строительной площадке. Лишь одна высшая местная власть — обербергамт — по-прежнему находилась в Уктусе. И только 31 июля последовал указ Геннина Патрушеву: «...перевезь тебе бергамт со всеми делами и подьячими сюда в Катериненбургские заводы конечно августа к 1 числу».

В итоге к концу лета 1723 г. в Екатеринбурге находился комплекс властных структур:

- *государственно-политическая* — Геннин;
- *административная* — обербергамт;
- *экономическая*: земская, казначейская и таможенная канцелярии;
- *военная, во главе которой стоял Брингаузен, командир Тобольского полка.*

И все ветви власти находились в едином личном подчинении Геннину.

В завершение рассмотрю еще один административный вопрос. В мае 1723 г. Еварлаков покончил жизнь самоубийством. В своих кни-

гах о начальном Екатеринбурге Корепанов указывает, что «в начале июня» на место погибшего Еварлакова был назначен Федор Неклюдов, сын плотинного мастера. При этом автор не делает какой-либо ссылки по этому поводу на конкретный архивный документ. Пока не удастся найти в архивах оригинал указа Геннина о назначении Неклюдова комиссаром Екатеринбургских заводов. Причина этого, судя по всему, банальна: большой пакет архивных документов горной канцелярии за вторую половину 1723 г. не сохранился до нашего времени. Чупин был знаком с этими ныне исчезнувшими архивными материалами. Анализ записей чупинских архивных записных книжек позволил уточнить объем ныне отсутствующих архивных документов. В одной из своих записных книжек Чупин сделал опись просмотренных им архивных дел с указанием номера дела, года и количества листов в деле, а также некоторых выписок из таких дел. Сравнение первых четырех десятков современных дел по описи 1 фонда 24 с чупинской описью показало, что в последних номера дел идут в четкой последовательности, а в современной описи появились литерные цифры (например, 21 а, 21 б и др.). Поэто-

му номера дел в чупинской и современной описях не совпадают. Однако во всех случаях, за исключением одного, в соответствующих делах совпадают количества листов. И только в одном деле (современный 23 и чупинский 33) количество листов различно: в чупинском деле «без переплета» — 1801 лл, а в современном — всего 912 лл. Сравнение сохранившихся документов в современном деле 23 с записями в чупинской описи показало, что современное дело 23 соответствует чупинскому делу 33. Таким образом, до нашего времени не сохранилось около 900 листов. Вероятно, среди них находился и оригинал указа Геннина о назначении Неклюдова комиссаром Екатеринбургских заводов. Однако информация о назначении Неклюдова комиссаром сохранилась в чупинской записной книжке. Такой указ был подписан Генниным 11 октября 1723 г. Именно такая дата подтверждается в описи документов архивных дел, составленной позднее. Таким образом, Корепанов ошибочно указывает дату назначения Неклюдова комиссаром («в начале июня»).

В записной книжке Чупина нашлась еще одна любопытная запись по этому поводу: «Подъячму Костромину, понеже вчерашнего чис-

ла прежнего комиссара Еварлакова не стало, зарезался сам, а на место его определить в скорости некого, того ради до определения иного на место ево, управлять дела прилежно, порядочно, с великим радением и прилежностью, как указы повелевают, тебе в самой скорости, без остановки». Такой указ Геннин подписал 21 мая 1723 г. А «иной» комиссар, т. е. Федор Неклюдов, был определен только 11 октября 1723 г.

Тогда логичным выглядит и дата наказа комиссару Неклюдову — от 15 октября 1723 г. Наконец, укажу, что Федор Неклюдов был комиссаром Екатеринбургских заводов до 15 июля 1726 г., когда его сменил Иван Аврамов.

В свете вышеизложенного оказывается, что в период с конца мая по середину октября 1723 г. в администрации Екатеринбурга не было лица, исполняющего должность комиссара Екатеринбургских заводов. Все организационные и технические вопросы решал единолично Геннин, который был в то время единственным полноправным организатором и руководителем начального строительства Екатеринбурга. И только тогда, когда он принял решение надолго перебраться на Пыскорский завод, он назначил Федора Неклюдова комиссаром Екатеринбургских заводов. **УС**

фото Е. Тамплонна

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Белая Каменка (Легенда)

Иллюстрации предоставлены автором

Историю эту мне рассказали по свежим ее следам — в конце восьмидесятых.

Жил в поселке Кузино один мужичок. Близ того пруда, который речка Каменка принесла-наполнила. Третий, кажется, дом по улице. Афанасием звали, а между собой еще Афоней. Вроде и работающий, и не без царя в голове, а хозяйствовал так себе, никому не в зависть. Ну вот, мол, и Афоня.

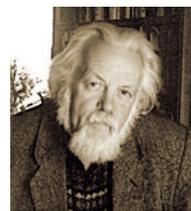
Странность одна в нем была: с некоторых пор повадился ходить на Лысую гору.

Лысой ее обзвали, наверно, шутники какие. Как, бывает, про человека с очень буйной шевелюрой скажут: «А, вон и Лысый наш нарисовался». Потому как эта гора, что на Кирги-

шанском увале, более других заметна, с самых запяток до оголовка испокон покрыта была дремучим лесом.

В аховы годы много взяли с нее доброго леса. По ее подолу, вдоль увала, прорубили тогда лесовозную дорогу-просеку и «усы» от нее вправо и влево: влево — это на Лысую.

А как в аховы годы лес брали, Афанасий бы много порассказал, да помалкивает. О войне вон, кто ее на себе-то вынес, тоже ведь говорить не любят. А он в молодые годы на том лесоповале вдоволь пошустрил топориком. Глядеть вокруг себя совсем не умел — в молодые-то годы. Ой, не уме-ел! Что ни стоит перед ним, то и валить надо. Теперь вот видит — ель. Строгая, подтянутая, прибранная — ни дать, ни взять офицерская

Юний Горбунов

Редактор отдела истории и краеведения в журнале «Уральский следопыт». После окончания УрГУ работал в редакциях уральских газет, журнале «Урал». Был инициатором создания и первым руководителем всероссийской общественной организации «Содружество павленковских библиотек». Автор книги об издателе-просветителе Ф.Ф.Павленкове и многих научно-популярных статей о нем, серии очерков о женщинах великокняжеской Руси, нескольких книжек публицистики, составитель словаря «Писательницы России». Очерки и рассказы печатались в «Уральском следопыте», «Урале» и другой уральской периодике.

вдова. Или сосна — вся-то она теплая, сливочным боком манящая и греющая. А березка в белом своем подвечном! Никто до поры близко к ней не подойди. Или вот пихта — дерево поминальное. После любого дождя-грозы из-под нее сухой выйдешь и будто веником паренный. А листовница — глянть! Это ли не сказка поздней осени? Светло в лесу от нее по эту пору, как в вечеряющей горнице при свече.

Так-то вот по лесу с топором идешь и не слышишь, как лесные жители при твоём приближении друг к дружке жмутся, а тебя сторонятся. А как остановишься да обмеришь глазом какое приглянувшееся дерево, да не дай бог, стукнешь по нему обушком — какой стон разом обнесет округу, какая мольба!

А весь этот разноплеменный лесной народ в ахову пору звался древесиной и мерился кубометрами. Лежали эти «кубометры», спиленные, нагишом в одном косяке, и кто какого рода-племени, кому до того было дело. Пока одну «древесину» спелят, топором освежают, трактором стрелюют да раскряжуют по нужным сортиентам, а потом выволокут к лесозовозной дороге — сколько молодых да ранних помнут-покоржат! По-

сле такого повала только непроходь и остается. Ведьмины, словом сказать, владения. Пни, сухары, завалы да проплешины.

Может, в то ахово наше время гору Лысой-то и прозвали...

Вот в эти-то лесные «сети» на Лысой и попал наш Афона. Им же самим и расставленные. И не то сказать — попал, а сам в них шел, как на заклание, как приговоренный.

Через дебри горы Лысой ищет себе дорогу вниз невидная речка Каменка. Речки с таким названием в наших краях, если будешь считать, заблудишься, а наша вот зовется Белой Каменкой. Собирается она близ самой вершины горы из совсем незаметных глазу родничков, сочащихся из камней. Вот вроде нет ничего — ан вдруг лужица, а в нее чего только не смотрится: и неба с облаками целая бездна, и покосившихся елок верхушки, и смородины июльской спелая гроздь, и тонкой работы лист древнего папоротника, а рябиновая ветка — так та чуть этого зеркала лицом-то не касается... И все, веришь ли? — в эту малую лужицу глядится-любуется. И из нее, из пригоршни этой, убегает чуть заметная струйка. В самой же пригоршне — никакого движения. А то так и лужи-

цы нет — просто камешки влажные и ниточка воды от них.

Сколько таких лужиц-ниточек близ вершины Лысой — кто считал? Может, кто и считал, так счет потерял и помер.

Все эти струйки сбегаются на горе в один ручей — и, глянь, уже целая речка торопится вниз по камням. Это тебе, брат, уже не ниточка и не пригоршня, а целый большой ручей — ему уже имя подавай, а так-то и не посмотрит на тебя, не оглянется.

Вот Афанасий по этой речке Каменке на Лысую гору и наладился ходить. Уйдет по утрянке, по росе, а ввечеру домой явится. В грибную пору все идет с грибами, а он порожний возвращается.

— Не попались, — говорит, — пу-стая нынче гора.

А ведь вот когда у других три «бычка» в ведре дерутся, Афанасий вышагивает с полной корзинкой белых да подосиновиков.

— Иди, — говорит встречному, — я твоих не брал. Да торопись, пока гора добрая.

И верно: пойдя назавтра — ничего на горе не найдешь, ни тебе валуя, ни снулой сыроежки.

И чего в такие-то поры Афанасий на горе делал? Ведь это ж по каким

дебрям ходить-то надо! Визирь топографические некогда гору чертили, но позаросли с той поры — на танке только и брать высоту. А Каменка! Жарким летом ее бурнучок по камешкам перейдет и лапок не замочит. Зато весной говорливый поток несет с Лысой. Подмывает деревья, роняет их поперек себя как ни попадя и, не оглядываясь, дальше мчится. Деревья эти с вывороченными страшными корневищами порастают мхом, а иные вовсе сухие и голые стоят. В ином месте, под завалами, и воды-то не блеснет.

Добежав до подола горы, замолкает Каменка. Куролесит втихую. То широкую заводь для мальков соберет — пусть резвятся, то под берегом где-то притаится и ждет, когда неосторожный грибник на травяную кромку ступит и окажется в ледяной воде... Вот уж будет потеха Каменке!

А уж к кузинскому пруду в весеннюю пору река подходит неспешно

и державно. Шевелит ивняк по берегам, едва ли не все небо в себе отражает. Вечерами вдруг бухнет кто-то в ее глубь — то ли матерая щука заплывла из пруда, то ли сам водяной поселился...

Такая она, наша Каменка. Вот по ней-то и ходил Афанасий не по одному году. Истоки речки искал да метил. Пенсионер был, свое отмытарил. Что с него взять?

Однажды пробирался по руслу, глядя, как обычно, под ноги, задумался, а как голову поднял — батюшки, перед ним медведица на задних лапах стоит, а переднюю к воде тянет. И белая вся как есть. Не бело-солнечный свет идет от нее, а холодный, как бы стальной. Смотрит на Афанасия белыми своими глазами.

Любому дикому зверю в глаза смотреть не надо. Так лютые враги друг на друга смотрят. Собрал силы Афанасий, сделал шаг — а не тут-то было: кто-то держит сзади. А медведица все глядит и глядит на него.

Совсем ошалел мужик, дернулся, что было мочи, затрещал на спине его пиджачишко, отлетел Афанасий и упал на валежину. А сзади будто бы хохочет кто тихим ехидным хохотом. И только он с глаз медведицу потерял, как белое все пропало, и мир вокруг вернул свои краски.

Сам не свой пришел Афанасий. И задумываться стал. Идет, бывало,

по дороге, смотрит под ноги и вдруг как вскинется весь, озираясь, стоит столбом вкопанным. А по горе все ходил, не знал покоя. Но русла Каменки теперь избегал, по визирам шарился. И тянуло его на Лысую пуще прежнего.

Но скоро поправляться стал, оклемался. На грибы везло, на смородину черную с малиной. Не скупилась Лысая.

Как-то раз и сам не заметил, как на русло вышел. Бездумно так идет по краю воды, а она то бульчит, камешками играет, а то вдруг станет целым озерцом, и мальки в ней стрелками мечутся. То ли тень, то ли топляк лежит через все озерцо. Облачко по нему, как и по небу, бежит. Выходит, и там, в Каменке, своя сиюминутная жизнь. А задень воду веточкой — ан уже совсем другая...

«Не так ли и у нас, у людей?», — думает Афанасий.

Только сделал шаг, а с берега как вскинется кто-то, как шумнет травой да валежником. «Никак лосиху поднял с лежки», — успел сообразить Афанасий. А она уже стоит перед ним — рога в небо вперились, ноздри трепещут. И белая вся. Что тебе статуя оловянная. А смотрит живым белым глазом. Не отпускает. Дернулся Афанасий, ногой оступился, и минуло все, как и не было. Торчит выворотень перед ним да в озерце безоблачно.

Совсем заморочила Каменка голову мужику. Ночью среди сна вскинется и больше глаз смежить не может. Уйдет на берег пруда и сидит пеньком до рассвета. А без Лысой горы таки не может.

Вот уже и лето машет желтенькой березовой ладошкой. Утрами подмораживает крепко. Афанасий после белой лосихи на Каменку — ни ногой. За версту обходит. Бродит посуху, опять на Лысой по пенькам добывает. Они в эту предзимнюю пору звонкие, опять, хоть бусы лесные из них собирай. А Лысая свой норов держит: бывает, бродит мужик с утра до самой макушки дня и пустой возвращается. Улица над ним посмеивается: у Афони, мол, на горе-то, девка завелась, какие ему опять.

Но мужик тоже себе на уме: упрямо ждет на Лысой своей удачи. И, бывает, дождетя: полнехонькую полотораведерную корзину за пару часов молодых опять нагребет с шапкой, а поверх-то — белых, белых выставит, да таких ядерных — один к одному боровички. Тогда уж на его улице праздник!

Время, оно все на свете лечит. Боровички эти, будь они неладны, опять Афанасия на Каменку вывели. Он ведь, белый гриб, в одиночку по лесу не ходит. Один углядел — востри глаза рядом, раздвигай травушку да сбоку-то на гриб не наступи. Афанасий и не заметил, что уже по самому берегу боровички пошли, режет себе, травку просеивает. А как спину-то разогнул, умаявшись: господи, твоя воля! Огромный паучище дорогу ему загородил и лапами-то, лапами по гигантский паутине перебирает. Белый весь, и паутина белая, и глаза. А светлее не стало, наоборот, будто сумерки пали. Вокруг Афанасия то ли смех, то ли шорох стоит. Да и он-то сам уж не пауком ли стал? Руки-ноги спешат, к паутине липнут, а сам — ни с места.

Сколько они стояли так — глаза в глаза, только корзина у Афанасия возьми да выпади из рук, прямо

на речные камушки, на струйку посыпались грибы. А как увидел это Афанасий, так и белого паука не стало, и шорох затих. Только старый выворотень замер над ним. И опять с боровичками речной водичке радуются. И желто вокруг от берез, и красно от осин да рябин...

Такая вот история. За что купил, за то и продаю. Кто и как про те Афонины белые встречи узнал, мне неведомо. Только стала наша речка называться Белой Каменкой.

А Афанасий... Он, говорят, сгинул на Лысой горе. Ушел однажды поутру, и след его простыл.

Жена дождала-пождала, продала домишко и уехала к внукам.

Теперь в доме дачники живут. Черные бревенчатые стены покрыли светлым пластиком, окна сделали глазастыми на городской манер...

Ничегошеньки не знают. **УС**

Поэт К.Ф. Реут с сыном Феликсом, 1938 г.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Внучка поэта – Юлия Феликсовна Реут

Константин Реут — ЖИЗНЬ продолжается

Иллюстрации предоставлены автором

В мае 2011 года известному поэту Константину Феликсовичу Реуту исполнилось бы 100 лет. Этот удивительный человек оставил глубокий след на Уральской земле. Строитель по профессии, журналист по призванию, поэт по складу своей души... О нем и его потомках хочу рассказать.

40

Николай Гелеверов

46 лет работал инженером-конструктором на Уральском электрохимическом комбинате (г. Новоуральск Свердловской обл.). Руководил одним из сильнейших в Минатоме общественным конструкторским бюро. Ветеран атомной энергетики и промышленности. Заслуженный путешественник России. Академик Московской международной академии детско-юношеского туризма и краеведения, руководитель ее регионального отделения в Свердловской области. Живет в Новоуральске.

Уральский следопыт, июль 2011

Высокий, белокурый, атлетически сложенный, в барашковой папахе набекрень, в распахнутом пальто при любой погоде — таким навсегда остался в памяти уральских поэтов старшего поколения Константин Реут. Неистребимый оптимист, веселый и задорный, готовый на шутку ответить шуткой, на одну остроту — тремя.

Он весь вот в этих его строчках:
 О чем прокричать
 в этот радостный день
 под звон,
 под рожки
 и гудение?
 Жить!
 Здравствуй!
 И в борьбе,
 и в труде
 носить напряженно,
 всегда и везде
 весеннее сердцебиение!..

Короткой, но полноценной и богатой была его жизнь. Константин Феликсович родился в селе Катайском Курганской области в семье агронома. В уральском городке Камышлове прошли его детские и школьные годы. С детства полюбил поэзию, в школе уже был признанным поэтом и бессменным редактором стеной газеты, где и помещал свои первые стихи. А с 1927 года они уже регулярно публикуются в газетах «На смену!» и «Уральский рабочий». Тогда же он становится одним из самых активных членов литературной группы «На смену!», которая вообще сыграла заметную роль в становлении писательской организации.

По зову сердца и без колебаний поэт едет на строительство Челябинского тракторного завода-гиганта.

Прошел путь от чернорабочего до техника-строителя. Он хотел видеть, понять, активно участвовать в том новом, что возводилось вокруг. Именно работа в строительном коллективе способствовала его творческому развитию: молодой строитель становится главным героем его стихов.

А я уже врос в работу
 со всем:
 с головой, с руками,
 спокойный и деловитый,
 уверенный и простой.

**

Челябинск затих,
 но за трактором
 разогрета ночь добела.
 Небо дрожит
 над тракторным
 пожарищем
 электроламп.
 (1932)

В 1932 году Реут появляется в Свердловске. Через два года выходит первый сборник его стихов — «Убеждение». Он сразу привлек внимание читателей — любителей поэзии. А летом 1934-го, с трибуны I Всесоюзного съезда советских писателей, Константин Реут был назван одним из ведущих уральских поэтов.

В Свердловске он с головой окунулся в творческую работу. Много ездит по Уралу, познает жизнь во всем ее разнообразии. В газете «Уральский рабочий» появляются его очерки о тружениках индустриального Урала. Это было проявлением еще одной стороны его дарования. Но стихи всегда были на первом месте.

▲ Поэт К.Ф.Реут перед уходом на фронт

В 1942 году Константин Реут ушел на фронт Великой Отечественной войны. И в том же году погиб под Ленинградом. Вторая книга поэта — «Весеннее сердцебиение» — вышла в Свердловске только в 1963 году...

Такая вот стремительно короткая биография. Но рано и насильно оборванную жизнь поэта достойно продолжают его потомки.

▼ С мемориальной доски погибших

▲ групповая фотография: К.Ф. Реут (справа)

▲ Ф.К. Реут

Феликс Константинович

Начало самостоятельной жизни сына поэта Феликса Константиновича Реута не было безоблачным. Прочувшись два курса в Горном институте Свердловска, он понял,

что выбрал не «свою» профессию, перевелся на радиофакультет УПИ без стипендии. Учился и работал. Такая жизнь сильно закалила характер. После окончания института год трудился в Свердловске, а с июня 1964-го начал трудовую биографию в Новоуральске на Уральском электрохимическом комбинате.

Молодой специалист сразу показал себя. В 1966-м его разработка по преобразователям частоты стала применяться на родственных производствах. Тиристорные преобразователи частоты для тех лет были новинкой промышленной электроники. Их еще только учились производить на заводе «Электровыпрямитель» в городе Саранске — столице Мордовии. Из тысячи приборов только два-три подходили по своим параметрам для мощных высокочастотных преобразователей. Силовую часть разрабатывали московские ученые, а системой управления занимался коллектив группы затем и лаборатории №5 Приборного завода УЭХК во главе с Ф.К. Реутом. Жизнь Феликса Константиновича протекала в командировках между Новоуральском, Москвой и Саранском.

В 1970 году группа Реута запустила в эксплуатацию опытно-промышленную партию преобразователей. Серийные приборы этой

модели успешно работают до сих пор.

В связи с развитием производства встала необходимость создания более мощных преобразователей, и потому была создана лаборатория, ядром которой стала группа Реута. В его лаборатории в разное время постоянно работали 23–25 человек.

Он сам разработал и внедрил шесть рацпредложений и получил 15 авторских свидетельств на изобретения. 11 из них внедрены в производство.

Руководитель лаборатории удостоен знака «Изобретатель СССР», звания «Новатор производства». К 50-летию УЭХК отмечен званием «Заслуженный рационализатор УЭХК» и награжден медалью «Ветеран атомной энергетики и промышленности».

С июня 2007 года Феликс Константинович на заслуженном отдыхе. Вырачивает прекрасные тыквы и помидоры. Но главная его привязанность — электронная техника, теперь уже бытовая.

Твердый характер и «реутовскую» натуру он проявлял во всем. Активный противник курения, однажды, придя на совещание, демонстративно надел противогаз. Это была его акция протеста, и многие курильщики стали выходить в отведенные для этого места.

Помнится мне и почти невероятный эпизод, случившийся во время путешествия по Камчатке в 1972 году. Нам встретилась партия геологов. По сравнению с нами, туристами, они пребывали в приличных условиях: жили в избе, имели подробную карту маршрута, пекли собственный запашистый хлеб... Вот и отрядили меня товарищи на встречу с руководителем этой партии. Разговор явно не клеился. И вдруг геолог произносит: «Как говаривал мой друг Феля...». Я поинтересовался: уж не Феликс ли Реут, сын уральского поэта?: Тут, конечно, мне и карту показали, и рюкзак наполнили буханками хлеба.

Оказалось, они вместе были в сложном походе по Южному Уралу. Двадцать дней таежной жизни на склонах и вершинах Большого и Малого Ирмея, Яман-Тау на всю жизнь оставили след в памяти студентов Горного института. Таково было обаяние личности Феликса Реута.

Кроме сухих строчек производственных отчетов, сын поэта не писал ничего, и тем более в рифму. Этот дар от деда передан его внучке...

Река времени

Юлия Феликсовна

Юлия Реут во многом повторила путь отца. Окончила механический факультет УПИ, распределилась инженером-механиком в коллектив ОКБ на комбинат, где работал отец. Стала высокопрофессиональным конструктором.

От родителей — больших поклонников уральской природы — передалась ей тяга к путешествиям. От деда — к стихам. Псков, Петербург, Бишкек, Москва, Ташкент, Ереван, Севастополь, Кавказ — приблизительная география ее маршрутов. И, конечно, родной Урал. В путешествиях увлеклась фотографией. Окружающая природа, сын и все, за что зацепится глаз, что заденет душу, — становится объектами ее фотографий и стихов.

ДВЕРЬ

*В таких местах порою кажется,
Что, переступив порог,
Ты вдруг среди толпы окажешься,
Которая давно здесь не живет.
И сможешь, руку протянув,
Дотронуться до тайн истории.
Быть может,
эта дверь туда ведет?
А может, в параллельные миры
здесь коридоры?*

ДУША

*Зимой, когда природа засыпает,
И лес прозрачен, как вода,
Из глубины вдруг проступает
Загадочная русская душа.
Ее древесный, теплый свет
Нас согревает и тревожит.*

*А звон колоколов заденет
Струн нежных светлые аккорды.*

СЛАДКАЯ ПАРОЧКА

*Он — буря, ветер, взрыв эмоций,
Поток безудержных идей.
Она — кокетка и запас вопросов,
Организатор всех затей.
При столкновении искря,
Пытаясь быть всегда лишь первым,
Как трудно сдерживать себя,
Друг другу оставаясь верным.*

С детства, восхищаясь лошадьми, стала горячим поклонником курганского конного маршрута и удивительных созданий — лошадей орловской породы. Юлия пробует себя и в прозе, и, естественно, пишет живо и эмоционально о конных путешествиях...

Константин Феликсович

Сын Ф.К. Реута (внук поэта), окончив школу, стал работать в ОКБ Приборного завода, там же, где работал отец. Поступил на вечернее отделение МИФИ. С 3-го курса ушел служить в Армию. После «учебки» в Каунасе был направлен для дальнейшего прохождения службы в Афганистан. Отслужив, возвратился на Приборный завод. В настоящее время он — инженер-энергетик профильного цеха УЭХК, занимается эксплуатацией силовых полупроводниковых преобразователей частоты. Воспитывает дочь (правнучку поэта)...

На мой вопрос, писал ли Костя Реут что-либо в рифму, его непо-

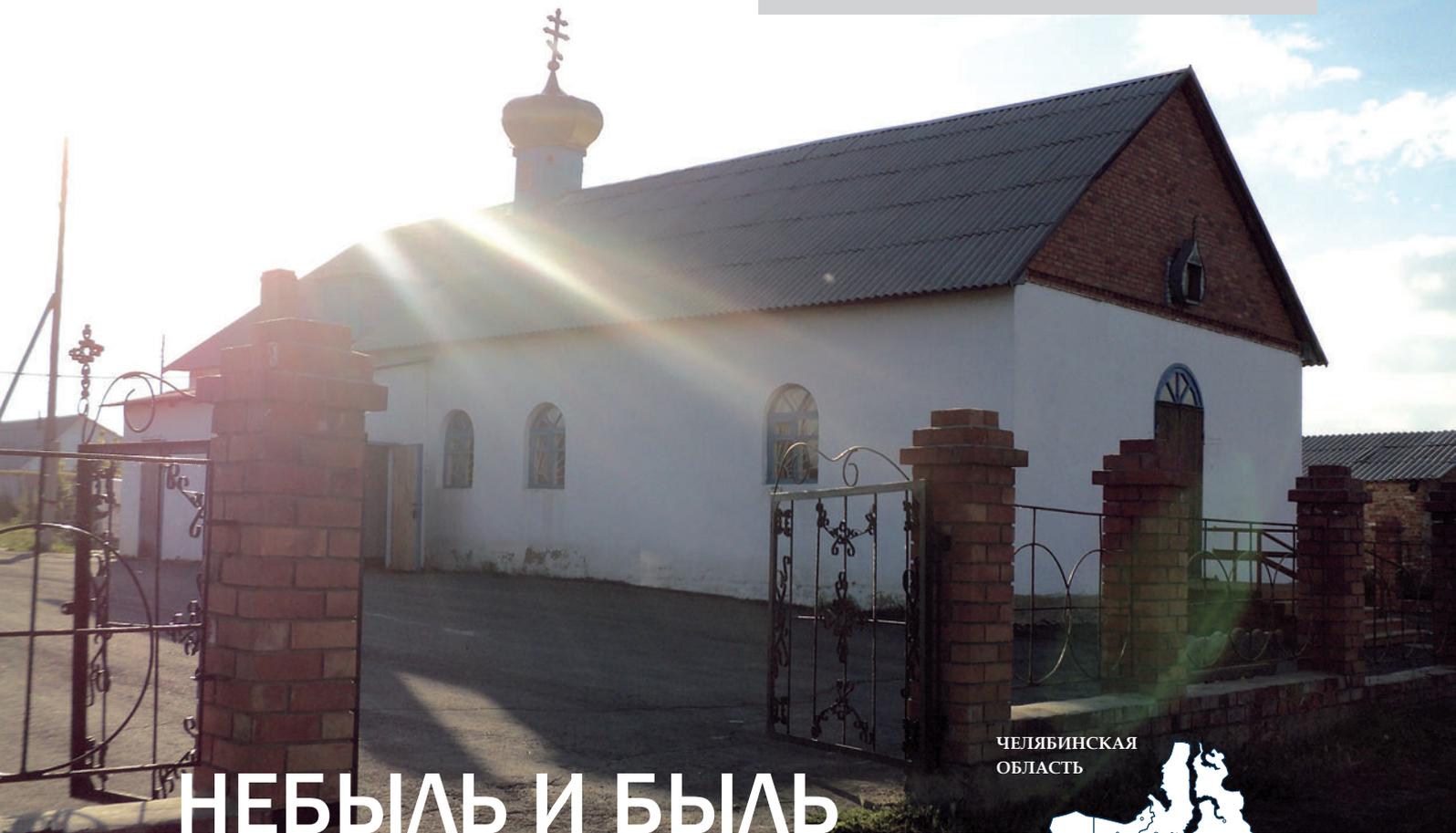

средственный руководитель коротко ответил: «Костя — технарь до мозга костей». И этим все сказано...

Так живут потомки уральского поэта Константина Реута на воспитанной им уральской земле. **УС**

▼ Церковь во имя Казанской иконы Божьей Матери в Еманжелинке

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

НЕБЫЛЬ И БЫЛЬ об отце Александре

Иллюстрации предоставлены автором

Какое-то время сельская библиотека в Еманжелинке размещалась в одном здании с Центром дневного пребывания для малообеспеченных, инвалидов и ветеранов. Библиотека соседям помогала. Устраивали обзоры книг, читали вслух статьи из газет и журналов, программу телепередач. Рубрика «В мире животных» то и дело вызывала реплику: «Это которую наш Дроздов ведет?». На мой вопрос ответили: «Ты что ли не знаешь? Он же внук старого попа, Александра Дроздова. Вылитый отец Александр!» Я не поверила, но версия меня заинтересовала. При случае расспрашивала старожил о последнем еманжелинском священнике.

Юлия Демченко

Живет и работает в селе Еманжелинка Челябинской области. Окончила филфак Челябинского пединститута, потом — Челябинскую государственную академию культуры и искусства. «Временная» работа в Еманжелинской библиотеке продолжается уже 13 лет. А библиотека и краеведение всегда идут рука об руку.

▲ В.И. Куликова (слева) и А.А. Гиль

И вот выступали тогда кто за красных, кто за белых. А он (отец Александр Дроздов) вышел и сказал: «Я за царя и за белую власть», — и убежал.

Мало кто помнил события почти вековой давности.

— Меня тогда и на свете не было. Вот мать (отец, бабушка, дедушка) рассказывали, бывало, о попе. Он в доме при церкви жил. Дом большой, там после школа была. Но и семья большая. Еще лечил поп-то. Прямо домой больные и приходили.

— Он что, врачом был?

— Кто его знает... А лечил хорошо.

Коренной еманжелинец, казак, ветеран Великой Отечественной войны Михаил Всеволодович Ярушин сохранил в памяти «преданья старины глубокой». Его семья отлично знала священника. Дед и бабушка неоднократно занимали у Дроздова зерно для посева. Сам отец Александр землю не пахал, но за исполнение обрядов с ним часто расплачивались пшеницей. Зерно в долг под будущий урожай он давал без процентов.

Когда случилась беда с ребенком, сыном Севою, Ярушины тоже обратились к Дроздову. Мальчик в детстве переболел оспой и получил осложнение на один глаз. Родители боялись, что Сева ослепнет. Священник приготовил какие-то мази, растолковал способ лечения. И зрение вернулось, вырос казак без изъяна. Это был Всеволод Павлович Ярушин, будущий отец Михаила.

О других подробностях из жизни семьи Дроздовых поведала Анастасия Александровна Гиль (Казанцева). Казанцевы — тоже местная фамилия, приехали в эти места лет двести назад, вскоре после основания Еткульской и Еманжелинской крепостей. В германскую войну пришлось туго. Александр Яковлевич, отец Насти, сразу попал на фронт. Мать, Мавра Алексеевна, сама много земли распахать и засеять не смогла, пришлось идти в прислуги. Взяли ее в дом Дроздовых. Может, особого богатства там и не было, но по сравнению с рядовыми станичниками священник жил зажиточно. Кроме Мавры, держали еще двух человек женской прислуги и в конюшне помогал кто-то из мальчишек.

Казачкам, которые без мужей пытались вытащить семью из нищеты, это казалось обидным. Не обходилось и без ссор. Мавра Алексеевна потом со смехом рассказывала дочери, как однажды в большую стирку женщины выстирали белую пуховую шаль матушки-попадья в кипятке — шаль свалялась и села. «Месь», впрочем, последствий не имела — бытовое раздражение не перерастало в настоящую вражду.

Еманжелинка. Начало XX в. Семья Казанцевых, родственников А.А. Гиль ▶

Поповские дочери замечательно играли на рояле. Летом жители собирались под окнами на скамейках слушать музыку. Любили младшего сына Дроздова, Николая. Говорят, был отзывчивым и добрым парнем. Его-то молва и прочила в «отцы» знаменитому ученому и телеведущему. Однажды мне посоветовали обратиться к Варваре Ивановне Куликовой. К моменту нашей встречи ей было уже за 90, но ее память и талант рассказчицы удивляют до сих пор. В Еманжелинке она родилась, никуда отсюда не уезжала. Для меня она стала живым учебником местной истории: события, начиная с 1917 года, она помнила до мельчайших деталей. Некоторые беседы с ней записаны на пленку, в том числе и воспоминания об отце Александре. Приведу ее рассказ, сохранив своеобразную манеру изложения.

«Когда советская власть (пришла), наша деревня три раза из рук в руки переходила: то красные придут, то белые придут. Школа была у нас, маленькая школа, там всего 3–4 парты было. И вот выступали тогда кто за красных, кто за белых. А он (отец Александр Дроздов) вышел и сказал: «Я за царя и за белую власть», — и убежал. Его догоняли, но у него уже припасено место было под сеном, под приметком сделал себе убежище и пролежал до утра. А на свету его работник как вроде беседки положил в короб и увез в Еткульский бор. И сколь он там, не знаю, скрывался.

А потом его все-таки поймали. Их, попов, заставляли пахать, как лошадей, запрягали; и били их; издевались над ними. Которые на борозде умирали, которых добивали. Не давали ни есть, ни че. Был в той каторге. И ему сломали ногу. А он раньше выучился на врача, но врачом работать не стал, а пошел в попы. И он потом, когда ему ногу сломали, ее сложил сам, раз врач.

А потом он скрылся, убежал. И сколько он скитался, не знаю. А у него, не знаю, в Томске, не знаю, в Омске жила дочь, работала врачом. И он к ней как-то добрался. Там переменял имя, фамилию, отчество и у ней жил много лет.

А как-то... Наша же деревенская женщина была его крестницей. И встретила его в магазине: «Ой, крестный! Здравствуйте! Отец Александр!» А он же скрывался все:

Казалось бы, вырвавшись на свободу, он тем более должен озлобиться и поддержать бунтовщиков, но Дроздов кровавой междоусобицы не принял и предпочел уехать.

«Ты что?! Какая ты мне крестница?! Я сроду не здешний». И ушел. Ушел и где-то за углом ее караулил. Она пошла, а он вышел и говорит: «Иди сюда! Ты что?! Ты разве не знаешь, что я скрываюсь?! А ты меня выдаешь». «Ой, крестный, я ... потом одумалась».

Вот так я слышала».

Варвара Ивановна в детстве бывала на службах, которые вел Александр Дроздов, запомнила и внешность священника. «Худенький был. А так роста среднего, борода небольшая. Русый вроде».

В районном и областном архивах сведений об отце Александре я не нашла. Но по рассказам постепенно сложился портрет Дроздова. Образованный, разносторонний человек, не последний в станице, он всерьез относился к своему служению, верил в присягу. Среди местных слыл книголюбом. Новая власть реквизировала у него солидную библиотеку. Книжки, вынесенные из дома, заняли большой сарай.

После побега из Еманжелинки некоторое время скрывался в Еткульском бору. Этот лес и сейчас производит впечатление, а тогда непроходимые заросли служили убежищем для нескольких отрядов повстанцев. К казакам примкнули и священники, благословляя людей на борьбу с большевиками. Однако военные действия развернулись в 1920-м году, а Дроздов попал в лагерь намного раньше. Казалось бы, вырвавшись на свободу, он тем более должен озлобиться и поддержать бунтовщиков, но Дроздов кровавой междоусобицы не принял и предпочел уехать.

Сначала он жил где-то недалеко от Еманжелинки, во всяком случае, известие о том, что он расписался в Совете с венчаной женой, быстро дошло до его бывших прихожан; потом скрылся, опасаясь ареста. На Родину его, видно, тянуло. Уж не могилы ли детей он хотел навестить, когда его так некстати узнала крестница?

Троицкий тракт, теперь федеральная трасса М-36. Этому торговому пути Еманжелинка обязана своим существованием ▼

Наверное, она была единственной из еманжелинцев, кто говорил с отцом Александром Дроздовым перед самой войной.

В 2009 году история отца Александра получила продолжение. К нам в библиотеку приехала челябинский краевед и писательница Мария Александровна Меньшикова. Она собирала материалы для книги о церквях Челябинской области, имела немало сведений об уездных священнослужителях и храмах, стоявших до революции в поселках и станицах Южного Урала. В архивах она нашла документы и об Александре Павловиче Дроздове. Благодаря ее помощи, полуфантазийный портрет еманжелинского священника приобрел вполне реальные черты.

Родился Александр Павлович Дроздов 1 марта 1869 г. в Белоярске в семье священника Павла Егоровича Дроздова. Окончил Оренбургскую семинарию и принял приход в поселке Синеглазово недалеко от Челябинска. Неоднократно был отмечен церковным начальством. Бесплатно вел занятия в церковно-приходской школе. В Еманжелинку приехал в последние годы XIX в. и больше мест службы не менял.

В подлинную биографию вписывается не все из рассказов старожилов. Ну, не был Александр Павлович врачом! Как многие образованные люди до революции, он, усвоив основы медицины, вероятно, давал советы или пользовал страждущих народными средствами. Сын Николай, которого так упорно приписывает ему молва, тоже не упоминается в документах, а названы 4 дочери, младшая с 1907 г. Однако мальчик мог родиться позже, или за сына принимали племянника Дроздова: он взял на воспитание детей сестры после смерти ее мужа.

Данные из Интернета тоже решительно опровергают предполагаемое родство еманжелинского и московского Дроздовых. Всем известный Николай Николаевич Дроздов — уж точно не внук нашего священника. Но, выслушав добрый десяток рассказов с упоминанием двух Дроздовых, в мыслях я вольно или невольно наделяю Александра Павловича внешностью его однофамильца. Хотя... По линии отца Николай Николаевич все-таки связан с русским духовенством. Если не на близкое, то на дальнее родство между ними можно намекнуть в поддержку сельской легенды... **УС**

Вид на старую часть села ►

Памятник павшим в годы Великой Отечественной войны построен на месте церкви, где служил о. Александр ▼

▲ Дом Культуры, где расположена сельская библиотека им. Ф. Павленкова

Наступательная инновационная политика предприятий оборонно-промышленного комплекса, внедрение передовых технологий - залог успеха модернизации и создания современных образцов вооружения и военной техники, перспективного облика Вооруженных Сил России

R U S S I A N E X P O A R M S 2 0 1 1

РОССИЙСКАЯ ВЫСТАВКА ВООРУЖЕНИЯ. Нижний Тагил-2011

8-11 сентября 2011 г.

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА ВООРУЖЕНИЯ, ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ И БОЕПРИПАСОВ

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ СПОНСОРЫ:

ВНЕШЭКОНОМБАНК

НОВИКОМБАНК

РОСЭКСИМБАНК

УРАЛЬСКИЙ следопыт ISSN 0134-241X
www.uralstalker.com

ИЮЛЬ 2011

Аэлита

52	Фестиваль «Аэлита» — 30 лет премии	50	64	Координаты чудес	
	Законы Вселенной			ЮЛИЯ КРАВЧЕНКО	
	ОЛЬГА МОИСЕЕВА			Летним утром	64
	Билет в будущее	52		АЛЕКСАНДРА КОЛЕГОВА	
				Музы	67
				ВАДИМ ОСИПОВ	
				Доктор	71
				Рубаха смерти	74
				Птица рухи	77

Фестиваль «Аэлита» — 30 лет премии

В столице Урала с 25 по 28 мая прошел очередной международный фестиваль фантастики «Аэлита». При этом в 2011 году исполнилось 30-летие с начала вручения литературной премии «Аэлита».

В 2011 г. почетными гостями фестиваля стали известные украинские писатели Дмитрий Громов и Олег Ладыженский (пишущие много лет под псевдонимом Генри Лайон Олди), Николай Басов (Москва) и Антон Первушин (Санкт-Петербург). Из уральских авторов присутствовали Татьяна Устименко, Алексей Глушановский, Борис Долинго, Александр Сивинских, Антон Орлов, Максим Черепанов, Андрей Скоробогатов, Анна Сырцова, Эльдар Каиров и другие.

В рамках фестиваля состоялись:

— Пресс-конференция с почетными гостями и лауреатами фестиваля — представление лауреата главной премии (пресс-центр ИТАР-ТАСС-Урал).

— Семинар «Фантастика как будущее и настоящее»: с докладами выступали Николай Басов («Современное российское фэнтези — тенденции и перспективы»), Андрей Скоробогатов («Фантастические отражения в музыке»), Александра Давыдова («В какую фантастику лучше играть?»), Наталья Мамаева («Социальная и прогностическая фантастика на примере миров АБС»), Илья Козлов («Новые технологии — новое сознание: соответствия и расхождения»), Татьяна Тошачова («Кинофантастика XXI века: на странных берегах»).

— Презентация администрации сайта FantLab (Администраторы крупнейшей в стране электронной энциклопедии фантастики рассказали о принципе функционирования сайта, совместных проектах и проблемах фантастической литературы).

— Презентация Электронного издательства «Аэлита» и сборника «Аэлита/007» (Оргкомитет фестиваля представил состав ежегодного сборника «Аэлита/007» и сайт нового электронного издательства «Аэлита»).

— Встреча Г.Л. Олди с читателями в Уральском государственном университете.

— Автограф-сессия авторов-гостей и лауреатов фестиваля в супермаркете.

— Доклад «Последний космический шанс. Образы космической экспансии в современной российской фантастике».

Антон Первушин.

— Доклад-дискуссия Генри Лайон Олди «Книжные сериалы vs романы-одиночки».

— Семинар молодых авторов по итогам конкурса короткого рассказа-2011.

Завершился фестиваль традиционной поездкой на границу Европы и Азии с пикником.

Премии распределены таким образом:

1. Премия «Аэлита» (вручается с 1981 г.) — Генри Лайон Олди (Харьков, Украина).

Кроме того, в честь 30-летия начала вручения премий фестиваля «Аэлита» решением оргкомитета фестиваля **вторая премия «Аэлита-2011»** вручена занявшему второе место по итогам голосования одному из старейших фантастов страны **Евгению Войскунскому**.

2. Мемориальная премия им. И. А. Ефремова (вручается с 1987 г.) — Борис Натанович Стругацкий.

Также в честь 30-летия начала вручения премий фестиваля «Аэлита» решением оргкомитета фестиваля **вторая премия им. И. А. Ефремова** в 2011 г. вручена коллективу портала «Fatnlab.ru», занявшему второе место по итогам голосования.

По остальным премиям фестиваля с этого года голосование проходило на самом фестивале среди зарегистрированных участников.

Его итоги таковы:

3. Премия «Старт» (вручается с 1989 г.) — Виталий Абоян (Ростов-на-Дону) с романом «Древо войны».

4. Мемориальная премия им. В. И. Бугрова (вручается с 1997 г.) — редакция издательства «Снежный ком М» (Глеб Гусаков, Эрик Брегис, Дмитрий Федотов).

5. Мемориальная премия им. И. Г. Халымбаджи — Орден «Рыцарь фантастики» (вручается с 2002 г.)

— Антон Первушин (Санкт-Петербург)

— Николай Басов (Москва)

— Илья Те (Владивосток)

— Борис Долинго (Екатеринбург).

6. Премия «ЕврАзия» (вручается с 2004 г.) — Алексей Глушановский (Верхняя Пышма) с романом «Сердце вьюги».

7. Премия за Конкурс короткого рассказа (проводится с 2005 г.) — Александр Семькин (Екатеринбург) с рассказом «Синдром Икара».

Кроме того, по номинации почетных гостей фестиваля Дмитрия Громова и Олега Ладыженского присуждены **три поощрительные премии участникам ККР-2011**. Ими стали **Кира Калинина (Тюмень), Ефим Гамаюнов (Петровск) и Дэн Шорин (Тула)**.

Премия «Аэлита» отметила свое тридцатилетие. Вручение этой премии, самой первой в стране премии в области литературной фантастики, является одним из крупнейших культурных событий города Екатеринбурга и нашего региона со своими интересными традициями и богатой историей. Лауреатами этой премии в разные годы становились такие признанные писатели, как братья Аркадий и Борис Стругацкие, Владислав Крапивин, Кир Булычев, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев. Фестиваль «Аэлита», безусловно, способствует поддержанию и развитию положительного имиджа Екатеринбурга, Свердловской области и всего Уральского региона.

Будем надеяться, что это уникальное явление культурной жизни Урала и всей страны еще долго будет радовать не только любителей фантастики, но и просто всех культурных людей, ведь «Аэлита» — поистине народное достояние.

Ольга Моисеева

Билет в будущее

«... Семь, восемь, девять. Так, значит, нормальных осталось всего девять. Не густо», — Николай вздохнул, окинув взглядом жалкую кучку пакетов с красной полосой. Красная полоса означала, что питательный брикет содержит мясо в том или ином виде. Взяв «Курицу с рисом», Николай посмотрел на пять отдельно лежавших пакетов с зеленой полосой. «Кольраби в сухарях», «Салат из помидоров и огурцов»... «Н-да, этой ерундой сыт не будешь. — Немного подумав, он выбрал «Яблочное пюре». — Ладно, на десерт сойдет. Эх, дурень! Разнообразие хотел! А надо было брать только мясные...»

Мысли прервал мелодичный звонок бортового компьютера. Николай бросил пакеты и с бьющимся сердцем рванулся прочь из складского отсека. «Неужели?!»

Влетев в рубку, он метнулся к панели управления. На центральном мониторе светилась колонка цифр. «Маяк! О Господи, слава тебе! Маяк!!» Он плюхнулся в кресло, руки привычно легли на сенсоры управления. «Сигнал устойчивый, отлично! Ну-ка, ну-ка... есть! Вот он, голубчик! Х44850-М, во всей своей красе!» Пальцы быстро заскользили, отдавая команды бортовому компьютеру. «Наконец-то! Теперь все будет хорошо!»

Николай откинулся в кресле и взъерошил волосы. Нет, что ни говори, а он молодец! Коррекция курса потребовалась минимальная, и, даже если бы вдруг этот маяк не работал, корабль шел в верном направлении и, в конце концов, все равно попал бы в осво-

Моисеева Ольга Юрьевна

Родилась и живет в Москве.

Окончила Московский Авиационный Институт. Сменила несколько профессий: инженер, переводчик с английского, менеджер, мастер художественной резьбы по дереву, преподаватель английского языка.

Литературным творчеством занимается с 1997 года, пишет стихи и прозу.

Печаталась в журналах «Если», РБЖ «Азимут», «Знание – сила. Фантастика», «Лауреат», сборниках «Звезды Внеземья». Публикуется в интернете, неоднократный победитель и призер сетевых литературных конкурсов. Член союза писателей «Новый Современник».

енную зону. Вот еще одно подтверждение, что он навигатор от Бога. И Бог ему помогает.

Один из концевых маяков, край освоенного людьми космического пространства! Вряд ли кто-то еще по собственной воле забрался бы так далеко, а он сделал это. Рискнул всем и выиграл. Сорвал джекпот! И теперь его мечта осуществится. Николай провел пальцем за ухом. Скоро здесь будет стоять самый современный суперчип для прямой нейронной связи с бортовым компьютером, и он сможет управлять судном любого класса. Он сольется с кораблем, и это — Николай посмотрел на сенсорную панель — станет ему не нужно. С его способностями даже сейчас, без всякого чипа, он может работать лучше некоторых выскочек, уже оснащенных

подобными устройствами, но конкуренция велика, так что на одних способностях далеко не уедешь. Кто захочет брать на звездолет экстра-класса простого парня из глубинки, без связей, без денег, окончившего не престижный бесплатный университет? Свято место пусто не бывает! Да будь он хоть трижды семи пядей во лбу, его и слушать-то, не то что тестировать, никто не станет. Вернее, не стал бы. Потому что теперь все изменилось. Когда он приобретет чип, ему, с его талантом, вообще в навигации не будет равных. Компании передерутся за право нанять его на работу. Он сможет летать на оборудованных по последнему слову техники звездолетах дальней разведки, тех самых, что отправляются за пределы освоенной зоны, чтобы исследовать неизвестные просторы и продолжить экспансию человечества.

Николай развернулся в кресле и окинул взглядом маленькое помещение рубки. Сколько он горбатился, чтобы отремонтировать этот старенький «Дон-5». Купил за копейки и чинил, чинил... Во всем себе отказывал, пуская все свободные деньги на запчасти. И со временем привел-таки в божеский вид.

«А ничего, смотри-ка, еще неплохо бегае!» — удивлялись знакомые, но никому из них и в голову прийти не могло, что Николай отважится полететь на этой латаной-перелатаной развалюхе в Аут. Сочли бы полным дураком, скажи он об этом. А если б еще узнали цель его путешествия, то наверняка записали бы в законченные психи.

Планета, куда отправился Николай, находилась в Аутполе, вне освоенного человеком пространства, и потому, естественно, не имела названия и не значилась ни в каких каталогах. О ее существовании он случайно услышал от одного весьма одиозного типа. Звали его Гера, хотя вряд ли это было его настоящее

имя. Все, кто знал Геру, считали его мошенником, лгуном и вообще темной личностью. Поговаривали, что он занимается перевозкой наркотиков и других запрещенных веществ, перепродажей краденого и прочими не менее грязными делами.

Николай однажды оказал Гере услугу: отремонтировал антирадар и поднял его чувствительность, что позволило контрабандисту обходить стороной полицейские посты и патрульные корабли. Антирадары, разумеется, были запрещены законом, но Гера предложил хорошую оплату, и Николай, так отчаянно нуждавшийся в деньгах, скрепя сердце, взялся за эту работу.

Испытания прибора прошли столь успешно, что Гера пригласил своего нового приятеля обмыть их удачное сотрудничество. Николай не стал уточнять, как именно проходили полевые испытания, но, судя по довольному виду контрабандиста и количеству выпивки, претензий к устройству у Геры не было. Приняв на грудь пару коктейлей «Пять звезд Ойкумены», в состав которых входили пять алкогольных напитков сорокоградусной крепости, он почувствовал к Николаю сильное дружеское расположение и стал рассказывать занимательные истории из своей жизни. Николай потягивал отличный миранский эль и терпеливо поддакивал, слушая вполуха всякую ерунду о подземной охоте на слепых байдукских чичинков, о зимианских девицах, наделенных особыми сексуальными талантами благодаря специфическим гравитационным условиям планеты Зимиан, и других экзотических гулянках своего новоиспеченного приятеля.

После четвертого коктейля Гера вдруг заявил, что недавно побывал в Аутполе, и Николай, неожиданно для себя, заинтересовался и стал слушать более внимательно.

— ...Ведь шанс выбраться из Аута всегда есть! Ну я и слинял. За концевой маяк, в никуда. Вот так вот взял, да и прыгнул... О-о-о, представляю их рожи, когда до них дошло, куда я свалил! — Гера захохотал, ухватившись за бока. Отсмеявшись, он продолжил: — Опорный сигнал, само собой, я потерял, едва вышел из подпространства. Все, что оставалось, — двигаться наугад, в надежде приблизиться к обитаемой зоне и поймать сигнал концевой маяка. Вскоре я наткнулся на систему из звезды типа Солнца и трех планет. Интерес представляла только вторая. Она обращалась вокруг звезды на оптимальном для органики расстоянии, и я решил посмотреть, нет ли на ней чего-нибудь полезного. Вышел на орбиту планеты и покрутился немного вокруг, высматривая сюрпризы на поверхности. Ничего особенного я не увидел. Разумной жизни нет, но полно воды и растительности. Выбрав участок поровнее, сел возле одного из водоемов. Анализ атмосферы показал, что местным воздухом можно дышать. Автоматы санитарного и карантинного контроля дали «добро». Температура была за двадцать градусов, так что я без скафандра оставил корабль и отправился к небольшому круглому озеру. Наклонившись к воде, я вдруг заметил, как на дне что-то сверкнуло.

Гера подозрительно огляделся, склонился к самому уху Николая и, обдавая его тяжелыми волнами перегара, шепотом продолжил:

— Там был алмаз, представляешь? Огромный, размером с лесной орех! Е-мое, охренеть! Самый настоящий алмаз, я в камнях разбираюсь, можешь мне поверить! Камешки — моя специализация. Я схватил алмаз и тут же увидел еще несколько точно таких же. Я успел поднять пять штук, прежде чем началось... — К облегчению Николая, Гера откинулся обратно в свое кресло. — Это было такое... словами

не передать, хуже кошмара с перепоею! Земля вокруг меня задышала, и из-под нее полезли жуткие, отвратительные твари, вроде клубков из шевелящихся то ли щупалец, то ли змей. Бластер, ясное дело, с собой — палю направо, палю налево, да только эти твари повсюду! А на место убитых тут же выскакивают новые, и каждая со своими щупальцами-хваталками. Я увертывался, как мог, и, отстреливаясь, медленно продвигался к кораблю. Несколько раз меня зацепили. Боль, скажу я тебе, была, ну, просто адская... вот, гляди! — Гера задрал рукав рубашки, демонстрируя Николаю кривой бордовый шрам на предплечье. — Видал? Это они сделали.

По лицу Геры было видно, что воспоминания о том, как он получил этот уродливый шрам, не перестают наводить на него суший ужас.

— Эти гады оставили на мне не одну такую метку: на ногах, на спине и на... ну, в общем, не важно...

Он вытер пот и, отхлебнув еще коктейля, стал рассказывать дальше:

— Скоро заряд бластера иссяк, и пока я вставлял новый блок, схлопотал очередную рану и лишился одного из алмазов. Эта чертова свистопляска началась столь внезапно, что я открыл огонь, так и сжимая камни в левом кулаке. Но для перезарядки мне понадобились обе руки, вот один и выпал. Только далеко не укатился. Видал бы ты, что с тварями делалось! Им вдруг стало не до меня: сцепились друг с другом, будто клубок змей. Прямо у моих ног. Тут-то я и понял, что, если они такие фанаты камушков, то без пошрины по-любому не выпустят.

Лицо Геры сделалось печальным.

— Я стал бросать им алмазы. Когда тварей становилось совсем уж непроходимо много, я кидал камень и бежал дальше. Так, один за другим, я выбросил три штуки, пока добрался до корабля.

— Н-да... неприятно, — протянул Николай, покачивая свой стакан из стороны в сторону и наблюдая, как красиво искрится золотисто-зеленый эль.

— Неприятно?! И это все, что ты можешь сказать? Друг мой, тебе приходилось когда-нибудь одним легким движением руки выбрасывать в помойку миллион галактов?! Нет? То-то. А я вот проделал это трижды, и не сказал бы, что мне это понравилось...

— Зато ты жив! Мертвого-то тебя навряд ли согрели бы все эти миллионы! К тому же, как я понял, один алмаз у тебя сохранился. Ты сам сказал, что подобрал пять штук. Один уронил, три выкинул, всего четыре. Значит, остается еще один. Так?

— А ты сечешь фишку, парень, — осклабился Гера, — надо же, какой внимательный черт! Все верно. Один камушек я все-таки заполучил. Храню теперь. На черный день, так сказать. Ага! — он победоносно взглянул на Николая и опрокинул в рот остатки очередной порции «Звезд».

— Ну что ж, если это оказался действительно алмаз, то поздравляю, — сказал Николай, подняв стакан с элем в приветственном жесте.

— Эй-эй-эй! Погоди-ка! Ты это что? Думаешь, я не проверил камень? За дурака держишь?

— Бытовые карманные анализаторы — штука ненадежная, — Николай пожал плечами. — Присутствие вредных веществ они, конечно, определяют четко, это да, тут стопроцентная гарантия, а вот что касается точного состава, кристаллической структуры и химической формулы...

— Да ты что, — прошипел Гера сквозь зубы, — считаешь меня полным идиотом?

Было видно, что он сильно разозлился.

— Да ничего я не считаю, — ответил Николай, — просто мне интересно, проверял ли ты камень на хорошей, стационарной машине, вот и все!

— Так. Ясно. А ну-ка, вставай!

— Зачем это?

— Вставай, говорю, и пошли! — Гера вскочил, быстро расплатился и, слегка пошатываясь, навис над Николаем.

— Куда, Гера?

— Увидишь!

Гера явно завелся не на шутку, а Николая одолело любопытство: неужели парень настолько пьян, что собирается показать ему алмаз?! Естественно, ни одному слову о бредовых приключениях в Аутполе Николай не поверил. Если алмаз действительно существовал, то, конечно, Гера украл его где-то здесь, в освоенной зоне, и вовсе не у каких-то там бешеных тварей с щупальцами, а у нормальных людей о двух руках и ногах. «Что ж, интересно! Поглядим, пожалуй», — Николай залпом допил эль и встал.

На улице Гера поймал аэротакси, и через пятнадцать минут они уже входили в 115 ячейку северных ангаров космопорта.

Звездолет Геры вызвал у Николая острый приступ черной зависти. «Олсо» 10 модели... Неограниченный запас хода и безлимитный энергоресурс. Изысканная отделка и просторные помещения. Все новинки техники, какие только может позволить себе малый класс частных судов. Отличный корабль! Лучший в мире...

— Надеюсь, Ник, анализ этой машины тебя устроит? — сказал Гера, когда они оказались в грузовом отсеке «Олсо».

— «Грейтер-1170»! — не смог сдержать удивления Николай. — В частном пользовании! С ума сойти!

— Ну, этого нам не требуется, — ухмыльнулся Гера и включил «Грейтер». На дисплее высветился список последних произведенных анализов. — Сейчас я по-

кажу тебе, — он ткнул пальцем в строку: «06.09.56. Объект 148».

И хотя наивно было рассчитывать на дурость такого прожженного типа, как Гера, Николай все же испытал разочарование оттого, что увидит не сам алмаз, а только его данные.

На экране появилось трехмерное изображение объекта, его размеры, вес и другие характеристики. Затем шла надпись: «Кристаллический углерод, гексагональная модификация», а под ней был приведен чертеж кристаллической структуры камня. Весь кристалл представлял собой единый трехмерный каркас, каждый атом имел четырех соседей на равных расстояниях, угол С-С-С составлял 109 градусов 28 минут.

Несомненно, это был настоящий алмаз.

— Это твой анализ того самого камня?

— Нет, конечно! Это какой-то идиот пробрался на мой корабль, сунул в «Грейтер» свое сокровище, а потом убежал, — Гера хохотнул, хлопнув Николая по спине. — Еще выпить хочешь?

— Нет, спасибо.

— А я выпью, — Гера достал из стоявшего возле стены ящика объемную флягу. Открутив крышку, он сделал большой глоток и махнул флягой в сторону дисплея. — Хорош красавец, правда? Неплохая вышла компенсация за моральный и физический ущерб от этих уродов, скажи? — он икнул и рассмеялся. — Кстати, я проанализировал кусок щупальца одного из них, — слово «проанализировал» далось ему с явным трудом, — прилип к одежде. Вот, гляди.

Гера нашел нужную запись.

— Идентифицировать пытался? — заинтересовался Николай, изучая изображение бесформенного черно-зеленого куса и длинную сводку данных.

— А то! Как только здесь оказался, сразу сделал запрос в эту... как ее...

— Центральную базу данных по всем известным формам жизни, — подсказал Николай.

— Во-во, — Гера согласно кивнул и снова приложился к фляге. — В базу. — Он коснулся экрана. — Вот.

«Организм не найден», — с изумлением прочитал Николай и в первый раз за весь вечер подумал: «А что, если Гера не врет насчет этой планеты?»

— Слушай, Гер, а как ты выбрался из Аута?

— Да повезло просто, — Гера зевнул. Язык у него уже заплетался. — Шел я, значит, шел... — Он откинулся в кресле и прикрыл глаза. — Ну и... наткнулся на один из маяков...

— А прыгнул в Аут ты от какого маяка?

— Не помню... в борткомпе можно посмотреть. А зачем тебе? — Гера открыл глаза и туманным взором посмотрел на Николая.

— Ну, это... как бы тебе сказать... Понимаешь, я еще не встречал никого, кто сумел вот так просто выбраться из Аута на суденышке малого класса, — Николай поднял брови и усмехнулся.

— Ты че, Ники? Намекаешь, что я не был в Ауте? — нахмурился Гера.

Николай не ответил, глядя в сторону.

— Хочешь сказать, что я вру? То есть, по-твоему, я врун! — Гера буравил его взглядом и, казалось, даже несколько протрезвел.

— Нет, Гера, я этого не говорил. Человек ты уважаемый, я верю тебе. И все же, если ты позволишь мне взглянуть...

— Ладно, черт с тобой. Пошли в рубку!

Потом в течение нескольких дней Николай только и делал, что думал о планете, набитой алмазами и дикими тварями. С одной стороны, глупо серьезно

относиться к пьяной болтовне такого прохвоста, как Гера, но с другой, Николай был совершенно уверен, что Герин «Олсо» действительно ходил в Аутполе, запись в бортовом компьютере подтверждала это. Также имелся анализ куска щупальца неизвестной формы жизни и анализ алмаза. Теоретически, при большом желании, все эти записи можно подделать, но зачем? Чтобы порисоваться перед каким-то мало-знакомым парнем? Как говорится: для красного слова не пожалеет и родного отца?.. Кто знает? Может быть... И все же...

И все же Николай не смог отмахнуться от шанса навсегда изменить свою жизнь к лучшему.

Из бортового компьютера «Олсо» он знал только координаты концевого маяка, за который прыгнул Гера, и отправные данные прыжка. А потом Гера долго шел в физическом космосе, отмечая свои перемещения относительно каких-то визуальных ориентиров, выбранных им наугад. Разобраться в этих путаных бессистемных записях было крайне затруднительно, почти невозможно.

Тем не менее Николай стартовал и довольно удачно: систему из одиночной звезды и трех планет он нашел сравнительно быстро. Облетев вторую планету, выбрал место для приземления как можно ближе к одному из озер. Все оказалось именно так, как рассказывал Гера.

Было только одно отличие: земля «задышала» сразу, стоило только выйти из корабля. Наверное, Гера первым побеспокоил тварей своим присутствием, и тот негативный опыт не прошел для них даром.

Николай отчаянно мчался к берегу, а из земли вылезали все новые щупальца, преграждая ему путь. Когда он увидел блеск первого алмаза, все вокруг уже кишело черно-зелеными извивающимися монстрами. Николай непрерывно стрелял, расчищая себе

дорогу, но все равно сумел схватить только один камень, да и тот пришлось буквально выдираТЬ из комка цепких щупалец. В отличие от Геры, он был в скафандре и только благодаря его защите сумел взять алмаз и сунуть его в закрепленный на поясе металлический контейнер. О том, чтобы искать другие камни, не могло быть и речи.

Обратно Николай несся, не прекращая огонь. Заряды кончились уже рядом с кораблем. Перезаряжаться времени не было. Он нырнул внутрь шлюза и ударил по кнопке, запирающей люк. Одна из тварей прыгнула следом и наполовину втиснулась в корабль, заклинив сегменты входного затвора. Сзади с остервенением напирала остальные. Николай пнул монстра ногой и тут же увяз в сплетении щупалец. Он выхватил из-за пояса нож и полосонул по черно-зеленым нитям. Тварь пронзительно чирикнула и с такой силой дернула его на себя, что он упал на спину. Изогнувшись, Николай одной рукой продолжал резать ножом щупальца, а другой наотмашь бил монстра разряженным бластером как дубинкой. Ногу сдавило так, что в голове помутилось. Тварь почти целиком пролезла внутрь корабля и уже нависала над Николаем огромным спутанным клубком. В середине черно-зеленой шевелящейся массы заметно выделялось светлое пятно. В глазах уже темнело от боли, Николай почти наугад взмахнул своим оружием, и ему повезло: нож по самую рукоять вошел в пятно. Тварь оглушительно взвизгнула и отпустила ногу. Под прикрытием неподвижного монстра Николай перезарядил бластер, отогнал тварей подальше от корабля и, выдохнув наружу труп, закрыл люк.

Потом он долго лежал на полу. Пот заливал глаза, правая нога жестоко кровоточила, ткань скафандра была изорвана в клочья. Все вокруг покрывали пятна

крови и густой темно-зеленой жижи. Снаружи молотили по корпусу, «Дон» раскачивало и трясло.

Четверо суток Николай провалялся в жару. Он бредил. Дни и ночи слились в один вязкий и тягостный кошмарный сон. Иногда боль вырывала его из беспамятства, и тогда он колол себе антибиотики и обезболивающее, после чего вновь впадал в забытие, наполненное темными видениями огромного черно-зеленого клубка, который нависал над ним, мокро блестя ядовитой кожей...

Теперь от посещения планеты монстров остались только длинные шрамы на правой ноге и еще то, что лежало в маленьком металлическом контейнере. То, что досталось Николаю потом и кровью. В буквальном смысле слова.

Николай открыл контейнер и вынул алмаз. Вот он, его билет в счастливое будущее. Он стал медленно поворачивать камень, в сотый раз рассматривая его со всех сторон, и внезапно ощутил сильное беспокойство. Николай отложил алмаз и сосредоточился на этом остром чувстве, пытаясь выявить его причину. Волнение продолжало нарастать, и когда казалось, что каждый нерв уже натянулся до предела, Николай вдруг понял, в чем дело.

Это было так необычно, что он нахмурился и замотал головой. Но избавиться от непрошеного понимания никак не удавалось, и вскоре Николай вынужден был признаться самому себе, что он действительно... слышит призыв о помощи! Но слышит не ушами, а как-то по-другому. Вроде как непосредственно разумом. Кто-то непрерывно посылал сигнал бедствия, и Николай ясно осознавал, откуда идет этот сигнал. Это настолько его поразило, что в голову поневоле стали закрадываться мысли: а не является ли то, что он «слышит», проявлением какого-нибудь психиче-

ского заболевания? А вдруг это последствия контакта с тварями?

С другой стороны, если сигнал реален, то как он может игнорировать чей-то непрерывный «SOS»?

Придется изменить курс. Он просто обязан откликнуться и оказать помощь тем, кто ее ждет! А заодно и убедиться в собственной нормальности.

Планета выглядела лишенной жизни пустыней. Там не было ни растений, ни воды, ничего, кроме серебристо-голубой точки, глянцевым бликом выделявшейся на фоне матовой красно-коричневой поверхности, во многих местах изъеденной кратерами. Уже находясь на орбите планеты, Николай окончательно убедился, что «крик» о помощи исходит именно из этого сверкающего блика. Он увеличил изображение, и глаза его округлились: блестящая точка оказалась большим аппаратом совершенно незнакомой конструкции. Загадочный агрегат не был похож на стационарную, возведенную на поверхности планеты установку, скорее, это была машина, способная двигаться, и, судя по форме, двигаться с большой скоростью.

«Звездолет, — одними губами произнес Николай, едва справляясь с охватившей его целой бурей чувств, — чужой звездолет!» Его переполняли волнение, возбуждение, удивление, любопытство и в то же время страх перед неведомым. Корабль явно принадлежал разумным существам, но никак не людям, слишком мало его конструкция походила на те, что были разработаны человеком.

Человечеству давно уже стало тесно на Земле. Люди расселились далеко за пределы Солнечной системы, колонизировали десятки планет, но разумной жизни так нигде и не нашли. Хотя попадались планеты и с растительностью, и с животным миром. В таких случаях местные виды безжалостно теснили,

а иногда планеты вообще подвергали полному терраформированию и населяли генетически преобразованной для тех или иных условий флорой и фауной, создавая экосистему, подобную Земной, после чего очередная часть человечества обретала новый дом. Так что все инопланетяне в пределах исследованного космоса были людьми, и встречи с пришельцами по-прежнему оставались фантастикой, а тщательно составленные когда-то подробные инструкции, что и как надо делать при первом контакте с братьями по разуму, без толку пылились где-то в освоенной зоне.

Нетрудно догадаться, подумал Николай, что первым пунктом подобной инструкции стоит указание немедленно связаться с соответствующими службами и сообщить о возможном контакте. Чтобы сделать это, надо вернуться туда, где есть уверенный прием опорного сигнала концевго маяка и прыгнуть в освоенную зону. Там придется долго убеждать нужных людей, что он не наркоман и не сумасшедший, и даже если ему, в конце концов, поверят, то ведь планета-то эта в Ауте! Так что неизвестно, сколько времени пройдет, пока подготовят и отправят сюда экспедицию. Да за такой срок те разумные существа, что молят о помощи, уже сто раз умрут...

С другой стороны, а что он-то лично может сделать? Ведь он совершенно не представляет себе, кто они такие, какова их физиология, потребности, что для них жизненно важно, а что нет! А вдруг они испугаются пришельца, возьмут, да и убьют его? Он же понятия не имеет, как надо себя с ними вести, он даже не знает их способа общения... Минуточку! Но их «SOS»-то он понял! Значит, можно как-то понять и остальное! Николай коснулся управляющих сенсоров, и корабль начал плавно снижаться.

С поверхности планеты звездолет выглядел внушительнее, чем с орбиты. Николай вышел из корабля и замер, рассматривая машину, созданную чужим разумом. Большая ее часть была овальной формы с крупным утолщением посередине, а после утолщения овал раздваивался, плавно переходя в два сильно вытянутых и сплюснутых конуса, из-за чего вся конструкция походила на не в меру разжиревшую ласточку. Николай решил, что конусы — это, скорее всего, хвостовая часть, и направился к овалу.

«Я пришел с миром», — вспомнил он старую затаканную фразу и проверил заряд в бластере.

Блестящее голубоватое покрытие звездолета на вид было абсолютно гладким, и Николай стал медленно обходить корабль, гадая, где и как ему отыскать вход. Помимо сигнала бедствия, его стало преследовать стойкое ощущение, что за ним напряженно наблюдают. Николай остановился, соображая, какие знаки подать, чтобы хозяева звездолета пустили его внутрь. Не придумав ничего лучше, он постучал по корпусу судна так, как обычно стучат в дверь. Никакого ответа не последовало.

Николай внимательно осмотрел весь звездолет, но так и не обнаружил ничего похожего на люк. Чужой корабль казался совершенно непроницаемым, а чувство, что невидимые наблюдатели внимательно следят за каждым его шагом, возросло настолько, что заболела голова. «Черт, так можно ходить до посинения! — разозлился он. — В конце концов, нужна им помощь или нет?! Мне что, тут целый день околачиваться? У меня и своих дел по горло». Он вспомнил алмаз в маленьком металлическом контейнере, и ему страстно захотелось вернуться на свой корабль. «Вот возьму сейчас и улечу!» Он в сердцах треснул кулаком по корпусу звездолета, и в тот же миг вдруг почувствовал, что неудержимо валится вперед. Перед

глазами возникла голубая, искрящаяся серебром взвесь каких-то мельчайших частиц, и через пару секунд шлем скафандра ударился обо что-то твердое. Николай обнаружил, что стоит на коленях, упираясь головой в землю. Он вскочил и прямо перед собой увидел их.

Они не являлись гуманоидами, но Николай сразу догадался, что это живые, разумные существа. Их было трое, и Николай не мог сравнить их ни с каким классом известных людям животных. Они походили на гибкие, высокие, под три метра, конусы, задрاپированные мягким ворсистым материалом. Оставалось неясным, покрыты ли они одеждой или же эти струящиеся сверху вниз белесые складки даны им природой. Кончики прозрачных коротких «ворсинок» слегка светились, а складки непрерывно двигались, меняя толщину, и это непрерывное плавное движение оказывало на Николая странное и в то же время приятное, успокаивающее воздействие. И это ему не понравилось. Он вовсе не хотел расслабляться и, чуть отступив, взялся за бластер, но оружие вдруг выскользнуло из пальцев и исчезло в складках стоявшего напротив существа. Все произошло в один миг, и Николай ничего не успел предпринять.

Двое инопланетян молниеносно переместились и оказались по бокам человека. Третий, выхвативший бластер, остался на месте. Складки его вновь задвигались, но уже в ином, противно колючем ритме. Бежать было некуда, и под пристальным «взглядом» (ибо у них не было ничего, что хотя бы отдаленно напоминало глаза) неизвестных существ Николай чувствовал себя безоружным пленником, по собственной дурости угодившим в ловушку.

Внезапно складки инопланетян снова изменили ритм движения, и Николай понял, что они приглашают его идти с ними, и это вовсе не приказ и не тре-

бование, а именно вежливое приглашение. Николай сделал шаг вперед. Существа синхронно скользнули вместе с ним и остановились в ожидании. Похоже, принуждать его к чему-либо они не собирались. Или делали вид, что не собираются.

«Ладно, пойду, раз уж я здесь», — подумал Николай и сразу же инопланетянин, стоявший напротив него, двинулся вперед. Николай зашагал за ним, двое других плыли рядом. Пока он шел, его не покидало ощущение, что существа перемещаются с гораздо меньшей скоростью, чем они привыкли. Их естественные движения были плавны и необычайно стремительны, а сейчас они специально еле-еле тащились, сопровождая угловатую и страшно медлительную «улитку». «Зачем я вам?» — мысленно спросил Николай, но ответа не получил. «Да уж, подобное общение трудно назвать диалогом. «Молчаливые» ребята», — подумал он, пытаясь разглядеть интерьер чужого корабля.

Увидеть, однако, ничего не удавалось. Чистое пространство вокруг него и инопланетян обрывалось примерно на расстоянии метра от каждого, а дальше повсюду — сверху, снизу, по сторонам — висела искрящаяся масса мельчайших частиц, такая же, как он видел, когда проникал сквозь стену звездолета. Николай взглянул на датчики скафандра: чертовский холод — минус 73,8 градуса и абсолютно непригодный для дыхания воздух.

Вскоре взвесь впереди расступилась, открывая помещение, в центре которого возвышалась белая матовая полусфера метра полтора в диаметре. Вокруг нее располагались четыре овальных предмета поменьше, с высокими выпуклостями по центру.

Каждый из инопланетян скользнул к предмету и мгновенным, едва уловимым движением покрыл его собой, приняв почти шарообразную форму.

Стало ясно, что четвертое место явно предназначено для гостя.

«Может, я лучше постою?» — мысленно спросил Николай, не представляя, как будет сохранять равновесие, взгромоздившись (в скафандре к тому же!) на эту ужасную выпуклость. Ответа не последовало. «Что ж, придется как-то балансировать», — с тоской подумал Николай и поплелся к предложенному месту. Но мучиться не пришлось: стоило только коснуться предмета, как он мгновенно изменил форму, превратившись в кривоватый, но вполне сносный стул.

Николай опустился на сидение и сразу почувствовал, что большая белая полусфера в центре комнаты соединяет в единую сеть разумь всех сидящих вокруг. Мелькнуло ощущение, что не только скорость передвижения, но и скорость его восприятия намного ниже, чем у инопланетян. Да и способ мышления тоже совершенно не совпадает. Видимо, потому они и не отвечали на его вопросы, а эта белая полусфера была чем-то наподобие компьютера, помогавшего наладить связь человеческого мозга с мыслительными аппаратами пришельцев.

Правда, четкого обмена информацией все равно не получилось, наверное, это было невозможно в принципе. Николая захлестывала какая-то жуткая мешанина непонятных сведений, непривычных и чуждых человеческому разуму представлений. Казалось, голова скоро лопнет от напряжения, а он так и не сможет ничего разобрать. И все же спустя некоторое время после того, как инопланетяне три или четыре раза повторили сообщение, разум «улитки» сумел кое-как приспособиться и уловить главное.

Их космические суда тоже использовали «прыжки», чтобы путешествовать к далеким звездам. Как они это делали, осталось для Николая загадкой.

Современные корабли, созданные человеком, имели специальный гравитационный привод, позволявший искривлять пространство-время для быстрого перемещения на огромные расстояния. Но в потоке информации, вихрем пронесившемся у него в голове, Николай не увидел ничего подобного. Зато он понял, что та неприятность, из-за которой инопланетяне лишились возможности лететь, куда им надо, произошла на звездолете именно во время «прыжка». Вышла из строя (почему-то они говорили «умерла», словно имели в виду живое существо) ключевая деталь, контролирующая «прокол» пространства. В результате вместо заданной точки они оказались здесь, в месте, безумно далеко не только от пункта назначения, но и вообще от всех звездных трасс, проложенных их цивилизацией.

«Погибшая» деталь, к сожалению, восстановлению не подлежала, а без нее переместиться туда, где они могли связаться с кем-то из своей расы, было невозможно. Без нее они застряли тут навсегда и умрут, когда на корабле закончится энергия.

Существа синхронно покачали складками, и Николай понял, что сейчас они покажут ему, как выглядит та самая ключевая деталь.

Процесс выхода из чужого звездолета оказался точно таким же, как и входа. Николай провалился через искрящуюся голубую массу и оказался снаружи, стоя на коленях и упираясь шлемом в красную почву планеты. Он встал и увидел рядом на земле свой бластер. Николай поднял оружие и медленно пошел к своему кораблю. Он был оглушен, подавлен и хмур. Сильно болела голова. «Какого черта? — думал он, — какого черта я должен приносить такие жертвы ради каких-то бестолковых складчатых конусов? Они по собственной вине вляпались по самое не балуй, а я —

расплачивайся?!» — Он злобно пнул попавшийся под ноги камень.

Хуже всего, что они ничего не требуют, а только просят. Лучше б ворвались к нему на корабль и взяли то, что им нужно, силой. Насколько тогда все было бы проще! Ну и что, что у них нет оружия! Сунули бы ему в нос его же собственный бластер и отобрали, что хотят. Так нет! Предоставили свободу выбора, понимаешь, едрена матрена!

Николай подошел к своему «Дону» и остановился, только сейчас обратив внимание, что больше не слышит сигнала бедствия. Что за черт? Почему? Ведь его корабль не единственный во всем космосе, и их «SOS» в любой момент может перехватить кто-нибудь еще! Зачем же они отключили сигнал? И вдруг он понял, зачем. Они давали ему возможность спокойно подумать. Они считали, что не вправе давить на «улитку»!

Он обернулся и посмотрел на чужой звездолет. Гладкая серо-голубая «ласточка» все так же стояла, сверкая в лучах местного светила. Она была неподвижна и безмолвна, но Николай знал, что там, внутри, живые разумные существа сейчас с замиранием сердца (или что там у них есть вместо этого органа) наблюдают за его кораблем и ждут его решения.

«Господи, ну за что мне все это?!» Он вздохнул и отпер входной люк.

Войдя в рубку, Николай опустился на кресло. Голову отпустило, но он чувствовал себя страшно разбитым. Эх, взять бы сейчас, нажать вот эту кнопку, потом эту... и привет! Через пятнадцать минут его и след простынет. А конусы... А что конусы? Расстроено потрясут своими складками и подумают, что все «улитки» сволочи. Ну и хрен с ним! Наплевать! Все равно никто ничего не узнает. К тому же, вполне возможно, конусы и без него

сумеют выкарабкаться. Кто-нибудь еще пролетит мимо и...

Ложь! Николай откинулся назад. Ложь, и он прекрасно знает об этом. Здесь Аут. Мертвая зона. Здесь никто не летает мимо. Никто их не спасет. Надо повернуться к правде лицом и ответить самому себе на вопрос: готов ли он бросить их умирать? Сможет ли он спокойно вернуться домой и жить дальше, забыв о существах, которые разумны, но настолько безобидны, что не способны на агрессию даже во имя спасения собственной жизни? И не только собственной. Там, на чужом звездолете, был еще один инопланетянин, четвертый. И он явно не мог самостоятельно позаботиться о себе. Николай прикрыл глаза и придал креслу почти лежачее положение.

Он увидел его перед самым уходом с чужого звездолета. Инопланетяне уже покинули свои места возле белой полусферы, и Николай тоже встал, собираясь проследовать за ними к выходу, как вдруг прямо из серебристой взвеси вылетело это существо. Оно двигалось столь стремительно, что человеческий глаз не мог различить его очертания, и только когда оно на пару секунд застыло прямо напротив Николая, он увидел, что это тоже задрапированный конус, только раза в три меньше, чем остальные инопланетяне. Складки его находились в полнейшем беспорядке, хаотично мотаясь в разные стороны, ворсинки оцетинились, а в голове у Николая носился целый ураган совершенно непостижимой для его разума информации. Он ничего не мог понять, только чувствовал, что маленький конус потрясен их встречей. Один из больших инопланетян молниеносно скользнул к малышу, и они скрылись из вида в серо-голубом тумане. Николай стоял с открытым от удивления ртом и смотрел

им вслед. Ураган чуждых мыслей и страстей исчез, но голова так болела, словно ему со всей силы врезали дубиной по затылку.

Только сейчас боль окончательно прошла. Да уж, этот маленький конус задал ему жару! Большие инопланетяне явно не собирались показывать ему малыша. Это произошло случайно, и они ничего не стали объяснять Николаю, просто проводили его к выходу. Но разве тут нужно что-то объяснять? Уж не настолько тупа «улитка», чтобы не сообразить, кто этот маленький, подвижный и такой непосредственный в своем поведении конус! Может, его родитель тот, что увел малыша из комнаты, а может быть, все трое. Кто знает, как у них происходит процесс размножения... Да и какое это имеет значение? На борту чужого звездолета есть ребенок — вот что главное! И сколько бы Николай ни старался не думать об этом, его мысли будут все время возвращаться к этому малышу...

Николай открыл глаза и поднял спинку кресла в вертикальное положение. Потом достал маленький металлический контейнер и открыл крышку. Алмаз ослепительно блеснул в ярком свете корабельных ламп. Вот она, та самая ключевая деталь. Елки-палки, ведь он совсем небольшой! Какого хрена они не имели запасного, если он так важен для управления звездолетом?! Николай усмехнулся. Опять он за свое! Пытается объяснить их поведение с помощью человеческой логики, ничего не зная ни об устройстве их звездолета, ни об их родном мире, ни об их обществе! Впрочем, нет, кое-что ему все-таки известно. Например, что они категорически отрицают насилие. Стоило сообщить им о набитой алмазами и тварями планете, как они сразу дали понять, что убийство животных для них абсолютно неприемлемо.

Николай вынул алмаз и положил его на ладонь. Они даже к этому камню относятся бережно. Думают о нем, как о живом существе. Интересно, почему? Может, они что-то сделают с ним, превратят в нечто иное? А может, камни — действительно живые существа, просто людям не дано это заметить?

Он сжал пальцы. Сколько он вынес, добывая этот алмаз! Сколько крови пролил и какого страха натерпелся! Сколько вложил труда и сил! Сколько запретов нарушил и сколько денег одолжил... Оружие, боеприпасы, два запасных скафандра, дорогой анализатор... И в результате? В результате теперь он имел все: суперчип прямой нейронной связи, интересную работу, счастливую безбедную жизнь! Все это было здесь, в его кулаке! И здесь же он держал жизнь четырех инопланетян, их дорогу туда, где ему никогда не доведется побывать. Он больше не увидит этих существ и даже не узнает, смогли ли они успешно добраться до дома. Их миры слишком далеки друг от друга.

Он встал. Какого черта! К чему тянуть! Все его размышления не стоят и выеденного яйца, потому что, на самом деле, он давно уже принял решение. Еще там, на чужом звездолете... когда увидел маленький конус.

Выйдя из корабля, Николай зашагал к серебристо-голубой «ласточке». Когда-нибудь, лет через двести, триста или тысячу, люди непременно встретят братьев по разуму. Это будут складчатые конусы... или кто-то другой. Но встреча непременно состоится, теперь он это точно знал.

...Кристаллический углерод, гексагональная модификация, угол C-C-C равен 109 градусам 28 минутам...

«Держи, малыш! Это твой билет в будущее».

Юлия Кравченко

Летним утром

Вы знаете, как пахнет летнее утро? Это самый лучший в мире запах! Ранее утро начала июня пахнет небесной лазурью, солнечным светом и немного кофейными зернами.

Наступает утро. Я взлетаю, кружу над утренним городом. Воздух такой свежий и немного сладкий на вкус; желто-розовое солнце встает над домами, освещая крыши многоэтажек и кроны деревьев, отчего те переливаются всеми мыслимыми оттенками золота. Дворники в длинных передниках метут внизу пыльные улицы.

Я пролетаю над маленькой кофейней, из нее доносятся вкусный запах молотого кофе и корицы. Я спускаюсь ниже, заглядываю в окно. В такую рань здесь еще совсем пусто. И только за столиком у окна сидит незнакомец. Он-то мне и нужен. Молодой человек что-то быстро печатает на маленьком серебристом лэптопе, прихлебывая черный ароматный кофе из большой кружки, и улыбается каким-то своим мыслям. Официант приносит ему плетеную корзинку с круассанами.

Запах кофе приятно щекочет ноздри, и мне хочется хотя бы на минутку стать обычным человеком и завтракать вот так в маленькой кофейне, вдыхая горький кофейный аромат вместе с запахом свежих газет и чистого летнего утра.

Ах, как бы мне хотелось сейчас чашечку кофе и кружочек хрустящего круассана с корицей! Полжизни бы отдала за эту пахучую выпечку и чашку свежесваренного кофе! Но мне нужно спешить. Время не ждет. Я снова взмываю вверх.

Город совсем скоро проснется. Люди заспешат кто куда по своим важным делам, загудят машины, нач-

Кравченко Юлия Владимировна

Родилась в Крыму 3 февраля 1982 года. В 2004 г. закончила Киевский Национальный Педагогический Университет им. М.П. Драгоманова, факультет иностранной филологии, в 2007 году Крымскую Академию Природоохранного и Курортного строительства, факультет туризма.

С 2003 по 2008 г. работала в Футбольном Клубе «Таврия» г. Симферополь, с 2008 г. по сегодняшний день в ближневозточных филиалах различных компаний (Багдад и Басра).

нется обычная городская круговерть, за которой уже не будет слышно пения птиц и горьковатого запаха кофейных зерен.

Я непременно должна устроить так, чтобы эти двое сегодня встретились.

Ах, да. Позвольте представиться. Я — Фея. Нет, конечно же, это не мое имя. Зовут меня совсем иначе. Для человеческого уха слишком непривычно и сложно. Фея — моя профессия, должность, призвание, если хотите. Специализация — Любовь и Романтика.

А молодой человек за столиком в кафе — начинающий писатель. Сейчас он пишет свою книгу. О любви, о радости, о солнечном лете. Он забавный и милый, это — автор. Немного застенчивый, немного неловкий. Но как он смотрел на нее вчера весь вечер! Смотрел и краснел без конца, провожая взглядом ее каждое движение. А она посмеивалась над его нелепым видом и забавным галстуком. И тоже заливалась краской каждый раз, когда они встречались взглядами.

Они познакомились на презентации скучной мудреной книги одного очень модного писателя. Выпили по бокалу шампанского, поболтали ни о чем и разошлись каждый по своим углам. То ли в силу своей интеллигентности и хорошего воспитания, то ли просто от страха он не решился проводить ее домой. А она так и не собралась с духом дать ему свой номер телефона. Не сложилось. К сожалению, это случается очень часто.

Но я увидела между ними Искру. Даже не искру, а целую молнию, электрический разряд. О, поверьте мне, я знаю в этом толк! Ведь я же — Фея. В этом городе среди пафоса и шума люди не могут пробиться сквозь маски, достучаться, боятся открыть друг другу сердца. И искры гаснут внутри них, так и не выбравшись на поверхность.

Только феям дано видеть искры. Они похожи на маленькие звездочки, витают в воздухе сплошь и рядом: на остановке трамвая, в кинотеатре, ночном клубе, библиотеке. Лови, раздувай и дари людям свет. Надо только присмотреться повнимательней. Но люди не всегда дают искрам разгораться, наверное, боятся пожаров.

И мне нужно во что бы то ни стало соединить тех двоих, разжечь их искру, пробудить огонь в их сердцах.

Может быть, они никогда не поженятся, не будут жить долго и счастливо и не умрут в один день. Но если они будут вместе, они подарят Вселенной маленькую искорку от их огня. И всем станет теплее.

Это и есть моя работа. Этим я и занята с утра до вечера. Ищу искры, которые вспыхивают между людьми, и раздуваю из них огонь. Иногда огонь затухает, так толком и не разгоревшись, а иногда горит, красиво и ровно, согревая всех нас своим пламенем, — и фей, и людей. А может и разгореться не на шутку, сжигая все на своем пути. И только от двоих зависит, каким будет их пламя. Даже феи не могут на это повлиять. Наше дело — искать искры, а огонь поддерживают люди.

Молодого человека за столиком кафе оставлю ненадолго наедине с кофе и круассанами. А сама полечу искать Ее. Мне во что бы то ни стало нужно дать этим двоим шанс.

Вчера она сказала, что работает в издательстве. Как там оно называется? «Молодое Дарование»? Нет, «Юный Гений». Точно! Ну что же, лечу в это самое издательство. Хорошо, что в небе нет пробок и не штрафуют за превышение скорости. Пока я в воздухе, люди меня не видят, что очень удобно, а как только касаюсь земли — становлюсь с виду обычной девушкой, что тоже неплохо.

Я мягко планирую и приземляюсь на крыльцо здания издательства. Так, теперь надо принять «издательский» вид. Достаяю из сумочки очки, напяливаю на нос. Охранник на входе почтительно уступает дорогу.

Где у нас тут отдел по работе с молодыми талантливыми авторами? Какой этаж? Пятнадцатый? Эх, надо было приземляться на крыше! Теперь придется тащиться на лифте. Ах, как же медленно он ползет. А я спешу, очень спешу!

Она работает редактором по работе с начинающими авторами. Ох, и нелегкая же у нее работа! Я звонко стучу каблучками по паркетному полу издательства. Очень хочется взлететь, но нельзя. Сейчас я временно человек. А людям летать не полагается. Тихонько приоткрываю дверь ее кабинета. Можно? Как здесь мило. Просторно и много света.

Она сидит за столом, с карандашом в руке, просматривая исписанные мелким почерком листки бумаги, наверное, рукописи. Я невольно люблюсь ею. Право же, просто дивно хороша! Большие зеленые глаза, длинные русые волосы, улыбка немного смущенная и печальная. Мало кто устоит. Даа, наверное, ухажеров у нее много. И как мне быть с моим нелепым стеснительным писателем? Ума не приложу. Но я настроена решительно.

Я тихонько кашляю, чтобы привлечь ее внимание. Она поднимает на меня зеленые глазщицы, обрамленные темной линией густых ресниц. На губах играет все та же отрешенная улыбка.

— Здравствуйте, — серьезно начинаю я. — Я литературный агент одного, еще не известного, но очень талантливого писателя. — Я пытаюсь придать себе многозначительный вид.

— Какого писателя? — спрашивает она.

— Это не имеет значения, — уклончиво отвечаю я. — Могу сказать одно, он чрезвычайно талантлив и весьма перспективен. — Я с умным видом спускаю очки почти на самый кончик носа. Мне кажется, так я выгляжу намного представительнее.

— Ну что же... Мы рады сотрудничеству с молодыми, а особенно с талантливыми авторами. Пусть высылает нам свои рукописи, — ее мелодичный негромкий голос звенит, как серебряный ручей. Я ни капли не удивляюсь, что мой писатель потерял из-за нее сон и покой.

— Я думаю, вам нужно с ним для начала встретиться, пообщаться. Как насчет сегодня? Скажем, в десять во французской кондитерской?

Она недоуменно поднимает брови. Я явно поторопилась. Не стоило так грубо напирать. Могу спугнуть. Все-таки она тонкая натура.

— Понимаете, просто при личной встрече вы могли бы сложить самое верное о нем впечатление.

— Вы знаете, мне важнее впечатления о его творчестве, нежели о нем лично, — не сдается она.

— Но... — все еще пытаюсь возражать я.

— Хватит! — резко говорит она без тени улыбки.

— Что хватит? — не понимаю я.

— Ломать комедию хватит! — она сурово смотрит на меня изумрудно-зелеными глазами. — Я уже тебя давно раскусила. Ты из какого департамента, подруга?

— Любви и Романтики... — лепечу в ответ.

— А я из департамента Муз и Вдохновения, — сурово отвечает она. — Тебе чего надо? Встречная проверка, что ли?

Этого я никак не ожидала. Вот это поворот. Из Департамента Муз и Вдохновения. ...Так она Муза? Не может быть! Горе мне, горе! Ну как же я могла? Ну, конечно же, она Муза! Поэтому она так невозможно красива, и романтична, и мила, и взгляд такой ... всепонимающий. Чтобы вдохновлять и мотивировать юные дарования! Это всего-навсего ее работа. Заставлять их сердца взволнованно биться, лишая сна и обрекая на творческие муки. А потом дарить миру свои творенья.

А как же искра? Я же точно помню, искра была, и не одна, а даже несколько! И тут до меня дошло. Это и не искры вовсе были. Вернее, искры, но не Любви. А Вдохновения. Вдохновения, помноженного на легкую влюбленность и шампанское. Теперь все понятно. Спутать Любовь и Вдохновение... Как же я могла так ошибиться?!

Я поднимаюсь со стула. Снимаю очки и прячу их в сумку.

Что ж, и среди фей бывают дуры.

— Так чего хотела-то, подруга? — спрашивает зеленоглазая Муза.

— Так. Ничего... — Я пожимаю плечами и направляюсь к выходу. Настоящей любви мне здесь не найти. Только Фантазию и Вдохновение, а это не моя специализация.

Но на полпути к двери я разворачиваюсь и возвращаюсь обратно.

— Вот, возьми хотя бы его телефончик. Все-таки, он — молодой талантливый автор, — я протягиваю бумажку с номером его телефона и выхожу, тихонько прикрывая за собой дверь.

Снова взмываю вверх и лечу над высотками, крышами и облаками.

Квартальной премии не видать. Полечу хотя бы кофе выпью. С круассанами.

Александра Колегова

Музы

История про нее.

Она родилась в каком-то веке, в каком-то малоизвестном городе. Она жила в своем выдуманном мире и не хотела принимать условия жизни реальной. Возможно, она была сумасшедшей, возможно, с ней могло случиться все, что угодно, возможно, у нее было очень хорошее воображение. Этого никто и никогда не узнает, хотя бы потому, что сама она об этом не помнит.

Она выглядит на 18 лет. У нее темные курчавые волосы. Карие, хотя нет, постойте, у нее даже не карие глаза, а шоколадные. Такого приятного оттенка, спокойные. Обычно она приходит в платье, с распущенными волосами и совсем без макияжа. Если честно, он ей и не нужен. Потому что, во-первых, она имеет идеальную кожу, во-вторых, ее ресницы и так очень пышные и длинные, в-третьих, она считает, что косметика вредна.

Она очень любит петь, любит танцевать и рисовать, любить поэзию и прозу. Она сказала, что не помнит своего имени, и предложила назвать ее так, как вам хочется. Она просила, чтобы я называла ее лишь как «Она». Это был ее выбор.

Она невероятно весела. Она любит шутки слушать и рассказывать. Она очень любит небо, особенно голубое небо. Когда яркое солнце расположено прямо над ней, она частенько вытягивается, тянет руки вверх, прыгает, в общем, ведет себя, как маленький ребенок. Когда идет сильный дождь, она часто садится у окна и начинает рассуждать о чем-либо возвышенном.

Она любит шептаться. Она любит улыбаться глазами. Она стремится к солнцу. Она поет песни, которые придумала сама. Она любит животных и птиц. Особенно маленьких обычных воробьев.

Колегова Александра Игоревна

Родилась 17 марта 1994 года в Сыктывкаре. Учится в Лицее Народной Дипломатии, в 10 классе. Увлекалась бисероплетением, лозоплетением. Сочиняла еще в детстве, в детском саду. Печаталась в сборниках, выпущенных школой, и в сборнике «Волшебная строка – 2010, 2011»

Она любит весну. Она любит возрождение. Она любит чувство легкости и полета. Она любит играть с водой.

Она способна на многое. И она...

Когда Ричард заметил ее, то сильно удивился. Такая внешность, она была такой... такой... Как будто богиня солнца спустилась вниз и теперь живет среди людей. И, правда, ее улыбка согревала.

Она была какой-то чудесной. Просто искренней и такой... странно влюбленной. Как будто любила весь мир. Ричард запомнил, как она смеялась, как ее глаза были искренними и теплыми.

Когда они познакомились, все прошло как-то быстро. Она поняла, что что-то чувствует. Но она не хотела этого. Она хотела любить весь мир, а не видеть его в нем. Она не могла себе этого позволить. Ей нельзя было оставаться рядом с ним. Но когда Ричард сделал ей предложение, она не смогла отказать ему.

Это было так странно. Она была одаренной, необыкновенно одаренной. Она умела петь, танцевать, рисовать, писать. Казалось, она умела все. За несколько дней она успевала в превосходстве осилить любую науку, даже самую сложнейшую. Ей все давалось легко. И она умела располагать к себе людей.

Она чувствовала себя самой счастливой. Она всегда веселилась и радовалась. Она необыкновенно была рада чувствовать себя сначала невестой, а потом женой. Она просто жила и дарила счастье всем-всем-всем. Она, казалось, стала еще более доброй. Казалось, что ее любовь к этому миру стала еще больше. Стала настолько большой, что просто выливалась на каждого.

Но...

У нее, как и у всех волшебных людей, была своя жизнь, которая не должна была стать обычной. К тому же она была вовсе не человеком. И те, кто стоял над ней, кто был главнее... они приказали отказаться от человеческой жизни.

Услышав об этом, она впервые почувствовала боль. Она не могла расстаться с Ричардом. Не могла. Просто не могла. Она не знала, как ей поступить.

Приказ был повторен. Она послушалась. Она не знала, что будет дальше. Она теперь ничего не понимала. И к тому же... она ждала ребенка.

Ричард заботился о ней.

Прошло пять месяцев.

Приказов она больше не получила.

Казалось, что она стала обычной.

Ричард слышал, как она плачет и просит кого-то уйти. Он поднялся с кровати и вышел в коридор. Там стояла она и еще какой-то незнакомый человек. Он был похож на нее. Чем-то. Хотя и выглядел по-другому. Это был парень с черными лохматыми волосами, черными глазами, он был смуглый, одет в джинсы и голубую футболку. Но Ричард чувствовал в нем нечто необычное.

Ричард подошел к своей жене.

— Пожалуйста, — попросила она.

— Нет, — голос парня не был жестким. Он был каким-то обреченным. Он был несчастлив.

— Что происходит? — спросил Ричард.

Ему никто не ответил, она лишь схватила его ладонь и чуть сжала ее. Это дало Ричарду какую-то храбрость. Необъяснимую храбрость.

— Пожалуйста, — вновь попросила она.

— Нет, — чуть жестче сказал парень.

— Послушай, уходи отсюда, парень, — сказал Ричард, которому это все начало надоедать. Он сделал шаг вперед и почувствовал невероятную волну отчаяния.

— Не надо, — испуганно вскрикнула она и бросилась вперед к парню.

— Ты должна вернуться, — сказал парень.

— Я вернусь. Я вернусь, — повторила она грустно. — Только ребенок, дайте мне родить ребенка.

— Нет.

— Хорошо, тогда пообещай, что с моей малышкой все будет хорошо, — сказала она обреченно.

Парень задумался и ответил «да».

Ричард открыл глаза и посмотрел на свою комнату. Ричард посмотрел на прикроватный столик и потерял странный отпечаток, как будто там когда-то стояла фотография. Ричард вышел из комнаты. В доме было как-то странно пусто. Как будто чего-то не хватало.

Но Ричард всегда жил в этом доме. Один. Не правда ли?! Правда. Но... отчего-то Ричарду было очень плохо на душе. Очень больно. И очень кого-то не хватало.

Она попала в свой родной дом. Ей было невероятно больно от осознания мысли, что Ричарда она никогда больше не увидит. Единственное, что ее поддерживало, — это ребенок. Но...

Ребенка вынули из нее. И ей сообщили, что девочка погибла.

Она хотела бы умереть, но не могла. Она хотела бы вынуть из себя сердце, но и это было невозможно сделать.

Ее посадили в тюрьму на 100 лет.

Чтобы она не имела ни единой возможности встретиться с Ричардом.

Еще одна часть про нее.

Серо-зеленые глаза были редки среди ее знакомых. Таких не существовало вовсе. Но там, внизу, она уже знала, там, внизу, живут великие люди, которые так свободны.

Ее называли Анной. Хотя... к чему это имя? Она не любила, когда все так официально. Она любила свободу. Во всем. И она сказала своему наставнику, когда он назвал ее так, что он не вправе навязывать имя. Наставник Анны был не строгим, но в этот момент он почему-то очень остро отреагировал на ее слова. «Послушай, немедленно забирай свои слова, иначе мне придется доложить все моему начальству!» — сказал тогда он. Анна не стала забирать слова, более того, она в ответ сказала, что требовать взять свои слова обратно не имеет права никто.

В итоге рядом с ней теперь всегда находился кто-то из наблюдателей. Как будто она была какой-то прездательницей.

Она решила теперь быть тише воды, ниже травы. Поэтому как, если бы была хоть какая-то неосторожность, допущенная ею, Анну бы не отпустили на такую желанную ЗЕМЛЮ...

Только сначала надо было сдать все экзамены. А для этого надо было подготовить что-то про землю.

Анна размышляла над тем, чтобы ей такого рассказать, чтобы все ахнули. Ей очень хотелось как можно быстрее попасть на Землю.

Радостная, она подбежала к своему наставнику:

— Скажите, а можно рассказать о ней?

— О ком? — не понял ее наставник.

— Ну... о той, которая полюбила человека?! — спросила восторженно она.

— Анна, нет, нет, нет! — отрезал наставник.

— Почему? — спросила она.

— Ей осталось еще 60 лет сидеть в тюрьме. Лишь по истечении половины срока к ней будут допускаться посетители, — сказал наставник.

Он посоветовал ей сделать какую-то «мутную» тему. Анна сдала на «отлично». И была допущена на Землю.

Она была разочарована Землей. Она считала, что люди свободны. Но это было не так. Люди были еще хуже. Люди были рабами привычек, упрямства, гордости.

Она нашла себе жилье. Устроилась там, обустроила все по своему желанию. Рядом с ее домом, который не был виден людям, был красивый пруд, в котором плавали белые лебеди.

Здесь часто гуляли люди, подкармливали птиц. Но единственный человек, к которому подплывали эти прекрасные птицы, приходил сюда каждый день в шесть часов вечера. Ему было уже много лет. Но он все равно стоял здесь и смеялся с птицами. Да-да, именно смеялся с птицами. Они плавали вокруг друг друга, иногда показывали ему разные номера. И тогда он улыбался.

Они встречались множество раз. И Анна желала познакомиться с ним. Однажды, когда они стояли вместе возле пруда и лебеди подплывали к ним по очереди, мужчина заговорил.

Он взглянул на дом Анны и сказал:

— Вы верите, что этот мир такой обыкновенный?

— Смотря, что Вы имеете в виду, — осторожно ответила Анна.

— Вам не кажется, что рядом с обычными людьми обязательно должны жить такие существа... великие... такие сильные... Музы что ли... не знаю. Я не уверен в своих ощущениях. Но вот мой взор рисует вон там красивый такой маленький домик. Наверное, я схожу с ума, — рассмеялся он.

— Как Вас зовут? — спросила она.

— Ричард. Меня зовут Ричард, — сказал мужчина.

— А меня Анна. Быть может, Вы и правы и там действительно находится дом, — сказала она.

Ричард склонил внезапно голову и стал тщательно наблюдать за птицами. На темной глади воды проплывали два лебедя. Они плыли вместе, плыли, а потом разошлись. И от этого Ричарду стало так плохо, где-то внутри, в области сердца. Он схватился за сердце и начал оседать на землю.

Она почувствовала, как что-то ужасно острое вонзилось ей в сердце. Она опустила глаза вниз, но ничего не было. Лишь жуткая боль, которая не позволяла двигаться. Она улыбнулась и упала.

Наконец-то ей было больно по-настоящему. Наконец-то она не чувствует боли из-за потери родных людей. Дышать было больно. Она делала небольшие глотки воздуха. Лежала на холодном полу и вдыхала по чуть-чуть.

Ричард всю жизнь искал ее, ту единственную и неповторимую. В душе жил ее образ, но Ричард не мог найти, сколько бы ни искал.

Анна приложила руку к сердцу Ричарда и привела его в порядок. Но Ричарду нужен был уход. Она приложила ладонь к его лбу и узнала, где он живет. Она довезла его до дома, уложила на кровать и приготовила чай с лимоном. Потом выпила сама этот чай. Потом налила новый чай, поднялась в его комнату и поняла, что все это правда.

Она жила здесь. Она жила здесь совсем маленькой, когда еще не могла ничего сделать и была во власти родителей. Но почему? Что? Как?

Анна узнала, что Ричарду стерли память. Точнее попытались стереть. Она смогла защитить Ричарда. Чуть-чуть, но смогла.

Все это складывалось в необыкновенную картинку. Ее мать была той самой, заключенной в тюрьме. На 100 лет заключения, чтобы не было возможности увидеть Ричарда. Чтоб она никогда не узнала, что Анна ее дочь.

Под покровом ночи Софи прокралась к тюрьме. Софи... Это имя ей нравилось гораздо больше, чем Анна. Хотя бы по тому, что она слышала, как ее называла так мама. Мама. Мама. У нее есть... мама...

Софи осторожно сняла все замки. Казалось, что их никто и не накладывал, так все было просто. Софи вошла в тюрьму и увидела, как она лежит на полу с улыбкой на лице.

Софи склонилась над девушкой. Она была так молода. 18-летняя мама. И 18-летняя дочь. Софи дотронулась до ее лица. Оно было так прекрасно. Она была похожа на ангела.

Неужели она умерла?

Софи склонилась над ней.

— Мама, мама, мамочка, не умирай. Это я, Софи. И Ричард. Мы ждем тебя, возвращайся, пожалуйста, — сказала Софи. И тут внезапно она исчезла.

— Мама? — спросила Софи.

Но молчание было ей ответом.

Ричард открыл глаза. Она лежала рядом с ним. Ее лицо было такое ангельское. Такое... самое-самое лучшее. Ему снился странный сон, что он ее потерял. Что ему уже 60 лет, а он все еще ищет ее. А она лежит тут и улыбается. Ричард взял фотографию с прикроватного столика и улыбнулся.

— Где ты, Софи? — спросил он внезапно. Потом посмотрел на свою жену. Она проснулась и лукаво улыбнулась.

— Софи с нами, — сказала она.

Ее улыбка была, как прежде, самой лучшей.

Солнце заглянуло в их комнату, создав солнечный путь. Она поднялась и подбежала к нему. Они крепко-крепко обняли друг друга. А в этом солнечном свете пылинки собирались в изображение Софи, она улыбнулась и исчезла, почувствовав себя вновь в тепле и уюте, ну и пусть, что там темно...

Вадим Осипов

Доктор

Доктор проснулся сразу, одним рывком, как будто вынырнул из темной глубины, где не было ни зрения, ни слуха, ни дыхания. Разлепил веки и посмотрел на абсолютно серый квадратик окошечка в противоположной стене. Рассвет. И сразу вспомнил, что он — Доктор, что от него теперь зависит жизнь и озерских, и лесных, в деревушках между Лысой пустошью и Большими Воронками. И вспомнил, что никакой он не доктор, а бывший инженер, торговец, писатель — кто угодно, но не врач. Просто на него показал Проводник, пришедший вчера вечером в лесную деревню, и все сразу согласилось, и взгляды у людей стали другими... в дорогу помогали собираться заботливо, но торопливо.

Вспомнил, как плыли ночью по лабиринтам из воды и тростника на странной неустойчивой железной лодке, похожей на перевернутую крышку гроба. Сверху разливалась красотища звезд и тонких светящихся зеленоватых облаков, похожих на северное сияние, а Доктор вцепился в борта лодки и сидел неподвижно, до онемения в затекшем теле. До воды от края бортов оставалось высоты на два пальца, а внизу три метра ледяного рассола, телорез и беспощадные голодные рыбы. И потом этот крохотный домик на сваях посреди заросшего озера — как спасение.

Видно, он шевельнулся на жесткой лежанке и выдал себя, потому что на соседних нарах сейчас же приподнялся и сел Проводник, толкнул рукой наружу маленькую, обитую ржавым железом дверцу, и в проявившемся сером сумраке пристально по-

Осипов Вадим Вениаминович

Родился 8 мая 1954 года в Свердловске.

По образованию — инженер-металлург. Член Союза писателей России, поэт, переводчик, фотограф. Доцент кафедры графического дизайна УралГАХА.

смотрел на Доктора выпуклыми светлыми глазами. Бородища венником, волосы седые, а глаза добрые, почти детские.

Проводник цыкнул зубом и сказал: «Ну что, Доктор, сейчас чайку попьем и поедем дальше. Горяченького обязательно надо попить, без этого никак нельзя» — и завозился с крохотной печуркой, которая стояла прямо на столике, прибитом к стенке, на большом круглом подносе. Весело загудело маленькое пламя. Пока Доктор выходил наружу, балансировал на тонких узких досках, плескал холодом в лицо, вытирался тряпочкой из кармана куртки, чай уже вскипел в маленькой кастрюльке. Молча напились кипятка с душистыми листьями, сгрызли по паре сухарей. В висках все стучало: «Доктор, доктор... какой, к черту, доктор...»

При свете плыть было уже не так страшно, хотя пару раз, когда мелькали у самой лодки рыбы морды, накачивало в живот противной слабостью. Проводник равномерно толкался длиннющим шестом, перебирал руками мокрое дерево. Шесты озерские выменивали у лесных на рыбу.

Потом появилась одна устойчивая протока, шириной метра три, и пошла, пошла, извилистая, но нигде не остановленная зарослями. И вроде полплыли быстрее. «Река, — догадался Доктор, — это река вытекает из озера... А куда она течет?»

Река вышла в другое озеро, почти не заросшее, большое, с туманными островами вдали. Проводник круто свернул и прогнал лодку узким протоком к берегу, где обнаружился низкий дом без крыши, из старых серых бревен, одним углом осевший в сырую почву. Перед домом в землю был вкопан совершенно нелепый в этой обстановке желтый корпус авиационной ракеты с помятыми стабилизаторами, на котором была приспособлена столешница из каких-то тоже военных дощечек защитного цвета. А за домом росли настоящие большие сосны, целый лес, только вершины у них были словно наполовину срезаны одним проходом гигантских ножниц.

Доктор хотел что-то сказать, но захрипел и закашлялся после долгого молчания.

Потом все-таки справился с собой и спросил у Проводника: «А где же ... старый Доктор?»

Почему-то он сказал именно «старый», хотя сам был два раза на приеме, и видел в полумраке довольно молодое лицо, пусть и со следами сильных ожогов.

Проводник молча махнул рукой в сторону сосен, пристально взглянул на Доктора и опять же жестом позвал за собой. Они обошли дом и по едва натоптанной тропинке углубились в сумрачный лес.

«В таком лесу хорошо сказки сочинять, — думал Доктор. — Папоротники только что не цветут, вон какие разлапистые». По ребрам у него пробежал озноб. Под ногами постепенно захлопало и даже вроде стало покачиваться. Потом болото кончилось, и возник крутой подъемчик.

На взгорке толпились все те же сосны со срезанными вершинами и лежал длиннющий, метров пяти, вытянутый серый валун, по форме напоминавший большую щуку. Только голова у щуки была отбита и валялась на земле. Спинай прижавшись к сколу на туловище, на земле сидел человек.

Проводник то ли отстал, то ли специально ушел куда-то, но Доктор вдруг почувствовал, что возле щуки, кроме них двоих, никого больше нет. Он потоптался на месте, а потом, решившись, присел на щучью голову и посмотрел в упор на Старого Доктора.

Старый Доктор производил впечатление человека, который еще не решил, помереть ему или пожить еще. Щеки ввалились, он тяжело, с усилием дышал, а живые глаза блестели, и по щекам разливался румянец, смешиваясь с пятнами ожогов. Лет ему вряд ли было больше сорока, но волосы совершенно поседел и выпали клочками, обнажив на черепе блестящую гладкую кожу.

«А-а, пришел! — неожиданно ясным и громким высоким голосом сказал Старый Доктор. — И то сказать, успел! Теперь слушай, а то я скоро кончусь. Слушай, не перебивай!»

Доктор и так не знал, что ему говорить, вроде и перебивать было незачем. Он пожал плечами.

«Эта вот каменюга тут лежит очень давно. Она не местная. Я знаю, тут археологи копались, на дне озера есть город, ему тысяч пять лет. Но она старше. Типа метеорита. У них тут капище было, жертвы приносили. Она тебя узнает».

Этот монолог стоил Старому Доктору половины сил. Он задышал, как собака в жару, а румянец медленно сошел у него с лица. Отдышавшись, он продолжил.

«Сядешь вот так, как сижу. Считай до ста, не торопись. Меньше — плохо будет получаться, больше —

ударит. Потом иди сразу на поляну, тебе Борода покажет. Я там принимал, и ты был у меня».

Тут его стал бить сухой кашель, и пока он кашлял, Доктор вдруг понял, что лес ему знаком. Отсюда полсотни шагов до поляны с большой двойной сосной, где принимал Старый Доктор.

«Да рядом, рядом твоя деревня! Только если в первый раз оттуда пройти, ничего не увидишь, место такое. Анизотропное. А потом можно...».

Голос его окреп, он больше не кашлял и выпрямился, глядя Доктору прямо в глаза.

Белые глаза, точки зрачков. Шизофореник.

«Больше пяти человек за раз не принимай, и им не поможешь, и сам надорвешься».

Доктор, наконец, разлепил губы и сухим ртом прошелестел: «Что я должен делать?»

«Лечить, доктор, лечить! Они без тебя все перемерут за полгода. А как... лечить... сам поймешь... на Бороде попробуй, ему полезно... у него...»

Старый доктор вдруг замолчал, сполз по камню и упал левым боком, стукнувшись головой о корень. Откуда-то появился Борода, присел рядом, обхватил его за плечи, зачем-то потряс и заплакал...

Ямку нашли между корней, как специально заготовлена. Опустили Старого Доктора на влажную лесную подстилку, засыпали, как могли, рвали дерн руками, сгребали хвоей. Все равно могилы не получилось, так, прихоронка.

Потом Доктор понял, что они стоят у каменной щуки напротив друг друга, и Борода смотрит на него доверчиво и просяще, как приبلудная собака. В голове у Доктора шумело, мысли пугались, и вообще все происходило как будто не с ним, как во сне, тяжелом сне. Он сделал тяжеленными ногами несколько шагов и сел к камню, так, как сидел Старый Доктор.

Камень оказался холодным. Он был не просто ледяным, а словно служил эталоном абсолютного нуля. Доктора всего передернуло, он напрягся, чтобы встать, и вдруг из камня ударило жаром, сквозь тело прошел порыв ветра, и мир вокруг изменился.

Не было больше деревьев и травы, не было чужьей головы, и Бороды не было. Вернее, все вокруг было видно, но в виде полупрозрачных, цветных, многослойных силуэтов. Доктор всмотрелся и понял, что камни светятся из глубины ровным бордовым светом, стволы сосен — желто-оранжевым, еще какие-то деревья стали голубыми и зелеными призраками.

Он с усилием повел глазами и рассмотрел Бороду. Его тело словно состояло из оранжевого, зеленого, красного сияния. Какие-то желтые линии, словно жилы, пронизывали его насквозь, обрисовывая руки и ноги, а кое-где стужались темные пятна. Доктор зажмурился, перед глазами забегали узоры из пятен, но они угасли, а Борода остался в темноте стоять, как призрак. «Это что же, я вижу с закрытыми глазам? — как-то уж очень спокойно подумал Доктор. — И что я вижу? Что у него с правым локтем, что за чернота?»

И Доктор вдруг понял, что у Бороды болит локоть, что он толкался шестом, преодолевая эту боль, через силу. А черноту нужно убрать, для чего вон там, наверху, есть запас красноты, лилового тумана, который так легко взять и отправить ручейком прямо в локоть. Он сделал это вроде бы мысленно, но ручеек и на самом деле поплыл в пространстве, лиловое вытеснило черноту из локтя, так что она дрогнула и прямо через ноги утекла вниз, в землю.

И тут же все пропало, и снова появился лес, лицо Бороды, который склонился над ним, почему-то улыбаясь во весь рот. Доктор обнаружил, что уже не сидит у камня, а лежит рядом на спине и весь наполнен приятной истомой, как будто только что сладко по-

тянулся после долгого и освежающего сна. Он вскочил на ноги, как подброшенный пружиной, ни с того ни с сего хлопнул Бороду по плечу и закричал на весь лес: «Ого-го!».

Потом он долго выяснял у Бороды, что и где у него болело, и как прошло, и на самом ли деле теперь не болит, и как это было при Старом Докторе, а Борода все улыбался, поддакивал, что-то рассказывал, но теперь это было уже не важно, как будто и так все ясно. И можно было вылечить всех, кто придет к нему на поляну, и продлить им жизнь, несмотря на эту проклятую войну, радиацию, холод, изоляцию и всеобщее безумие... Новый Доктор!

...Болели плечи, дико болела голова, насквозь простреливало от висков в затылок.

Старый Доктор сидел, привалившись к камню, и все сильнее ощущал всей спиной, как подступает холод,

как сводит ноги. Он вяло провел рукой по макушке и сбросил на землю клочок выпавших седых волос.

Сейчас они придут, Проводник и та девочка, в которой он, в единственной, увидел способности принять от камня целебную силу. Он знал, она сможет. И люди снова будут жить долгие годы, их уже стало больше, они уже меньше умирают, меньше рождается уродов, он отдал им все силы, все, что получил от каменной щуки или просто нашел в самом себе... Он не заметил, как задремал, и вздрогнул, когда хрустнула ветка под ногой.

«А-а, пришла! Слушай меня и не перебивай...». Где-то внутри громко тикали часы жизни, доворачивая стрелки к роковой отметке.

Неподалеку стоял Проводник, прижавшись щекой к сосновой коре, и смотрел светлыми детскими глазами.

Рубаха смерти

Его жизнь, как, впрочем, и любая другая человеческая, была коротка до чрезвычайности, и вся вместилась между «Родился в 19...» и «Ушел в 20...». Поэтому он так и не узнал, что мировой ядерный конфликт действительно разразился в 2150 году, как им и было предсказано, и милые его сердцу сосновые леса полыхнули в одночасье жарким факелом с горячими искрами. Зацепило даже далекий остров в Средиземном море, потому что там стоял авианосец, и на него положили ракету, но слегка промахнулись, так что стальная коробка выдержала, а вот экипаж получил такую дозу, что за несколько суток превратился в лучевой

студень. И берегу досталось, берегу, где иногда бывал сам писатель. Ну и в воздухе пару раз рвануло, но очень сильно и нехорошо.

Кое-кто из его потомков уцелел, и одна почти взрослая девочка, буквально прижимая к себе, вынесла в эвакуацию ну очень старинную книгу, с ветхой и ломкой бумагой, на которой и было напечатано поразившее ее, тоже старинное, стихотворение:

*Я примерил рубашку счастья,
Оказалась она мала,
Расползлась на груди на части,
На несбыточные дела...*

Потом там было еще что-то про Музу, не очень понятно, зато в конце — полный улет:

*Я примерил рубаху смерти –
Не по-нашему тяжела.
Лучше жизнь на себя примерьте,
И носите, пока жива!*

— Это прямо про наше время, — думала девочка, — и написано старым четким языком, а не на сплаве.

Она пыталась переводить эти стихи на современный ей странный, торопливый и грубоватый сплав — смесь кучи языков в едином мировом котле. Но как-то...

А нажалил ми робку морта... музыка не та.

Между прочим, именно тогда многие по-настоящему поняли, что книга не зависит ни от сети, ни от батареек, а попросту это энерго-независимая память. А если светится немного, так пойдти найди теперь то, что не светит и работает.

Девочка уплыла на военном корабле в неизвестность эвакуации, но, говорят, осталась жива, выросла, только детей у нее не было, и куда книга девалась потом, никто уже не расскажет. А стих остался, вернее, последнее четверостишие, потому что его зачем-то вырезали лучевиком на скалах, именно там, на острове, рядом с обломками транспортника, пропоротого боевым лазером и развалинами средневековой крепости, которая молча терпела подобные страшные вещи уже больше тысячи лет, а камень — не бумага, ничего не боится.

Правда, в старой игре про камень, бумагу и ножницы камень боялся как раз бумаги.

А бумага — ножниц. Поэтому самое безобразное в истории — это работа ножниц по бумаге, от которой потом страдают даже камни.

Но бумаги-то и не осталось. Только скала, по которой бежали торопливые строки, почему-то с наклоном влево. Собственно, «почему-то» — это для посторонних. А любой вояка сразу бы понял, что тяжелым лучевиком так работать гораздо удобнее. Кстати, у той девочки был парень, который как раз пошел добровольцем в морскую пехоту. И транспортники перебрасывали морпехов, чтобы разобрататься с хитрыми радарными на острове. Так что все может быть...

Луч вскрыл верхний слой камня, и показались нижние, нетронутые породы. Ладно, что дождей тут почти не было, поэтому надпись выделялась светлым пятном на грубой каменной стене, под развалинами башни. Говорят, очень давно оттуда, сверху, кого-то сбросили. Вроде как брат короля, Джон, поругался с королевой, да малость силы не рассчитал. А вредная баба быстро обработала мужа и поставила вопрос ребром.

Но этого уже некому было рассказывать: не стало ни туристов, ни экскурсоводов. Угрюмые развалины на выжженных солнцем горах, и ни травинки, ни куста после мировых катаклизмов.

Правда, лет через двести что-то начало расти и здесь, рядом со строками про рубашку смерти. То ли жизнь в силу своей невероятной гибкости все-таки нашла лазейки в радиоактивном мире, то ли занесло ветром семена мутантов с материка, где вареву новых попыток освоить выжженный мир было погуще, и кастрюля побольше. Странные, кольчатые стебли, листья-змеи, поползавшие за день по несколько метров в поисках воды и пищи, острые шипы.

Попади наш писатель на такой лужок, и страшно бы стало ему, и пища бы появилась для новых фантазий. А тем, кто выжил после войны, и самим

досталась каменистая тропинка на великом пути эволюции, так что это были уже почти не люди.

Или почти нелюди. А им эти шипы-змеи были не в новинку, главное, не вставать, куда не надо. Но остров есть остров, и если на нем нет никого, так и не будет, пока не приплывут. Или не прилетят. Пока не научатся плавать или летать. Или остров не станет полуостровом.

В общем, сколько прошло времени, когда над островом появился Разведчик, сказать практически невозможно. Климат стал уже другим, и то ли море поднялось, то ли остров просел в собственные недра.

Башня несчастного Джона, в общем, еще стояла, но уже больше походила на естественную грудку камней и оказалась у самого моря.

А вот надписи страшно повезло! Все-таки обрыв оказался не отвесным, и когда часть горы рухнула, его прикрыло свежей осыпью. А осела осыпь при землетрясении, которое случилось как раз накануне появления Разведчика, так что строчки опять высветились на скале.

Он, этот Разведчик, был по человеческим понятиям скорее живой, чем мертвый, с собственным циклом обмена энергией и служебными мозгами. Но человеческие понятия к тому времени, как таковые, уже отсутствовали, поскольку не было самих людей. А то, что заняло их место, изучали хозяева Разведчика, и у них были свои соображения, свои мотивы освоения новых миров.

Например, их интересовала концентрированная информация, заключенная в жесткие символичные формы, и они тратили время и огромные ресурсы, чтобы найти еще одну планету, где была бы разумная жизнь или ее следы, и при этом туземцы доросли до языка и любой его записи. И тогда была бы надежда найти то, что условно можно было бы назвать

«стихами», случись переводить язык хозяев Разведчика на старые земные языки.

Хотя у них это называлось совсем по-другому и в одно понятие были сплетены поиски смысла, иносказание, дальние связи между явлениями и звучание музыки.

Разведчик сканировал каменные осыпи и всюду видел первобытный хаос и первобытные же попытки бессмысленного упорядочения пространства зарослями колючих и пластинчатых растений. И на других материках огромной планеты он видел то же самое. Холмы, реки, озера, моря — все это не было освещено деятельностью высокого разума. Следующий уровень — анализ состояния недр и проведение раскопок — требовал уже совсем другой техники и времени.

Как хочется здесь написать что-то вроде: «И вдруг сканеры Разведчика бешено заработали. Он подплыл в горячем воздухе к обнажившейся скале и зафиксировал строки стихотворения, высеченные в далеком прошлом руками раненого морпеха, который понимал, что ему не уцелеть, и отправил послание в вечность...».

Увы, он пролетел мимо. И на голубой планете разведка первого уровня поставила жирный хозяйский крест. Надолго ли? Кто знает...

Могут только сказать, что где-то ближе к окраине одной из Галактик, у звезды желтого карлика, на планете, солидно покрытой океаном, до сих пор есть островок, а на островке скала, и при косом вечернем солнце, если приглядеться, проступают четыре слова: «Я примерил рубаху смерти» на одном из древних и, увы, мертвых языков этой мертвой планеты.

Отчего же умерла планета? Может быть, она вовремя не поняла, что поэты — это безжалостные провидцы, и все силы истратила в бесплодной борьбе за власть, земные ресурсы и удовлетворение болезненных самолюбий, — вместо того, чтобы заниматься Поэзией и искать в ней ответы на все вопросы Бытия.

Птица рухи

Птица рухи всегда прилетает перед рассветом и садится на крышу дома. Если ты не спишь, то слышно, как она скребется когтями и стучит клювом да шуришит перьями, или что там у нее, потом улетает. А если спишь, то просыпаешься от ее крика, который приходит, как кошмар во сне, резким ознобом. Никто не видел птицы рухи и не слышал ее крика. Дедушка говорит, что она необъяснима, и нечего про нее рассказывать. Ну а что, рассказывать можно только про то, что объяснимо? Вот дедушка сам говорил, что зимой шел по дороге, снежной и утоптанной, и вдруг услышал сзади скрип и постукивание. Он обернулся и отпрянул к обочине, а мимо прокатилось большое колесо от телеги, само по себе, так и укатилось вперед и скрылось далеко впереди. Еще нам и нарисовал, как дело было. Необъяснимо? Конечно, никто такого и придумать не мог, раз колеса до этого никто не представлял.

Или вот внуки. Есть деда и есть внуки, а родителей никто в глаза не видел, только сказки на ночь про них страшные в темноте внуки друг другу рассказывают. Ну, там, про людоедов да про летучих разных уродов. Просто есть старые, а есть совсем мелкие. Старые их родить не могут, а вот каждый год появляются новые внуки, и все тут. Ночью, в Новый год. Падает за окнами яркая звезда, и вот, пожалуйста, новый внук. Куда там эти звезды падают, никто не знает, никто их на земле еще не нашел. А внуки вот они, орут и есть требуют. Одного на чердаке нашли. Другой пищал прямо на морозе, на крыльце. А меня вот нашли в соседней комнате, откуда все вышли зачем-то. Звезда, говорят, была мелковатая, зато вроде как громыхнуло где-то. В общем, все мы такие, необъяснимые.

Зато есть вещи вполне понятные и насквозь объяснимые. Во дворе растет у нас дерево с вечножелтыми

листьями, его один внук придумал. Дедушка говорит, что дерево должно быть или вечнозеленым, или листья у него к осени желтеют, краснеют и опадают на землю. Потом постоит-постоит голое и опять давай зеленеть. Ну, это совсем в голове не укладывается. Да таких и нет у нас.

А наше всегда желтое, листья круглыми шариками, надутые, и, если листок неаккуратно оторвать от дерева, он пищит, пока из него весь лишний воздух не выйдет.

А если его аккуратно срезают и сушат, то получается классный мячик. Так дураку ясно, что, если проткнуть лист колочкой еще на дереве, пisku будет много, а толку мало, потому что мячик потом получится с дырой и никуда не годный. Только дурачок вроде соседского внука может устраивать такие бессмысленные пакости.

Пакости вообще вещь загадочная, особенно, если их устраивает сама мать-природа. Вот я, например, очень быстро расту, ну весь здоровый такой парень стал, а лицо как у младенца, только побольше стало. У дедушки голова седая, лицо морщинистое, со щетиной, кожа дубленая. А у меня розовая, нежная — спасу нет. Задел за ветку в лесу — тут тебе и кровича, и шрам потом. У меня все лицо в шрамах. Правда, и других внуков так же. Даром, что волос нет совсем, сесть нечему. Одно слово, внуки. Только и остается, что ждать. Все и ждем, когда морщины пойдут. Вот, говорят, прилетит птица рухи днем, крикнет громко до жути, все и сморщимся, дедами станем.

Ну ладно, это все ерунда. Главное, нужно учиться думать. Дедушка говорит, что для этого мы все и на свет рождаемся. Свет у нас очень большой, круглый, высокий. До края еще никто не доходил. Да

и не пустят, начнут всякие оборотни-выворотни назад заворачивать, домой и придешь, только время потеряешь.

Лучше как следует думать. Вот я еще неделю назад не умел думать про то, как бы в теплице замечательные огурцы вырастить. Они и не росли. А как стал думать, так и поперло. Только успевай поливать да ведрами собирать.

И ведь кто что придумывает, деды только крикают да в затылках чешут. То у забора ноги вырастут, и он за ночь уйдет на другой конец поля. То дверь начинает сама закрываться-открываться, потому что рядом вырос такой зеленый крепкий побег, который шагов боится. Как кто идет, он за дверь прячется и ее за собой утягивает, открывает.

Но это, в общем-то, хулиганство, а правильно думать мы учимся в классе, где все сидят на скамейках за столом и думают то, что дежурный дедушка прикажет. То палку какую-то гнем, то шар по столу катаем без рук, то штуки разные докрасна-добела раскаляем. Нам-то что, а дедушка надевает свой тяжелый толстый балахон учительский и голову в большой пузырь прячет.

Вроде как ему поплохее, если он его не наденет. А по-моему, просто авторитет боится свой потерять. Раз сам думать не умеет, а только учит, так хоть балахоном должен выделяться. Хотя однажды один внук в балахон залез и закрылся... только полыхнуло внутри. Одна копоть осталась, пришлось все выбросить. Дедушка тогда высказался совсем непонятно: «многократное переотражение потоков тонких полей в замкнутом пространстве», вроде как выругался. С тех пор дураков нет, к балахону никто и близко не подходит. Даже и не думает никто об этом, уж лучше думать о вещах неопасных и нескупных.

Ну вот, я так думал-думал, и ведь некоторые мысли сами приходят в голову, никого не спрашивают, и уперся в такую вот мысль: что будет дальше. В смысле будущего. И придумал игрушку, из кучи кирпичей. Если кирпичи складывать, как нужно, ставить каждый на свое место, получается такая высокая стенка, прочная, стоит, не падает. А если как попало, она рушится и вся рассыпается. И сосчитал, что поставишь стенку в десять этажей, тут тебе все ясно и станет. И зачем живешь, и что дальше будет, и совсем потом. И даже про птицу рухи.

Только мне никак эту стенку достроить не удаётся, потому что я никому ее не показываю. Ни дедам, ни другим внукам. А все делаю урывками да тайком. А то начнут ругаться да смеяться, сам будешь, как дурак. А стенка вся у меня в голове хранится. И все бы прекрасно, да как я ее строить начну, у меня лицо вроде как меняется, то ли я краснею, то ли глаза в кучку собираются. В общем, заметно издали, приходится то рожи разные строить, то делать вид, что живот болит, а лучше от всех просто прятаться, чтобы не мешали. Ну, и попробуй спрячься! Где? В лесу, что ли? Это одно название, что лес, сплошная проволока на трубках, метелки колючие, петли, мачты. Кругом искрит, хуже нет, когда все чистить надо. А это наряд, не отворачивайся. Отсюда и шрамы.

Ну вот, я все-таки и придумал. Сказал дедушке, что хочу выдумать новое дерево, как он нам его расписывал, с разноцветными листьями. Но нужно, чтобы мне не мешали, хотя бы часа два. Чтобы не было никого в комнате, что редко бывает. Нас же специально одних не оставляют, чтобы не нахулиганили. Ну, он и купился, пустил меня в класс после обеда. Дерево-то я давно уж придумал, да маленьким сделал. Только увеличить осталось, а я его с собой уже таскать замаялся, чтобы из кармана не потерять.

Ну вот, посидел я в тишине, сосредоточился, и давай кирпичи из головы доставать да на полу раскладывать. Они же все разные, кирпичи-то, и по форме, и по цвету и по... пустоте внутри, что ли? Этот вот большой, да легкий, а тот маленький, да как гирька, да еще скользкий. Та еще работа! Но уж очень меня заело. Я решил, что если выйдет, первым делом на птицу рухи посмотрю. А уж потом буду про разные дела узнавать, про будущее там, про родителей, про то, как дедушкой стать...

Тут я схитрил. Я решил, что дедушка все равно захочет узнать, чем я тут занимаюсь, заглянет в класс и все испортит. Поэтому я просто придумал, чтобы одна доска в двери не кончалась у самого пола, а прошла ниже и вылезла в подвал. Теперь дверь срослась с полом и можно было не беспокоиться, что мне мешают.

И я занялся стенкой. У меня ведь получилась такая игрушка, которую собрать можно было, только если понимаешь, что к чему, и просто так, подбирая кирпичики, ее не собрать. А я сочинил такую веселую песенку, и если ее петь про себя, то руки сами начинают работать правильно, и стенку построить — все равно, что песенку спеть правильно, не фальшивя и слов не путая.

Все-таки я спутался. И пришлось повторять с начала куплета, так что я еще не совсем закончил, когда на дверь как следует налегли с той стороны, так что все затрещало.

Но мне было уже все равно, не остановиться! Я встал в пол еще пару досок да еще косяк придвинул. За окном стало почему-то темно, как будто наступил вечер. И стенка моя — вот она, такая красивая, высокая. И вдруг она выгнулась дугой и охватила меня со всех сторон, и я уже стал как будто не я, и сразу много-много понял и увидел и узнал, что за всеми от-

ветами нужно просто потянуться туда... ну, в общем, в ту сторону. А там была другая совсем комната, узкая и высокая, и в ней стоял такой большой стол, что по сторонам только и оставалось места для стульев, а за ними и не пройти. И там сидели дедушки, много дедушек, человек двадцать. Им всем места не хватало у стола, так они сгрудились со своими стульями и все углы заняли в этой комнате.

А потом я понял, что дедушек-то было всего трое, все такие загорелые, морщинистые, седые, небритые. А другие были почти как внуки, но с волосами, а еще у двоих кожа была почти младенческая, но волосы длинные и лица какие-то другие. И как раз там, где начинался стол, у них спереди на груди были прицеплены какие-то мешочки, и там лежали такие округлые... ну, в общем, как мячики, только живые.

— Но людей-то жалко! — сказал дедушка из этих троих, который сидел с краю.

Тут один внук с темными волосами сильно хлопнул ладонью по столу и закричал: «Вот! Они для тебя уже люди! Как вы не понимаете, что заказчик от нас готов отказаться! За-каз-чик! Не нужно снова никаких комиссий, нужен только ре-зуль-тат! А заказчик скоро обойдется без нас... без этих твоих людей!»

Тут другой дедушка начал говорить, и говорил очень долго и как-то непонятно, то есть он со всеми соглашался и предлагал вспомнить, с чего все начиналось. Он произносил какие-то новые для меня слова вроде «генетический проект», «стратегический успех», «интересы государства», а один раз даже выругался, как тот дедушка возле сторевшего балахона, «тонкие поля» и еще что-то такое про оружие. Но, говорил он, еще немного, и мы перестанем их не то что понимать, а контролировать, и вообще есть косвенные данные,

что один из них уже почти от нас ушел, уже почти достроил чертову дыру.

Тут все задвигались, зашумели, и кто-то закричал: «Так вот это и главное! А вы молчите!» А эти двое с мешочками на груди кричали тоненькими детскими голосами, как мелкие внуки, когда есть хотят.

Потом вдруг все замолчали, а посреди стола загорелась такая лампа на подставке, как лист у мячикового дерева, желтым светом. И кто-то охнул, а внук с мешочками завизжал. Дедушка, который первым говорил про людей, спокойно так сказал: «Поздно. Уже поздно. Он уже здесь. Ну да ничего, загара немного получите... космического». И почему-то все дедушки засмеялись.

Я понял, что они как-то догадались, что я смотрю, и «он» — это я. И еще я увидел, что будет потом. Как будто вторым зрением, на картинке, которая возникла где-то у меня на лбу, только изнутри. Как один из сидящих за столом куда-то говорит, как будто под стол, что нужно все отключать и ликвидировать, и как

гаснет наш свет, и все внуки словно бы засыпают, кто где был, а дежурный дедушка в балахоне бежит куда-то прямо сквозь лес, цепляясь за ветки и трубки. А еще дальше я увидел, что все это мне страшно не нравится, и я поднимаюсь куда-то вверх, как большая птица, и своими крыльями накрываю наш свет, и все просыпаются. А дедушка, наоборот, падает и лежит неподвижно, и все дедушки всюду, где бы ни были, падают, и внуки, и много внуков с мешочками...

А я опускаюсь на крышу нашего дома, стучу клювом и шуршу перьями, или что там у меня есть, и страшно кричу. Потому что я и есть птица рухи.

Я кричу долго и пронзительно, но меня никто не слышит, а мир вокруг медленно выворачивается наизнанку, и наш свет становится большим и настоящим, а тот свет, где остались дедушки, неправильные внуки и комната со столом, стягивается в маленькую черную точку и исчезает.

И наступает утро. И можно думать, о чем хочешь, как будто ты просто человек.

Волшебство молодой строки

«Волшебная строка-2011» — IV Всероссийский фестиваль литературного творчества детей и юношества, состоявшийся в Екатеринбурге 24–25 марта 2011 года.

«Уральский следопыт» традиционно выступает информационным партнером Фестиваля и публикует на своих страницах лучшие работы конкурса «Волшебной строки» в различных номинациях.

Наверное, по духу ближе всего журналу работы юных сказочников и фантастов, тем более, что в жюри их произведения внимательно изучает Борис Долинго, заведующий отделом фантастики «Следопыта», организатор знаменитой «Аэлиты», который работает вместе с известной детской писательницей-сказочницей Светланой Лавровой.

Но «Волшебная строка» — это еще и стихи, и проза, и эссе в номинации «Гениальный читатель». Свои произведения на конкурс прислали около 800 авторов из 48 регионов России, а также Белорусии, Украины и Армении. Поэтому на открытии Фестиваля его президент, директор Свердловской областной библиотеки для детей и юношества (СОБДиЮ), Заслуженный работник культуры РФ Людмила Воробьева с полным правом объявила о международном статусе «Волшебной строки-2011»